

61 коп.

М. Зверев • Золотой сайгак

М. Зверев
Золотой
сайгак

Издательство «Детская литература»

М. ЗВЕРЕВ

ЗОЛОТОЙ САЙГАК

П О В Е С Т И
И
Р А С С К А З Ы

Издательство «Детская литература»
Москва • 1968

ОБ АВТОРЕ

Книга «Золотой сайгак» — интересная книга. Я прочитал первый рассказ и уже не мог остановиться. Но рассказать я хочу вам не о книжке, а об её авторе — Максиме Дмитриевиче Звереве.

Познакомил меня с ним ещё Виталий Валентинович Бианки. Но это было заочное, «письменное» знакомство. Встретились мы с ним только в 1960 году в Иркутске.

Всегда любопытно, но как-то тревожно и боязно встречаться с человеком, которого знаешь только по письмам и книгам. А вдруг он совсем не такой, каким ты его себе представляешь?

Быстро открылась дверь. Пожилой человек, чуть уже ссутулившийся, но живой и приветливый, быстро вошёл в комнату. Это он! Я сразу его узнал, хоть и видел впервые. Мы обнялись. А через минуту уже говорили, перебивая друг друга.

Что мне о нём сказать?

Это бывалый человек. Это увлечённый человек. И, как всякий увлечённый человек, это интересный человек. Говорит он негромко. Ходит быстро. Руки его привычны к ружью и лопате, к веслу и перу. Ноги шагали по тайге и по тундре, по горам и пустыням. Ледяные и знойные ветры оставили свои следы-морщинки на его лице. Глаза, которые видели многое...

Максиму Дмитриевичу есть что рассказать. Но он не устаёт узнавать ещё и ещё. Страсть к разгадыванию загадок природы до сих пор не отпускает его.

В 1964 году мы встретились снова. На этот раз в его домике в Алма-Ате. У домика своё лицо: видно, что живёт в нём натуралист. Домик утонул в зелени. В садике клумба... из камней! Камни затянуты пёстрыми лишайниками.

В комнате книги, вольера с птицами, фотографии и чучела. На столе аквариум с рыбками, пепельница из щитка черепахи, стаканчик для карандашей из полого сучка. У стола кресло, сделанное из огромных рогов архара. За окном воркуют дикие горлинки. А дальше, над городом, над зеленью его садов, высятся снежные вершины Тянь-Шаня...

Но не все свои рассказы Максим Дмитриевич написал за этим столом. Он умеет писать на ходу: в машине, в поезде, в самолёте, в лодке. Писать и записывать. У Максима Дмитриевича собрана огромная картотека: тысячи карточек с записями интересных наблюдений. Собиралась картотека не

один десяток лет. Я уверен, что, когда рука Максима Дмитриевича перебирает эти карточки, глаза его видят далёкие горы и степи, а уши слышат пение птиц... Теперь бы только черпать и черпать из этого неиссякаемого колодца. Можно бы подвести и итоги: ведь 70 лет жизни, 45 лет работы в литературе, 80 книг тиражом свыше 4 миллионов! Но Максиму Дмитриевичу не сидится. Огромный зелёный мир его родины, который очаровал его в детстве, манит и влечёт до сих пор. Столько ещё разных дел, столько задумок и планов, столько неразгаданных загадок!

И вот мы в лесу. Это самый удивительный лес, какой мне приходилось видеть: весь он серебристый, седой, будто заиндевевший. А снизу ценно-розовая кайма чингила и тамариска.

Сидим под москитным пологом. На деревьях свистят соловьи. В кустах вскрикивают фазаны. В мутной реке чмокают мокрыми губами рыбы. Нас трое: Максим Дмитриевич, Павел Иустинович Мариковский, тоже писатель-натуралист, и я. Для нас это торжественный миг. Ещё при жизни Бианки мечтали мы собраться вот так однажды все вместе в лесу и поговорить. Поговорить о природе, о книгах, о литературе.

И вот мы сидим и говорим. Задумываем так написать о красоте нашей земли, чтобы всем стало жалко губить эту красоту. Мечтаем так рассказать о жизни наших птиц и зверей, чтобы всем ребятам захотелось узнать о них как можно больше. Хочется нам, чтобы поняли все, что лес — не только дрова, луг — не только сено, а птицы и звери — не только мясо и перо. Говорим, что в природе начало всех начал, истоки мудрости и познания. Сожалеем, что ребята наши часто больше знают про джунгли, чем про тайгу, про прерии, чем про степи. Знают они о львах, о зебрах, слонах и бегемотах — и это очень хорошо. Но плохо знают наших маралов, росомех, глухарей и дикуш — и это очень плохо!

Вспоминаем о том, что когда-то американские писатели напечатали такие книжки, что даже многие наши ребята собирались бежать охотиться на гризли в Скалистых горах, ловить с ковбоями мустангов в прериях, сражаться с индейцами за свободу. А у нас подобных книг печатают мало, и потому не только американские ребята не стремятся в нашу тайгу и степь, но и свой-то не очень о них знают. И это плохо, потому что родину надо знать.

Все книги Максима Дмитриевича — о нашей земле. И о наших соседях на ней — птицах и зверях. И, конечно, о людях.

Есть в этой книге раздел «В ущелье Кокпек». Он весь посвящён интересному человеку, горному следопыту, свое-

образному тянь-шанскому Дерсу Узала — Петренко Мартыну Павловичу. Горы на «ты» с этим человеком, они не скрывают от него своих тайн.

Я знаю Петренко. Познакомились мы с ним в лесу, на реке Чилик, в урочище Бартагой. Помню, подошёл огромный мужчина, грузный, тяжёлый. И протянул руку. Руку такую принято называть ручищей. А кулак, который получится, если сжать пальцы, — кувалдой. И голос хороший — как труба! Но за всем этим добродушие, мягкость, хитринка и, главное, внимание к человеку. Не вообще, а именно вот к тебе: какой ты?

Вечером пили чай во дворе. Уныло кричала сова-сплюшка: «Сплю! сплю! сплю!» А нам спать не хотелось, мы во все уши слушали рассказы Мартына Павловича про горы. Слушали и жевали жареную козлятину. Только вчера ночью барс зарезал у Мартына Павловича двух козликов. Мартын Павлович караулил его, но барс — хитрая кошка. Он чуть высунулся из-за дальнего камня, всё разглядел своими жёлтыми глазами, всё понял и стал тихо отползать.

Так за разговорами прошёл вечер. И так-то хорошо: ещё одним хорошим человеком рядом стало больше!

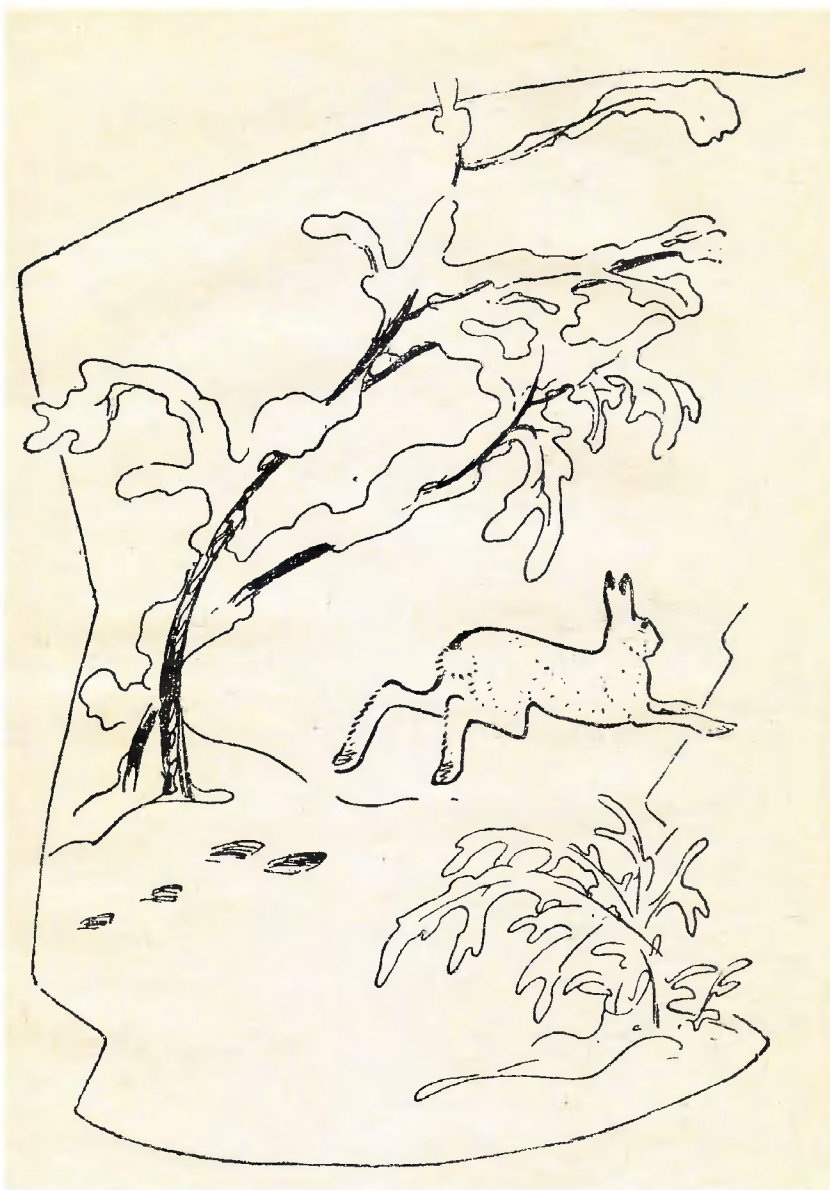
Максим Дмитриевич очень точен в своих рассказах. Он пишет не «из комнаты», не «из книг»: он всё видел сам. Это привычка учёного: Максим Дмитриевич много лет работал зоологом. И в книжках своих он не только популярно рассказывает о том, что открыли другие, но и открывает сам.

М. М. Пришвин так сказал об этой особенности книжек Максима Дмитриевича: «Вот тем и хороши рассказы М. Зверева, что читаются они легко, с интересом и в то же время располагают читателя к полному доверию, ибо достоверны и в научном отношении».

Читатели ценят книги Максима Дмитриевича. Их раскупают на ходу. Максим Дмитриевич получает много благодарных писем. Особенно много писем от молодых людей. Ещё бы: ведь он рассказал им о мире, полном загадок. Там есть к чему приложить свои руки и голову. Им там не придётся начинать всё сначала. Они могут начать там, где он кончил. Только имейте в виду: Максим Дмитриевич ещё не кончил! Ни как писатель, ни как натуралист. Он весь ещё в заботах и планах. Он полон задумок и идей. Совсем недавно я получил от него письмо. Там есть такая строчка: «Всё лето я мог бы сколько угодно робинзонить. Большую часть времени смогли бы провести в горах. Приезжайте!»

Как видите, за ним не так-то просто угнаться. Поторопитесь!

Николай Сладков

ПО ЗВЕРИНОМУ СЛЕДУ

Тихо в зимнем лесу. Ледяным спом скованы могучие ели. Под тяжёлыми шапками снега низко склонились ветви. Снег падает с них совершенно беззвучно, а ветка помашет ему вслед и снова замрёт. В лесу настолько тихо, что слышен звон в ушах после быстрого перехода на лыжах. Ничто не мешает сидеть на поваленном дереве и думать в этой звенящей тишине. Зимний притихший лес — это рабочий кабинет натуралиста.

Хотя и тихо в зимнем лесу, но в нём много жизни. Ночные обитатели только в сумерках начинают свою жизнь. Она интересна, но невидима для нас под покровом темноты. Но следы зверей на снегу — прыжок за прыжком — записываются в Снежной книге леса. Утром по следам можно прочесть всё, что творилось в ночном лесу.

Всюду в пустыне летом раскалённый песок. До самого горизонта во все стороны видны только песчаные барханы. Лишь в низинках растёт пустынный боялыч, жёсткие злаки да верблюжья колючка. Утомительна и скучна дорога. Невероятной кажется какая-нибудь жизнь среди раскалённого песка. Только ночью в пустыне становится прохладно. Но в ранний час утреннего рассвета вы будете поражены — оказалось, ночью среди барханов кипела жизнь! Множество следов во всех направлениях исписали песок, совсем как в Снежной книге леса зимой!

Весной, летом и осенью после дождя чего только не удастся узнать по звериным следам на размякшей земле! В любое время по грязевым «альбомам» на сырых берегах рек и озёр

или на пыльных колеях дорог можно прочесть, как по книге, что делали здесь звери и зверьки под покровом темноты или при свете луны. Молодняк устраивал игры, как в детской комнате, на илистых берегах рек и озёр. Хищники подкрадывались к добыче. А те, кто приходил на водопой, обязательно «расписывались» у воды на грязи.

Звериные следы зимой и летом позволяют узнавать интереснейшую интимную жизнь диких обитателей лесов, степей и пустынь. Так по крупинкам, десятилетиями собирались отрывки из жизни зверей в природе. Из наблюдений над ними и сложились эти рассказы и небольшие повести.

ЗОЛОТОЙ САЙГАН

Повесть

Жаркий майский полдень. Неподвижный воздух в пустыне пышет зноем. Замолкли жаворонки. Прятались суслики. Даже ящерицы забрались в пустые норки грызунов. Только одна из них, крупная агама, похожая на ископаемого ящера, взобралась на куст тамариска и замерла в неловкой позе: на ветвях кустарника не так жарко.

Вдали, на старой караванной дороге, показалась подвода. Сзади к телеге привязана корова. Это охотник Рахимбай с женой и сыном едут ловить маленьких сайгачат для алма-атинского зоопарка.

К полудню они приехали к знакомым местам, где ежегодно телятся самки сайги.

Рахимбай с сыном пошли искать сайгаков. Вскоре зоркий глаз степняка увидел вдалекедвигающуюся желтоватую точку. Это была сайга. Рахимбай начал осторожно подкрадываться к ней, переползая на животе открытые места. Мальчик полз сзади, во всём подражая отцу. Ещё сотня метров — и стало хорошо видно, как спокойно пасётся горбоносое животное на тонких ножках. Охотник спрятался за развесистый куст селитрянки и зорко всматривается: не видно ли сайгачат? Но они, видимо, надёжно укрыты где-то против ветра — мать должна слышать их запах. Можно проходить весь день, но не найти их, настолько цвет шкурок сайгачат сливается с почвой и травой.

В воздух взлетает остроконечная войлочная шапка и мягко падает. Рахимбай распластался на земле. Сайга насторожилась. Она перестала пастись и тревожно взглянула вправо — не грозит ли опасность её детям?

«Ага, значит, они там», — соображает Рахимбай. И шапка снова взлетает вверх. Сайга рванулась в сторону и остановилась, поглядывая вправо.

Рахимбай встаёт и вместе с сыном уверенно идёт к сайге. Быстроногое животное уносится, как ветерок. Сайга останавливается вдали и с тревогой следит за человеком.

Вот и полынь, где паслась сайга. Рахимбай повернул вправо и осторожно пошёл, внимательно вглядываясь в холмики, низинки и куртинки полыни.

Внезапно он остановился. Сын тоже. Шагах в двадцати от них неподвижно лежал сайгачонок, вытянув шею на земле и спрятав голову за куртинку полыни. Его шёрстка сливалась по цвету с голой почвой и сухими листьями ревеня.

Рахимбай попятился назад. Сайгачонок не двигался. Тогда охотник повернулся и побежал, а мальчик продолжал стоять на месте.

Отбежав несколько сот шагов, Рахимбай оглянулся. Сын стоял неподвижно вдали — значит, сайгачонок лежит! Тогда Рахимбай стал быстро обходить его по большому кругу. Вскоре он был в ста метрах позади сайгачонка. Всё это время мальчик стоял неподвижно в фуражке, одетой козырьком назад. Это был условный знак — значит, сайгачонок лежит по-прежнему спокойно.

Рахимбай снял сапоги и стал осторожно приближаться. Чем ближе он подходил к сайгачонку, тем оживлённее делался мальчик. Он начал махать руками, приседать, кланяться. И когда отец подкрался к сайгачонку шагов на двадцать, мальчик пустился в отчаянный пляс, чтобы привлечь к себе внимание животного. Вот уже десять шагов отделяет Рахимбая от добычи. А сайгачонок всё ещё лежит, не спуская глаз с мальчика. Лёгкий хруст полыни под ногами Рахимбая — и сайгачонок вскочил, рванулся вперёд, но было поздно — Рахимбай успел схватить его за копытце задней ноги.

Попав в руки, сайгачонок закричал «басом», но сразу же успокоился и стих. Рахимбай унёс его на стан в руках. Всю дорогу сайгачонок спокойно сосал ему палец.

А его мать бегала кругами, не приближаясь к людям ближе чем на километр.

В тот же день Рахимбаю удалось поймать ещё одного сайгачонка. Они удивительно быстро привыкли к людям. Казалось, сайгачата не заметили перемены в своей жизни. Похрюкивая, они бросались к жене Рахимбая, едва она брала в руки бутылку с молоком. Толкаясь, они жадно сосали, а после тут же, около телеги, засыпали. Их привязывали тонким волосяным арканом к колышкам, вбитым в землю.

Пять сайгачат Рахимбай поймал за несколько дней без особого труда. Но одного сайгачонка охотник долго искал. Заметив Рахимбая, сайгачонок вскочил и помчался с такой скоростью, что охотник сразу

отстал. Пятидневная крошка, неловко передвигая ещё непослушными длинными ногами, вначале бежала довольно быстро, но скоро устала. Вдруг со всего разбега сайгачонок упал и затаился. Это произошло так быстро и неожиданно, что Рахимбай точно не заметил место, где залёг сайгачонок. А сайгачата умеют мастерски играть в прятки. Для этого им не надо никаких укрытий, да их и нет в пустыне.

Несколько часов Рахимбай искал сайгачонка, а когда наконец нашёл его и взял в руки, маленький плут продолжал не шевелиться.

Началось путешествие. Бирюзовые волны Аральского моря больше суток покачивали ящики с сайгачатами на палубе парохода. Двое суток они тряслись в багажном вагоне, и вот юных путешественников уже везут в машине по асфальтированным улицам большого города.

Поднялась дверка ящика, и сайгачонок, которого Рахимбай поймал первым, выскочил в обширный загон для молодняка в алма-атинском зоопарке. Остальных отправили в ветеринарную часть — они поранили себе головы, прыгая в ящиках и ударяясь о потолок из слишком туго натянутого холста.

Сайгачонок оказался один среди яркого солнечного света. Его окружали незнакомые запахи. Людей он не боялся. С ними сайгачонок прожил дольше, чем с матерью. И когда женщина в халате вошла в загон с бутылкой молока, он радостно захрюкал, бросился к ней и с жадностью высосал молоко.

После завтрака пришли другие люди в халатах. Они измерили сайгачонка, взвесили его, а девушка в очках записала все данные в учётную карточку. В ней оставалась только одна незаполненная графа: «Кличка».

— Не назвать ли его Алтын Букен? — предложила девушка в очках.

— А это что же значит? — спросил один из рабочих, не знавший казахского языка,

— Золотой сайгак. Смотрите, как золотится шерсть у него...

Так сайгачонок получил имя.

Почти весь день сайгачонок спал, свернувшись калачиком, на самом солнечном месте загона. Так же спокойно прошла и первая ночь.

Начало светать. Орлы завозились на своих нёстах, закричали гуси. Проснулись лебеди. Как на далёком болоте, «протрубили зорю» журавли на большом пруду. Но звери ещё спали в своих клетках, а олени, зубры и антилопы лежали в загонах и пережёвывали жвачку.

В лаборатории зоопарка вспыхнул свет. Там ночевали юные натуралисты. Звонок будильника поднял их на рассвете. Ребята готовы были что угодно отдать, лишь бы ещё немного поспать. Но нельзя! Им впервые в жизни поручили самостоятельную научную работу — они должны установить, сколько раз с рассвета до темноты скворцы приносят корм птенцам и чем они их выкармливают. Дежурить надо около скворечен с рассвета. Первая смена, потягиваясь и зевая, вышла на крыльцо с биноклями и записными книжками в руках.

С каждой минутой делалось всё светлее. Но город вокруг зоопарка ещё спал. Не слышно было звонков трамвая и обычного городского шума. Яркая утренняя заря была перечёркнута тёмными силуэтами церковей и высоких зданий.

Вдруг по улице, мимо зоопарка, пронеслась пожарная машина. Заунывный сигнал сирены нарушил тишину раннего утра. Молодая волчица в соседней клетке присела на задние лапы, подняла вверх морду и завывала. Ей откликнулся волк из другой клетки. Хором взвыли и залаяли шакалы. Закричали павлины. Покрывая все звуки, раздалось басистое рычание льва. Шум пожарной машины давно смолк, а дикий звериный хор ещё долго не стихал.

При первых звуках волчьего воя сайгачонок испу-

ганно вскочил и кинулся бежать. Но проволочная сетка отбросила его назад. Он упал на спину, вскочил и с вытаращенными от ужаса глазами снова бросился на сетку.

Вероятно, это утро было бы последним в жизни сайгачонка, если бы не юные натуралисты. Они только что вышли на крыльцо здания лаборатории. Ребята увидели, как бьётся сайгачонок, и бросились ему на помощь. При виде людей сайгачонок перестал биться и подбежал к юннатам. Он тыкал свою окровавленную мордочку в руки ребят, ища бутылку с молоком. Когда сайгачонок успокоился, юннаты ушли, только один из них остался около него дежурить.

Через неделю Букен прекрасно знал свою кличку и бегал за юннатами по аллеям зоопарка. Сайгак легко забегал по ступенькам на второй этаж и стучал копытцами по полу юннатской станции. Утомившись, он ложился на середину комнаты и безмятежно засыпал, не обращая ни малейшего внимания на людей, которым приходилось перешагивать через него.

Сайгак рос быстро и делался с каждым днём всё грациознее. К августу у него на голове появились чёрные рожки, острые, как шило, а сам он был уже в половину взрослого сайгака. Его любили не только юннаты, но и посетители зоопарка. Дети ласкали его, баловали, давали сахар и печенье.

С началом школьных занятий юннаты стали приходить в зоопарк только по воскресеньям. Сайгака заперли в загон и перестали выпускать. Он целыми днями недовольно похрюкивал, бродил вдоль стен и вытоптал глубокие тропы. Характер его стал быстро портиться: сайгачонок начал бодаться. Рабочим пришлось входить к нему вдвоём: один убирал помещение, а другой отгонял злое животное метлой.

* * *

Волны Аральского моря день и ночь бьются о берега небольшого острова Барса-Кельмес. Он всего тридцать километров в длину и восемь в ширину. Только в особенно холодные зимы его западный берег соединяется с сушей ледяным перешейком.

Прежде казахи в такие зимы перегоняли по льду на остров скот на нетронутые выпасы. Но бывали случаи, когда лёд неожиданно отрывало штормом от берегов, и люди оставались на острове: пароходов тогда не было. Отсюда и название острова Барса-Кельмес, что значит: пойдёшь — не вернёшься.

Осенью около острова встал на якорь пароход. На палубе началось оживление. Пароход привёз не совсем обычный груз — пять больших ящиков, прикрытых от солнца брезентом. В каждом ящике находилось по одной сайге. Решено было их выпустить на пустынный остров, чтобы они там размножились.

Выгрузка на берег тяжёлых ящиков с животными прошла благополучно. Люди столпились около них. Всем было интересно посмотреть, как будут выпускать сайгаков. Скрипнул последний гвоздь, и дверку одного из ящиков подняли. Но сайга не выходила. Она стояла задом к двери и не лезла, а повернуться в узком ящике было нельзя. Через щели матросы пугали её и стучали по ящику. Сайга вздрагивала, однако продолжала стоять на месте. Никакие уговоры на неё не действовали. Время шло, и люди потеряли терпение.

Ящик подняли на руках и просто вытряхнули из него упрямое животное. Сайга упала на песок, мгновенно вскочила и бросилась бежать в глубь острова. Люди махали ей фуражками.

Из каждого ящика сайгаков вытряхивали насильно. Но из последнего ящика молодой самец вышел сам, едва открыли дверцу. Это был Букен из алмаатинского зоопарка. Он сделался настолько бодли-

вым, что рабочие наотрез отказались ухаживать за ним. Сайгак хрюкнул и спокойно начал пастись тут же около людей.

Михаил Иванович, который руководил перевозкой, принёс из шлюпки свой чемодан и бидон с пресной водой. Он решил остаться здесь на несколько дней, чтобы проследить, как перенесли сайгаки перевозку.

Шлюпка ушла к пароходу.

Михаил Иванович осмотрелся. На западе бирюзовая спокойная водная гладь сливалась с горизонтом. Вдали от берега белоснежный пароход на якоре казался бумажным детским корабликом. Пустынная равнина надвинулась на море и врезалась в него длинным песчаным пляжем. Слабым ветерком с берега несло горьковатый запах пустынной полынки.

«Отдохну здесь несколько дней!» — подумал Михаил Иванович, усаживаясь. Он открыл чемодан и начал закусывать, поглядывая в бинокль на пароход. На него вскоре подняли шлюпку. Из трубы повалил густой дым, загремела якорная цепь, и пароход тронулся, набирая скорость. Он направился к острову Возрождения для выгрузки соли. На обратном пути, через четыре дня, пароход должен был забрать Михаила Ивановича.

Вдруг рядом раздался топот. Михаил Иванович обернулся и тотчас испуганно вскочил на ноги. Благодушное настроение мигом исчезло. Опустив рогатую голову, прямо на него бежал Букен, с явным намерением вступить в драку.

Животное было уже в нескольких шагах. Михаил Иванович растерянно оглянулся и поспешно спрятался за ящик.

Сайгак остановился, затряс головой и пошёл к ящику. Михаил Иванович перебежал на другую сторону. Сайгак тоже.

Человек и Букен начали кружиться вокруг ящика, но преимущество было на стороне сайгака. Он бы-

стро нагнал Михаила Ивановича и боднул его. Задыхаясь, Михаил Иванович как-то неожиданно для самого себя юркнул в ящик и упал на вонючую, сырую подстилку.

Разъярённый сайгак остановился как вкопанный перед входом, но броситься внутрь ящика не решался.

Человек оказался вне опасности.

Сайгак заметил чемодан. Подошёл, понюхал его и с силой боднул. Чемодан отлетел в сторону, раскрылся, и по песку рассыпались продукты и вещи. Как нарочно, налетел порыв ветра, и нужные деловые бумаги подхватило и понесло в море.

Михаил Иванович выскочил из ящика, закричал, замахал руками и бросил фуражку в сайгака. В один миг зверь был уже рядом. Пришлось опять спастись в ящике.

Осада продолжалась до вечера. В сумерки сайгак улёгся недалеко от ящика и, казалось, перестал обращать внимание на человека. Только теперь Михаил Иванович мог выбраться из вонючего ящика. Он собрал раскиданные вещи. Бидона с водой сайгак, к счастью, не заметил, и он остался цел.

Ночь прошла спокойно. Михаил Иванович тщательно вычистил ящик от навоза, но пахло в нём по-прежнему. Едва настало утро, как сайгак встал, потянулся и крупным шагом направился прямо к ящику, мотая рогатой головой.

Михаил Иванович поспешно забрался внутрь. Чемодан и бидон с водой он перетащил в ящик ещё с вечера.

Потекли томительные часы ожидания. Сайгак пасся рядом. Чем выше поднималось солнце, тем тяжелее было сидеть в глухом ящике. Всюду летали и ползали мухи, привлечённые запахом навоза. Несмотря на осень, от жары и духоты кружилась голова. Как только Михаил Иванович высовывался из своего укрытия, чтобы подышать свежим воздухом, — его мучитель бросался к нему и снова загонял в ящик.

В сильном возбуждении сайгак бегал вокруг, злобно хрюкал и рыл землю передними ногами.

Мучительно долго тянулся день. Наконец наступила вторая ночь. Михаил Иванович нашёл камень и выбил доску в потолке ящика, чтобы лучше продувало.

Утро следующего дня ничего не изменило.

Конечно, сайгака можно было бы ударить тяжёлым камнем, схватить за рога, попытаться свернуть ему шею — не так-то уж он был велик. Но столько трудов стоило привезти его сюда, и калечить теперь животное было бы безрассудно.

Михаил Иванович терпеливо ждал, изнывая от жары и безделья. «Ведь должен же он пойти поискать водопой? — утешал себя Михаил Иванович. — До пресного озера отсюда, говорили, несколько километров. Там он встретит других сайгаков и забудет обо мне...»

День сменялся ночью, а сайгак не уходил и становился, наоборот, всё злее. Он не давал своей жертве даже высунуть голову в двери ящика, чтобы подышать чистым воздухом. Михаил Иванович выбил сверху ещё одну доску и только в это отверстие мог дышать чистым воздухом. Кругом расстилалась ровная, выжженная солнцем равнина, без единого кустика или деревца. Нестерпимо жгло солнце. Казалось, что камни могут растаять.

Третьи сутки прошли так же, как и предыдущие. Сайгак был по-прежнему беспощаден к Михаилу Ивановичу и, видимо, ничуть не страдал от жажды.

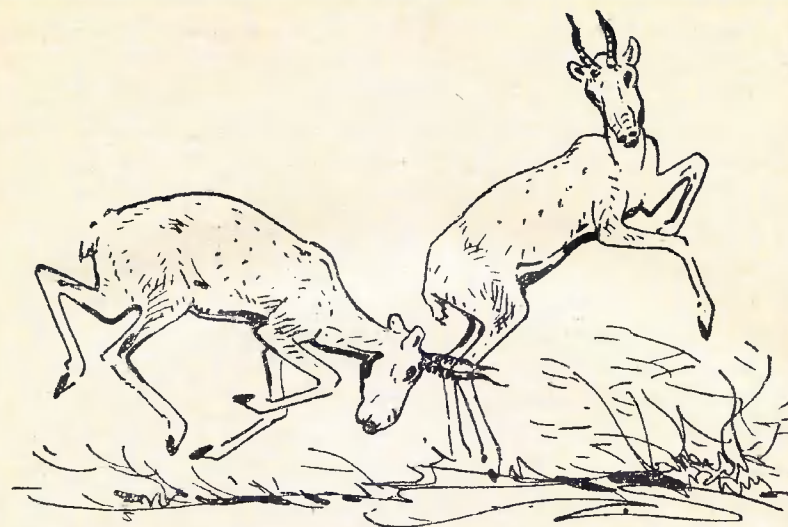
На четвёртые сутки узник проснулся, когда солнце уже начинало пригревать и в ящике сделалось душно.

Михаил Иванович не рискнул выглянуть в дверь и высунулся в отверстие сверху.

Сайгака не было.

«Осада снята! Очевидно, сайгак ушёл искать водопой».

Взглянув на море, он невольно улыбнулся: на

горизонте, там, где вода сливалась с небом, виднелась полоска дыма. Это за ним шёл пароход.

Когда Михаил Иванович, сидя в шлюпке, рассказывал лоцману о своём приключении, кто-то из гребцов показал ему на остров. На берегу мелькала жёлтая точка. В бинокль было хорошо видно, что это не кто иной, как его мучитель. Он вернулся, но опоздал — Михаил Иванович теперь был в безопасности!

Для Букена началась вольная жизнь на острове. Он разыскал табунок переселенцев — трёх сайгачек и старого рогача сайгака. Но встреча началась с драки. Старый сайгак выставил вперёд рога, стремительно бросился на Букена, сбил его с ног и так ошеломил ударом, что молодой сайгак пролежал на земле несколько минут без движения, как нокаутированный боксёр на ринге.

После такой выучки Букен перестал близко подходить к табунку самок старого сайгака и одиноко бродил по острову.

Вскоре пресная вода на острове высохла, и сайгаки стали пить солёную морскую воду.

Несмотря на осень, днём всё живое пряталось в тень от нестерпимой жары. Но сайгаки спокойно лежали на солнце, пережёвывая жвачку. Лёгкий шорох однажды заставил Букена насторожить уши и поспешно проглотить жвачку. Среди сухих солянок к нему подползала ядовитая змея-щитомордник.

Букен испуганно вскочил, отбежал подальше от этого места и только тогда успокоился. Он впервые встретился со змеей. Но как тогда, в зоопарке, вой волков заставил крошечного сайгачонка в ужасе бросаться и биться о сетку, так и теперь страх перед ядовитой змеей возник у него от унаследованного ужаса перед змеями.

Всё короче становились дни и холоднее ночи. Над островом понеслись стаи перелётных птиц. В воздухе раздавалось гоготанье, криканье, писк куликов, крики лебедей и множество других голосов болотных и лесных птиц, таких необычных над маленьким островом в море. Кружились рядом степные орлы и лесные сарычи. Кулики-бекасы из кочковатых болот севера копались длинными носами в иле на берегу солёного озера, голого, как блюдце. А рядом бегали хозяева этих озёр — кулики-шилоклювки и ходулочники. Степные, лесные и болотные птицы смешались вместе в едином шумном стремлении на юг. Остров в море для всех был местом короткого отдыха.

Прошумел осенний перелёт, и всё стихло на острове. Неумолимо надвигалась зима. Начались морозы, а затем снежные метели.

В середине зимы морозы усилились, лёд протянулся далеко по морю и соединился с берегом материка. Но сайгаки на острове не воспользовались возможностью покинуть его и уйти в пустыню. Они знали только границы острова, как звери, родившиеся в клетке, знают только её стены и доставляют столько хлопот работникам зоопарков, не желая выходить в открытую дверь. Сайгаки продолжали жить на острове — табунок из самок и старого самца в

одном конце и Букен в другом. Старик нарядился в брачный наряд. Под глазами у него выросли длинные густые пучки волос, как бакенбарды. На шее отросла грязно-белая грива. Шерсть на горле и в передней части груди приобрела коричнево-жёлтые тона. Хоботок носа разбух и при ходьбе пошевеливался. Такого «красавца» можно было далеко заметить среди табунка одинаково окрашенных самок.

Ранним морозным утром Букен пасся на солонце. Он пощипывал прикорневые листья полынки, злак-мятлик или солянку-биюргун.

Вдруг со стороны барханов до него донёсся хорошо знакомый запах. Запах всё усиливался. Раздался шорох копыт, и большое стадо сайгаков показалось из-за барханов. Оно перешло на остров по льду из соседней пустыни. Животные жадно паслись, опустив головы, и не обращали на Букена ни малейшего внимания. Здесь были рогатые самцы, самки и молодняк. Они окружили своего родича и увлекли его за собой в глубь острова. Так он был принят в их стадо. Букену не приходилось больше непрерывно озираться по сторонам — десятки глаз и ушей делали это сообща. На острове были богатые, нетронутые выпасы. К полудню сытые животные ложились и пережёвывали жвачку, а молодняк затевал весёлые игры. Издалека сайгачата казались белыми. Они носились друг за другом, бодались, прыгали, а вместе с ними резвился и Букен. Голоса их напоминали блеяние ягнят. Тревожное грубое «кээ» старых самок то и дело раздавалось в воздухе.

Но недолго продолжалась эта беззаботная жизнь. На рассвете морозного дня стадо вскочило от испуганного всхрапывания нескольких старых сайгаков: всё стадо обдал близкий запах волков! Они тоже перебежали по льду с материка на остров. Всё стадо в один миг бросилось бежать в глубь острова. А из-за барханов выглянули волчьи головы с насторожёнными ушами. Звери не преследовали сайгаков. Это было

бы бесполезно. Ни один волк не догонит их на равнине. Весь день волки пролежали за песчаными барханами, уткнув морды в брюхо и накрыв носы хвостами.

Не проходило после этого ни одной ночи, чтобы волки не нападали на сайгаков. По всему острову стали попадаться полусъеденные, растерзанные трупы. Сайгаки разбились на несколько небольших стад, но это не спасло их от волков.

И вот одно из стад сайгаков умчалось по льду с острова обратно в пустыню. Вместе с ними убежал Букен.

* * *

Негостеприимно встретила пустыня табунок, в котором был Букен. Снег в этом году был глубокий. Он покрыл все низинки. Желтели только бугры и барханы. Но на них почти не было корма. Сайгаки не могут «копытить» снег так хорошо, как северные олени. Через заснеженные низины они переходили не гуськом, а каждый порознь, пробивая свою тропу и утопая по брюхо в снегу.

Кончики ветвей саксаула да кое-где не занесённые снегом отдельные травинки были единственным кормом. Сайгаки с дракой выхватывали друг у друга полынь на склоне бугров.

Животные отощали. Наступил день, когда утром один из старых самцов не мог подняться на ноги. Но стадо двинулось дальше, опустив головы и жадно принохиваясь.

Через два дня ещё один самец остался на месте ночлега. Изнурённые декабрьскими брачными драками, самцы начали погибать первыми.

Сайгаки упорно, день за днём, шли против ветра и попадали во всё более глубокие снега, оставляя на почлегах уже по несколько трупов. Так погибло бы всё стадо. Но однажды в ранние сумерки до их чуткого носа долетела волна сильного пряного запаха

сухих трав. Это как бичом хлестнуло всё стадо понурых сайгаков. Они вскинули головы и, обгоняя друг друга, бросились вперёд.

Здесь осенью прошла полоса дождя. Немного тёплых дней после этого оказалось достаточно, чтобы вызвать рост полыни, мятлика, эбилека и даже эфедры. Все эти пустынные травы, как весной, зазеленели, но мороз скоро убил их. И теперь, слегка припорошённое снегом, это место было спасением для сайгаков. Они жадно кормились до полуночи и впервые после ухода с острова уснули сытыми.

Наутро оказалось, что сайгаки здесь не одни. Табунок дроф зимовал здесь же вместе с несколькими стайками степных рябков-саджей.

Для Букена опять началось безмятежное время. Тёплая шуба предохраняла его от ветра и мороза. Волков в этой уединённой части пустыни не было. Он пасся вместе со всеми целые дни и каждую ночь засыпал сытым.

Зима давно перевалила на вторую половину. Ночи стали короче. Ветры и бураны чаще. Днём на солнце начинало припекать, снег быстро согнало, и обнажились новые запасы корма.

Зимой ещё несколько табунов сайгаков подошло сюда. Чуть живые, на дрожащих ногах, они были страшно истощены. К весне все сайгаки соединились в большое стадо.

Снег всюду сошёл. Первыми улетели на север дрофы. С каждым днём всё сильнее грело солнце. По низинкам, как огоньки, загорелись ярко-красные тюльпаны. Толстыми свечами полезли из песков сочные эремурусы, зацвели кустарники. Вся пустыня запестрела множеством растений. Короток их век — немногим более месяца. За это время надо успеть вырасти, отцвести и созреть семенам. Страшная летняя жара высушит стебли, ветры сорвут и унесут их, и там, где цвели тюльпаны, останется мёртвая, выжженная солнцем почва.

Пустыня ожила от голосов птиц. На залитых водой такырах плескались утки и звонко перекликались кулики. В небе пели жаворонки. Вылезли из норок и свистели суслики. Наступило лучшее время года в Бетпак-Дале. На короткое время она перестала оправдывать своё название — пустыня. Всюду, даже на сыпучих барханах запестрели цветы.

В начале апреля сайгаки медленно, широкой шеренгой, двинулись к северу, вслед за тающим снегом. На ходу они паслись. Стада сливались, образуя огромные стотысячные скопища. Табуны двигались друг за другом непрерывным потоком шириной от горизонта до горизонта, как желтоватое, колышущееся море. На их пути встречались юрты чабанов и отары овец. Стада сайгаков только немного отклонялись, обходили юрты совсем рядом и продолжали неудержимо двигаться к северу.

Недалеко от одной из юрт в это время собака подкрадывалась к суслику. Зверёк видел её и сидел около самого входа в норку. Время от времени суслик взволнованно скрёб землю задними лапками и энергично отбрасывал её в сторону врага. Наконец собака бросилась вперёд с прижатыми ушами. Суслик подпустил собаку вплотную. Ещё прыжок, и собака открыла пасть, чтобы схватить зверька, но он молниеносно исчез в норке, рывком задних лапок отбросив землю прямо в открытую пасть.

Собака закашляла и неожиданно оказалась в кругу сайгаков. Они шли со всех сторон, насторожив уши. Животные возбуждённо хрюкали, топали передними ногами и всё суживали круг. Собака поджала хвост и с жалобным визгом прорвалась к юрте. Только от её порога она разразилась обиженным лаем.

Передний табун, с которым шёл Букен, подошёл к полотну недавно законченной железной дороги. Сверкающие на солнце рельсы остановили животных. Путь к северу оказался преграждённым. Сайгаки топтались на месте, не смея перешагнуть через рель-

сы. А с юга подходили новые несметные полчища животных. Они напирали на передних.

Букен был единственным из всех сайгаков, привыкший к запаху железа ещё в зоопарке. Когда задние ряды подтолкнули его к рельсам, он спокойно перешёл через них на ту сторону. Магическая линия мнимого препятствия была прорвана! Следом за ним бросились остальные. Лавины сайгаков несколько часов «переливались» через рельсы только в этом месте. Острые, как копыта, копытца выбили весь грунт из-под шпал, и шпалы повисли на рельсах в воздухе.

Тысячные табуны прошли. Пыль осела. Вдали показался дымок. Скорый поезд на Джезказган мчался по только что законченной дороге. Пассажиры сидели у открытых окон, вдыхая аромат свежей степной зелени. Проводники в белых куртках разносили вечерний чай.

Машинист тепловоза вовремя заметил полосу чёрной земли впереди. Она пересекала железнодорожный путь. словно кто-то проволоком тяжёлые бороны несколько раз по одному месту. Полоса начиналась недалеко от насыпи справа и кончалась на другой стороне. Тепловоз быстро подлетал к этой полосе. Но вот стало видно, что рельсы висят в воздухе вместе со шпалами. Машинист схватил рукоятки управления и тормозов: колёса тепловоза на всём ходу остановились и поползли по рельсам, высекая искры. Но состав, скользя, продолжал ещё двигаться вперёд, медленно останавливаясь. Наконец вагоны замерли за метр от места, где была бы неизбежной страшная катастрофа.

Весна в пустыне быстро кончается, и трава высыхает. Огромные стада постепенно разбивались на более мелкие табунки. Сайгаки привыкли уходить на лето к северу, где холодные ветры и частые летние дожди поддерживают рост трав до осени. Так делали предки современных сайгаков ещё миллионы лет назад.

Много дней шли стада по равнине с редкими куртинками полынок, верблюжьей колючки и других «злых» растений, трогать которые человек может только в кожаных перчатках. Однообразную равнину нельзя было назвать безжизненной. На редких кустах тамариска и саксаула попадались одинокие гнёздышки пустынных вьюрков, похожих на воробьёв. Значительно чаще из-под ног сайгаков взлетали пустынные рябки-бульдуруки. Обычно они садились недалеко, немного бежали и вдруг исчезали. Их оперение не отличалось от окружающей почвы и растительности. Заметить рябка трудно, если он не шевелится. Оперение рябков — это их «шапка-невидимка»!

За небольшим бугорком показалась полоска яркой зелени. Из небольших зарослей тростника, сверкая на солнце, струился ручей. Он снова исчезал в земле через сотню метров.

Сайгаки напились и провели неподалёку ночь. Утром мелодичное «чюрр, чюрр!», похожее на воркование, раздалось около родника, и стайка рябков-бульдуруков опустилась на бережок. С минуту птицы сидели неподвижно, осматриваясь, а затем короткими

шажками побежали к воде и стали жадно пить по-голубиному, не отрывая клюва от воды.

Чем дальше удалялись к северу табуны сайгаков, тем больше они перестраивались, разбиваясь на отдельные стада — в одних самки, а в других самцы.

Букен вместе с другими самцами ушёл далеко к северу на всё лето пастись на сочных кормах. Случалось им заходить на посевы. Но они обычно ходили по ним только между рядками и уничтожали одни сорняки, которыми привыкли питаться в пустыне. Сайгаки вели себя как прополщники!

Сайгачки, с которыми Букен провёл зиму в пустыне, собрались на равнине с плешинами голой глинистой почвы. Это место, под названием Кокирюма, было удалено от ближайшего водопоя на несколько десятков километров и было безопасным от волков. Здесь в первых числах мая у десятков тысяч безрогих сайгачек

появились крошечные сайгачата. Они ходили, лежали и стояли всюду, до горизонта. Хриплое бление тысяч самок несло со всех сторон.

Множество степных орлов и грифов носилось в воздухе. Они хватали мертворождённых сайгачат, но от живых их отгоняли самки ударами передних ног. Чёрными точками была усеяна пустыня — это сидели на земле и отдыхали уже сытые пернатые хищники.

В нескольких километрах от «родильного дома» всегда хорошие выпасы с сочной травой. Туда и уходят пастись самки, оставляя сайгачат одних. Влаги в сочной траве для них достаточно, чтобы долго обходиться без водопоя.

Насытившись, сайгачки прибегают к малышам. Сотни сайгачат вскакивают им навстречу, бегут, обгоняют друг друга, перепутываются.

Вот отчаянным басом кричит малыш. К нему подбегают сразу четыре самки и обнюхивают его — нет, это чужой! И убегают искать своих. А малыш опять отчаянно зовёт свою маму, и она безошибочно находит его.

Минуты-другой достаточно, чтобы сайгачонок уже был сыт: он насосался жирного молока и теперь долго будет лежать затаившись. Самки опять убегают пастись. Если появятся волки, они отвлекают их на себя. И тогда кажется, что вокруг нет ничего живого — тихо и пустынно там, где всё двигалось, блеяло, где тысячи сайгачек и сайгачат возбуждённо бегали, ища друг друга.

Проходит дней десять, и места отёла пустеют. Самки сбиваются в стада и уходят к северу вместе с долговязыми, большеголовыми сайгачатами. Их теперь уже не догнать на хорошей верховой лошади, а прыжки вверх они способны делать до трёх метров.

* * *

Северная часть пустыни Бетпак-Дала постепенно переходит в Казахское нагорье. Необозримые просторы степей волнуются здесь на ветру серебристыми ковылями. Между сопок зеленеют берёзовые лесочки.

Сюда, за тысячу километров от зимних пастбищ, забрели небольшие стада сайгаков. Жители пустынного юга встретились с белыми куропатками, тетеревами, зайцами-беляками.

Сайгаки паслись небольшими табунками утром и вечером. В жаркие часы дня больше лежали. При этом редкий сайгак лежал на месте около часа. Обычно животные вставали и, постояв минут десять — пятнадцать, переходили на новое место и опять ложились. Так они предохраняли себя от перегрева: температура воздуха на метр от земли в жаркие часы до десяти градусов ниже, чем на поверхности.

Сайгаки лежали и вставали в разное время, и поэтому постоянно отдыхающее стадо имело бдительных сторожей.

Букен то бродил вместе с другими сайгаками, то пасся один. Он превратился в солидного молодого рогача. Желтовато-рыжая шерсть золотилась на солнце, рожки красиво лирообразно изогнулись. Никто бы не узнал в нём сейчас злого, бодливого сайгачонка, и только метка зоопарка — алюминиевая серьга в ухе — отличала его от других сайгаков.

В это раннее утро он спокойно пасся один на широкой равнине, постепенно продвигаясь вперёд, навстречу ветру. Ядовитых растений животные избегают. Но как быть сайгакам, если как раз эти растения содержат много влаги и питательных веществ? Для них это только находка! За многие тысячелетия организм сайгаков приспособился к поеданию ядовитых растений — таких, как анабазис, зопник, эфедра и горчайшая на вкус полынь. Ко всему, оказывается, нужда заставит привыкнуть!

Букен уже собирался лечь отдыхать, но какие-то особенно привлекательные травинки заставляли двигаться вперёд. Вдруг запах волка остановил его. Сайгак резко вскинул голову и заметил хищника. Зверь бежал по ветру неторопливой рысью, обходя его слева.

Сайгак слегка присел на задних ногах, весь подбравшись, мускулы напряглись, как туго сжатая пружина.

Волк круто повернул в его сторону, и в тот же миг сайгак стремительно рванулся вперёд. Высокие травы захлестали по ногам, в ушах зашумел ветер. Хищник не мог тягаться с ним в быстроте бега, делая не более сорока километров в час по травянистой равнине. Сайгаки же мчатся быстрее многих птиц. Только гепарды могут развить большую скорость.

Букен остановился и беспокойно посмотрел назад. Вскоре ветер опять донёс до него слабый запах волка. А затем и сам он показался, забегая немного слева.

Сайгаки всегда бегут против ветра и вовремя могут зачуйть опасность впереди. Так старался делать Букен. Но волк ловко заворачивал его по ветру, забегая в сторону.

Сайгак опять кинулся вперёд. Волк сразу отстал. Так повторялось несколько раз. Всё это походило на игру, настолько казалось бессмысленным нелепое преследование.

Впереди показались две жёлтые точки. Это паслась пара сайгаков-самцов. Букен обежал их полукругом и против ветра подошёл к ним. Волка не было видно. Сайгаки не обратили никакого внимания на пришельца и с равнодушным видом продолжали пастись.

Букен же беспокойно топтался около них, тревожно озираясь. Однако он не мог предупредить своих сородичей об опасности, которая угрожала теперь им всем. И только когда слабый запах волка долетел до

сайгаков, они тревожно вскинули головы и насторожились.

Волк погнался дальше теперь всех трёх, заворачивая их по ветру.

Напуганные сайгаки быстро неслись по равнине.

Ещё два раза они поджидали волка и легко оставляли его далеко позади. Вот снова волк показался вдали. Из его широко открытой пасти вывалился набок побелевший язык. Вся грудь была покрыта слюной. Глаза налились кровью. Волки не имеют потовых желёз, и мчатся по степи жарким днём в «шубе» им тяжело. Для сайгаков, наоборот, пробежать каких-то двадцать километров, да ещё с остановками — ничего не стоит.

После минутного отдыха они снова бросились вперёд, едва почуяли преследователя. Вдруг резкий волчий запах впереди, где-то совсем рядом, обдал сайгаков. На всём ходу они присели на задних ногах, вытянув вперёд передние, и ещё секунду-другую не могли остановиться, отчаянно тормозя. Старая волчица и уже крупные волчата с шумом выскочили из травы и бросились на сайгаков. В один миг волчица сбила с ног переднего, и волки надели на него со всех сторон. Отчаянным прыжком Букен метнулся в сторону и, как вихрь, помчался по степи. А волк-загонщик бросился туда, где его выводок пожирал добычу.

Только через час сайгак окончательно успокоился, но всё ещё то и дело вскидывал голову и озираясь. Его стала мучить жажда. Обычно сайгаки пасутся не торопясь, передвигаясь шагом, и влаги в сочных растениях хватает им, чтобы обходиться подолгу без водопоя.

Но после бешеной гонки в жаркий полдень жажда стала нестерпимой. Сайгак сначала шагом, а потом рысью побегал по равнине искать воду.

Перебегая через ложок, Букен почувствовал, как на него пахнуло влагой. Он круто свернул вниз по

ложку и сразу наткнулся на неглубокую яму. На дне её сверкала вода, отражая синее небо. Сайгак упал на колени и долго пил, хлюпая и посापывая.

Он напился на этот раз благодаря его же заклятым врагам — волкам: это они выкапывают ямы, на дне которых скапливается вода, там, где они чувствуют её неглубоко под землёй.

* * *

Осенью табунки сайгаков один за другим двинулись к югу, по пути соединяясь в крупные стада. Вместе с ними шли на зимовку стройные газели — джейраны, с такими же лирообразными рожками, только чёрного цвета.

С каждым днём становилось холоднее. Сотни километров оставили сайгаки позади, и много ещё нужно пройти, чтобы успеть добраться к местам зимних выпасов. «Инстинкт дома» побуждал сайгаков, как и перелётных птиц, преодолевать большие расстояния два раза в год — весной и осенью.

За стадами сайгаков двигались волки. Сайгаки настолько привыкли к своим преследователям, что спокойно паслись около спящих волков. Двинется стадо дальше — встают и идут за ним волки. Но если какой-нибудь сайгак отстанет от табуна, волки сделают этот день последним в его жизни.

Однажды над пустыней загудел самолёт. Лётчик был молод и озорно бросил машину в пике прямо над стадом сайгаков. Взревев притихшим было мотором, самолёт взмыл вверх над головами сайгаков. Что тут началось! Животные бешено рванулись вперёд, перемешавшись с волками. Хищники поджали хвосты и долго мчались вместе со своими жертвами, не обращая внимания друг на друга. Совсем как во время пожара!

Напуганные сайгаки сгрудились и понеслись всем

стадом так быстро и плавно, что лётчику казалось, будто животные летят над землёй, «переливаясь» с бугорка на бугорок.

Табуны двигались к долине реки Чу, где большинство должно было зимовать. Перекочёвка сайгаков представляла величественное зрелище. На несколько десятков километров шириной и на сотни километров в длину сайгаки шли непрерывным потоком. Едва проходил мимо один табун, как появлялся следующий, а на горизонте двигались в том же направлении новые тысячные стада. И так много дней. Но стоит отъехать на полсотню километров в сторону от главного направления их движения, как не встретишь ни одного сайгака. Из года в год они придерживаются только «своих» переходных путей.

В тёмную осеннюю ночь большое стадо сайгаков вскочило, поднятое ослепительно ярким огнём мощного прожектора. Сотни глаз животных засверкали, как звёзды. Словно замороженные сайгаки стояли на месте. А в темноте, из кузова грузовой машины, обитого кошмой, беззвучно прыгали охотники и подбегали к стаду. У каждого горел электрический фонарик, вшитый в ватник на груди, чтобы не перестрелять друг друга.

Огненные вспышки и гром выстрелов раздавались совсем рядом из темноты, и крупные сайгаки-рогачи, как снопы, валялись на землю¹. Животные метались на месте в ярком свете прожектора.

Десятки сайгаков погибли, прежде чем стадо опомнилось и бросилось в сторону, исчезнув в темноте. В стаде находился и Букен.

¹ В Бетпак-Дале расплодилось около полутора миллионов сайгаков, и правительство республики, по совету учёных, разрешило отстреливать ежегодно не менее двухсот тысяч сайгаков. Союз охотников организовал отстрел специальными бригадами и ежегодно сдаёт государству дешёвого мяса больше, чем двадцать крупных животноводческих совхозов. Ночной отстрел — запрещённый способ охоты, но для государственных заготовок такой отстрел разрешается.

Одна из картечин чиркнула вдоль бока Золотого сайгака, и шерсть покраснела от крови. Едва стадо успокоилось, как уши сайгаков насторожились, и они пошли прямо на раненого. Животные сердито похрюкивали и угрожающе притопывали ногами. Раненым и заболевшим нет места в стаде — таков суровый закон у диких животных.

Букен был изгнан и бродил один недалеко от стада, боясь приблизиться. Рана оказалась лёгкой, а мух в это время года в пустыне не было. Только летом они не дают зарастать даже небольшим ранам и царапинам, вызывая гибель животного.

Восход солнца застал одинокого сайгака на лёжке. За ночь ранка затянулась, а шерсть на боку так и осталась почерневшей от засохшей на ней крови.

Золотой сайгак встал, потянулся и осмотрелся. В стороне паслись сайгаки. Это из их табуна был вчера изгнан раненый. Ему предстояло поправляться в одиночестве.

Рано утром на горизонте что-то сверкнуло. Букен насторожился. Сверкало лобовое стекло легковой машины. Табун сайгаков испуганно метнулся в сторону. Но машина не погналась за ними, а продолжала идти в прежнем направлении, прямо на Букена.

Это выехала к месту ночной охоты машина с охотниками — «подборщиками»: каждое утро они объезжают район ночной охоты. При стрельбе с прожектором неизбежно бывают подранки. Чтобы они не погибали напрасно, их разыскивают «подборщики».

Запёкшуюся кровь на боку одинокого сайгака охотники заметили в бинокль. Они понеслись прямо на раненого. Но лёгкое ранение не помешало Золотому сайгаку помчаться с бешеной скоростью. Вытянув шею, сайгак словно полетел над землёй, обгоняя пе-

релётных жаворонков. Изредка на всём ходу он подпрыгивал, молниеносно осматриваясь.

Стрелка спидометра в машине перевалила через цифру «70». Но сайгак продолжал удаляться. «Победа» наращивала скорость, вся содрогалась на мелких неровностях почвы, быстро нагоняя раненого. Вот стрелка спидометра показывает скорость восемьдесят километров в час — это предел быстроты для сайгака. По участку с ровной почвой водитель разогнал машину до ста километров в час. Машина стала обходить Букена слева. Ещё несколько секунд, и чёрное дуло ружья высунулось в окошечко. Но Букен успел догнать свой табун, ворвался в его середину и смешался с другими. Сайгаки теперь помчались общей плотной массой. Охотники свернули в сторону и поехали искать других подранков.

Дикие звери избегают место, отмеченное их кровью. Стадо сайгаков после ночного налёта ушло далеко к югу и благополучно зимовало в другой части пустыни.

В феврале от горячего солнца кое-где стоял снег и появились проталины. Но однажды с утра неожиданно подул ветер, и начался сильнейший буран. Вихри снега понеслись над пустыней. В полдень, как в сумерки, в десяти шагах уже ничего не было видно. С каждым часом становилось холоднее. Буран бушевал сутки, а утром стих так же внезапно, как и начался. Толстая снежная пелена засверкала до горизонта. Снег завалил и без того скудные запасы кормов. У прозрачных, без листьев и хвои саксаульников ветки покрылись слоем снега.

В полдень показалось солнце, снег начал таять, а ночной мороз покрыл его тонкой ледяной коркой. Когда опять начался ветер, он не мог унести снег, как обычно в пустыне. Все корма для сайгаков оказались укрытыми.

К ночи сильно похолодало. После бурана ударили сорокаградусные морозы с ветром.

Жаворонки замерзали стаями. Они набивались в постройку около железной дороги и в овечьи кошары. Сплошь покрывали своими трупиками клочки сена на снегу около кошар.

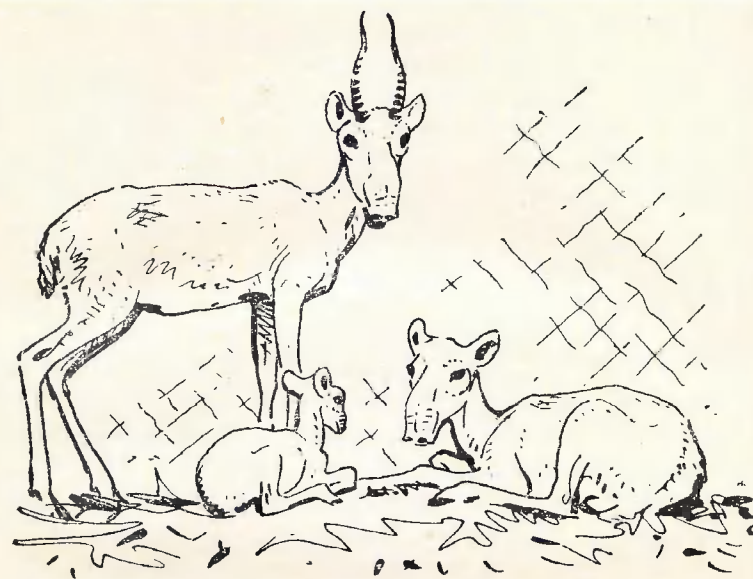
Сайгакам некуда было скрыться от леденящего ветра. Голодные, сразу исхудавшие, они стояли по колено в снегу, опустив головы и плотно прижавшись друг к другу. Пар от дыхания поднимался над стадом, шерсть на спинах обледеневала. Всё стадо покрылось сверху ледяным панцирем. Сайгаки замерзали стоя. Страшную картину представляло мёртвое стадо из сотен трупов, стоящих на ногах, как живые.

Букена буран и мороз застигли недалеко от железнодорожного полотна, где сайгаки прятались в «ветровой тени» за телеграфными столбами, за которыми трупы так и лежали гуськом. Под виадуками и мостиками сайгаков набилось и замёрзло так много, что потом специальные бригады рабочих ездили для их расчистки.

Когда морозы прекратились и горячее солнце согнало наконец снег, на север пошло меньше половины стад, пришедших осенью на зимовку. Небывалые февральские морозы и буран нанесли им сильнейшие потери.

Букена не было среди тех, которые двинулись в свой далёкий весенний переход на север. Его вместе с другими полузамёрзшими сайгаками железнодорожники разезда спасли во время бурана: сайгаков затаскивали в сарай, дровники и бани — всюду, где можно было укрыть гибнущих животных от ветра и мороза. Сайгаки не сопротивлялись и безвольно шли, куда их тянули за рога и уши. Все эти животные были спасены. После мороза их выпустили в степь.

Когда сайгаков затаскивали в сарай, конечно, около взрослых вертелись дети. Они-то и заметили алюминиевую пластинку на ухе Букена. Это заинтересовало и взрослых. На ней было написано: «Алма-

атинский зоопарк, № 47». Начальник разезда поместил сайгака у себя на кухне, а в зоопарк послал телеграмму: «Ваш сайгак № 47 находится у меня».

Утром пришёл ответ:

«Сегодня выезжает сотрудник зоопарка, просим передать ему сайгака».

Через несколько дней все работники алма-атинского зоопарка присутствовали при торжественном выпуске Букена в его старый загон, который пустовал всё это время.

Сайгак спокойно выбежал из ящика.

— Алтын Букен! — воскликнула девушка в очках.

Сайгак вздрогнул и остановился.

— Алтын Букен! Алтын Букен! — ещё раз воскликнула девушка.

Сайгак заплясал на месте и вдруг, похрюкивая, побежал прямо к людям. Он вспомнил своё имя и людей, воспитавших его.

Много лет прошло с тех пор. Алтын Букен и сей-

час живёт в зоопарке. Он забыл свою скверную привычку и больше не бодается. Теперь он не один в обширном загоне. Три сайгачки постоянно живут с ним, а одна из них такая же ручная, как и он. Впервые в алма-атинском зоопарке родились в неволе молодые сайгачата.

ХОРЬКА

В степи сильнейший буран над целинными землями не стихал сутки. С полудня снегопад прекратился, но ветер сдувал и нёс густую, в рост человека, позёмку из свежего снега над самой землёй. Взобравшись на стог сена, можно было окинуть взором всю степь, но только кое-где виднелись вершинки берёзовых колков, а всё, что ниже, застилала сплошная снежная пелена. Совсем как во время полёта на самолёте выше сплошной облачности.

К вечеру ветер стих. На западе показались разрывы облаков, и лучи низкого зимнего закатного солнца осветили степь на несколько минут. Ночью огромный звёздный мир раскинулся над степью, обещая на завтра солнечный морозный день.

Как было не воспользоваться и не почитать Снежную книгу после бурана, который замёл все старые следы?

Нору хорька я увидел в бурьяне. Следы показывали, что вчера вечером зверёк вылез из норы, поставил передними лапами первое двоеточие на снегу и неторопливо потянул вправо цепочку следов. Под утро он вернулся обратно поспешными прыжками. По следам, как по книге, можно было узнать, что делал хорёк в звёздную морозную ночь.

Лыжи скользнули вправо от норы рядом со следом хорька. Поскрипывают ремни, шуршит снег, и вот первая «запись», пока не особенно интересная. На пути зверька встретился стог сена, занесённый снегом

почти «с головой». Обежав его два раза кругом, хорёк взобрался на вершину. Там он уселся на задние лапки и отпечатал хвостом на снегу вмятину. Трудно угадать, что услышал, увидел или учуял хорёк, но со стога он спрыгнул и побежал, свернув к своему прежнему следу. Конечно, он не напрасно изменил направление. Так и оказалось. Недалеко от берёзового колка в снегу лежал труп тетерева. Вероятно, птицу смертельно ранил охотник, но не нашёл. Хорёк вырыл нору под тетеревом и снизу погрыз мёрзлого мяса. Грозе этих мест филину или белой полярной сове не заметить под снегом побелевшего на зиму зверька. Это не то что на поверхности снега, когда надо быть всё время начеку — ярко-чёрные лапки и треть хвоста выдают с головой даже ночью.

Мёрзлое мясо, твёрдое, как дерево, пришлось хорьку не по вкусу, и он побежал дальше в степь.

На бескрайнем поле, занесённом снегом, пестрели бисерные точки следов мышей и полёвок. Хорёк нырнул в снег и, надо полагать, задал там хорошую трёпку мышинному населению. Обратно он вылез сытый и чрезвычайно довольный: игривое настроение после лёгкой победы заставило его без всякой причины покружиться на одном месте, ловя свой хвост. А потом он бросился со всех ног по полю и вдруг затормозил всеми четырьмя лапками. Затем неистово бросился в другую сторону и опять затормозил. И так несколько раз. Наигравшись, сытый хорёк всё же не отправился домой восвояси. Зимняя ночь длинная. Можно опять проголодаться при таком хорошем настроении. И хорёк ленивыми, короткими прыжками отправился дальше. А вот и доказательство, что он был сыт и никуда не торопился. На меже в бурьяне хорёк забрался в нору хомяка, но не задавил его, а выгнал из норы и долго играл со своей жертвой. Хорёк то отпускал хомяка, то хватал, совсем как кошка мышь. Хомяк, ошеломлённый и покусанный, бросался бежать, как только его отпускали. Хорёк сейчас же догонял его

огромными прыжками, валил и тащил по снегу, а затем опять отпускал. Наигравшись, хорёк задавил хомяка, немного протащил его, пятась задом, а затем бросил свою добычу и убежал. Больше он не вернётся сюда, иначе он закопал бы хомяка в снег или затащил в нору.

Снежный буран занёс осиново-берёзовый колок. Тонкие деревья утонули в снегу до «пояса». Бураны на целине зимой не редкость. За зиму снег заносит деревца с каждым бураном всё выше. Зайцы-беляки глодают кору осин, сидя на снегу, тоже с каждым бураном всё выше. А весной кажется, что колок состоит из одних берёзок — очищенные от коры стволы осин тоже белые!

Хорёк подбежал к такому колку с подветренной стороны. Прыжки его оставили следы на снегу, точно следуя изгибам опушки: степному зверьку нечего делать в лесу среди равнинного раздолья.

Но здесь-то и подстерегала хорька смертельная опасность!

Лиса только что прочесала колок и убедилась, насколько осторожны зайцы. Они вовремя услышали едва уловимое похрустывание снега под лапами лисицы и, как белые мячики, унеслись в другой колок.

Лиса и хорёк заметили друг друга одновременно. Казалось, хорьку спасенья не может быть — ему нигде скрыться вдали от норы. А силы так же не равны, как у тигра и шакала. И вот здесь удалось прочесть в Снежной книге страницу, содержанию которой трудно поверить, если бы это не была документальная запись. Спокойная строчка следов лисы, пунктиром друг за другом, вдруг прервалась парными вмятинами от двух передних и задних лап — это лиса заметила добычу и прямо с ходу оттолкнулась четырьмя лапами. Второй прыжок был длиннее первого, а третий бросил лису под берёзку. Хорёк мгновенно сориентировался в обстановке. Его первый отчаянный прыжок был совсем не в сторону, а прямо навстречу лисе —

к берёзке! Второй и третий прыжок лисы дал возможность хорьку взобраться достаточно высоко. Лиса запрыгала под берёзкой, утрамбовывая снег, но вскарабкаться хотя бы на метр по тонкому стволу она не могла.

Оказалось, не напрасно учёные считают хорька родственником соболя и куницы. Как вовремя оказался рядом лес, хотя и такой крошечный!

Конечно, хорёк не смеялся, глядя сверху на унижительное положение врага. Вероятно, он злошипел, но что совершенно точно — хорёк использовал незаконный приём войны: он применил удушливые газы! А этой возможностью хорьки обладают в совершенстве. Жёлтые пятна на стволе и на снегу отвратительно пахли даже на следующий день. Трудно думать, чтобы этот запах был приятен лисе! Скорее, наоборот. Во всяком случае, она отскочила от деревца большим

прыжком и долго каталась в снегу. Было ясно, что хорьковое зелье капнуло ей на шкурку!

Сколько времени продолжалась осада — неизвестно. Сытый хорёк мог сидеть на деревце долго. Голодная лиса просто взяла и убежала в другой колок, куда скрылись зайцы. Впрочем, она несколько раз прерывала свою строчку следов, садилась и оглядывалась на колок, где остался хорёк на берёзе. В этих местах на снегу отпечатался лисий хвост. Вероятно, лиса алчно облизывалась, а может быть, даже «разочарованно» вздохнула. Но это можно только предполагать: ведь в Снежной книге об этом не написано.

Сколько времени сидел на дереве хорёк после такой передряги, сказать трудно. Самыми большими прыжками, на которые он только был способен, от берёзки-спасительницы он помчался к своей норе. «Домой» он влетел без малейшей задержки у входа. Последний прыжок был на снегу за полметра от входа, другого следа не было. Значит, прыжок закончился уже в норе. Как хорошо, что у нор хорьков нет дверей! Но такая торопливость была излишней — просто нервы зверька были взвинчены. А лиса в ту ночь всё же поймала зайца и забыла о вонючем хорьке. Убедиться в этом было не трудно, пройдя по её следу.

Только через неделю после первого небольшого бурана удалось наведаться к знакомой норе. Никаких следов на свежем снегу не было. Напуганный хорёк откочевал куда-то.

Всю зиму около норы не было следов. Но в конце февраля на снегу около норы появились свежие росписи от лапок хорька. Значит, хозяин вернулся домой.

Где он пропадал столько времени — не всё ли равно?

Наступила пора, когда солнце стало пригревать и верхний слой снега в полдень размягчался. А сильные морозы по ночам образовывали ледяную корку — наст, и никаких следов на нём не оставалось. Снежную книгу пришлось закрыть до будущего года.

* * *

Случилось так, что в начале июня двухлемешным плугом пропахивали глубокую борозду — границу между двумя колхозами. Прямая линия прошла, как нарочно, через неглубокую нору водяной крысы, в которой жило семейство хорька, рядом со знакомой зимней норой. Хозяйка норы — водяная крыса была съедена, и хорьчата жили в чужой мелкой норе, как на даче. Одним рывком плуга они были выкинуты на поверхность. Хорьчата заверещали и поползли в разные стороны. Крошки впервые в жизни попали в такую беду, — это могло напугать кого угодно!

В плаще тракториста хорьчат принесли на стан, а в деревянном ящике их доставили в зоопарк.

Как различны характеры детей в семьях у людей, так и среди девяти хорьчат ни один не оказался похожим на другого.

Три крошки шипели и испуганно лезли друг под друга. Другие со злобным стрекотаньем бросались на протянутую палочку и остервенело грызли её. Одна маленькая злючка вцепилась в палец девочке-юннатке «в благодарность» за поставленную чашку с молоком. Девочка закричала и замахала рукой, а на пальце, зажмурив глазки-пуговицы, болтался хорёк. Хватка крошечного зверька, первая за его короткую жизнь, была мёртвая, как у бульдога. Только струя холодной воды из чайника в рот заставила хорьчонка отпустить палец, и он упал обратно в ящик, громко кашляя. Но и там зверёк сейчас же изогнулся дугой, зашипел и готов был повторить хватку.

Только один хорьчонок из всех оказался более сговорчивым. Он не прятался, не кусался, хотя и шипел по-змеиному. Его унесли на квартиру, а на другой день он уже брал мясо из рук. Ещё через день хорька сажали на колени, передавали из рук в руки, и он не пугался и не злился.

Через неделю юные натуралисты зоопарка так

приручили хорька, что он бегал за ними по самым многолюдным улицам города. На всякий случай его привязывали за шею верёвочкой. Но эта предосторожность была излишней. Хорёк и так ни на шаг не отставал от юннатов. Смешно, вприпрыжку он ковылял за ними, сгорбившись, как старик. Или сидел в кармане у кого-нибудь из ребят, высунув наружу голову.

На улице из-за угла юннаты неожиданно встретились с бабушкой. Она вела на цепочке старого шпица со слезящимися глазами навывкате. Собачонка сочла за непорядок присутствие хорька на тротуаре. Она басовито залаяла и бросилась в драку. Цепочка вырвалась из рук старушки, и не успели юннаты опомниться, как хорьчонок оказался на плече у одного из них.

Юннаты помогли бабушке поймать собачонку. А рубашку мальчику пришлось снять из-за жёлтого вонючего пятна на плече.

Днём хорьку была предоставлена в полное распоряжение большая клетка, в которой раньше держали морских свинок. Но она пришлась не по душе новому квартиранту. Он не терпел сквозняков и освещения со всех сторон. Удержать его в клетке было невозможно. Стоило хорьчонку просунуть голову между двумя ослабевшими прутьями, как тело его так и «переливалось» вслед за головой, словно совсем не имело костей.

Пришлось хорьку сменить клетку на деревянный ящик с «парадным входом» — дырой в одну сторону и чёрным ходом — в соседний ящик с сетчатой стенкой. Второй ящик хорёк использовал только как уборную, а в первом ящике не позволял себе никаких вольностей.

На новоселье хорьчонок получил имя. Его стали звать Хорькой. Квартира оказалась ему по вкусу. Хорошее настроение стало бурно прорываться у него наружу. Подметать пол щёткой сделалось невозмож-

ным, если только Хорька не спал. Щётка двигалась как слабый «враг», удиравший от него. Хорька бросался на «добычу», хватал щётку и таскался за ней по полу, не выпуская. Сор летел в стороны.

— На, только отвяжись! — кричали ему и бросали на пол тряпку.

Хорька переключался на неё. Он хватал тряпку, валился на спину, кувыркался через голову и почём зря трепал новую игрушку. Кончалось это тем, что он уносил тряпку и прятал за комод. А затем нырял в свой ящик и задорно выглядывал оттуда с видом победителя:

«Что, взяли? Кто победил?!»

Хорёк ни минуты не мог оставаться спокойным. С озабоченным видом, сгорбившись, он сновал из комнаты в комнату, залезал под диван, под комод, в ящики письменного стола — всюду, куда только могла просунуться голова, а за ней и всё тело.

Самой любимой игрушкой Хорьки была сухая заячья лапка на верёвочке. За ней он носился по ком-

натам как угорелый, до полного изнеможения. А потом влезал на стол, где стоял аквариум с рыбками, и лакал воду розовым язычком. Для этого он переваливался через край аквариума и держался за стенку задними лапками снаружи, а передними изнутри. На рыбок в аквариуме он не обращал ни малейшего внимания.

Наигравшись с лапкой, Хорька уносил её к себе в ящик. Но перед дырой-входом величиной с ленок у скворечника лапка становилась поперёк и не влезала. Хорька шипел, раздражался, но продолжал держать лапку за середину. Концы её упирались в края входа. Но всё же зверёк выходил из затруднительного положения. Он оставлял лапку у входа, забирался в ящик, высовывался оттуда, хватал лапку за один конец и тянул. Лапка пролезала в дыру, а верёвочка оставалась снаружи. Испытание сообразительности Хорьки на этом не кончалось. За верёвочку вытаскивали лапку из ящика на середину комнаты. Тотчас из отверстия выглядывала удивлённая мордочка Хорьки. Носик у него пошевеливался, усы и уши топорщились. Но факт оставался фактом — заячья лапка «убегала» и лежала опять на середине комнаты.

Прыжок, другой, третий!

Лапка схвачена и в два приёма затащена домой. Но верёвочка осталась снаружи. Она снова натянулась, и лапка опять оказалась на середине комнаты.

Хорька выскакивал из ящика и втаскивал лапку обратно.

Кажется, теперь всё в порядке? Но не тут-то было! Предательская верёвочка опять выхватывала лапку из ящика. Всё повторялось снова.

И так двенадцать раз подряд! Настойчивости зверька можно было позавидовать. Он уже не забавлялся — с самым серьёзным видом и даже сердито настаивал на том, чтобы игрушка лежала у него дома, а не валялась где попало! Хорька запыхался. Даже полакал воды из аквариума и втащил лапку в ящик

двенадцатый раз. Но сразу же высунулся обратно в отверстие и вдруг втянул к себе в ящик всю длинную верёвочку. Сработано это было быстро и ловко, словно хорьки только и занимаются втаскиванием верёвочек в свои норы!

Никто не учил Хорьку открывать дверей. Но ведь из кухни в комнаты так часто доносится аппетитный запах! Всегда закрытая кухонная дверь притягивала, как магнит железо.

Однажды Хорьку застали на кухонном столе. Он с жадностью поедая мясной фарш для котлет. Этого нельзя было допустить. В фарше был перец, лук, соль и другие острые снадобья, вредные для хорьков. Да и непорядок — взбираться с грязными лапами на кухонный стол!

Зверька унесли в комнату и «вылили» в ящик, а дыру заткнули тряпкой. Домашний арест возмутил зверька до глубины души. Он скрёбся и шипел так настойчиво, что пришлось его выпустить. Хорька со всех ног бросился к кухонной двери, скользя лапками на поворотах. Конечно, он хотел ещё раз отведать фарша — об этом легко было догадаться. Но дверь в кухню была закрыта. Хорька поцарапал её сердито, пошипел и уселся ждать, пока кто-нибудь пройдёт в кухню, чтобы прошмыгнуть между ног. Но в кухне в эти часы делать было нечего, и дверь оставалась закрытой. Хорька терпеливо ждал, подобрав лапки и сгорбившись, готовый к прыжку в любой момент, как кот перед норкой мыши. Но вот из столовой в кухню скрипнула дверь: оказывается хорёк сидел на столе в кухне и уплетал мясной фарш со специями!

Но кто же его впустил из столовой в кухню? Ведь туда никто не входил, а дверь на пружине закрывается сама?

«Авторитетная комиссия» из членов всей нашей семьи уселась в столовой для наблюдений. Хорьку унесли в ящик. Сейчас же он примчался к кухонной двери. На этот раз Хорька не стал терять попусту вре-

мя в позе ожидания. Он с ходу повалился на спину, просунул передние лапы в щель между порогом и низом двери, вцепился в её край когтями и потянул дверь на себя. Покорно скрипнув, она приоткрылась. В мгновение ока Хорька перевернулся и сумел прошмыгнуть в кухню, пока дверь ещё не успела закрыться!

Кто научил Хорьку открывать дверь? Ведь в степи дверей нет, и это умение не могло передаваться ему по наследству от миллионов предков. Но зверёк «квалифицированно» преодолел препятствие на своём пути впервые в своей маленькой жизни. И кто знает, может быть, даже впервые в жизни его многочисленных сородичей.

Для разных игрушек у Хорьки были свои места хранения. Любимая заячья лапка хранилась в ящике, тряпка — за комодом, а вот меховая ночная туфля должна была непременно лежать на кровати под подушкой. Хорька засовывал её туда мордочкой, упираясь коготками в одеяло.

Однажды туфля из-под подушки полетела и шлёпнулась на пол. Хорька принёс её на кровать, засунул под подушку и полез на аквариум пить. Но не успел он ещё перевеситься через край аквариума, как туфля шлёпнулась на середину комнаты. Всё повторилось снова. Нужно было отучить Хорьку от скверной привычки совать туфлю под подушку. Пускай найдёт для неё другую «кладовую».

Девять раз летала с кровати туфля на пол, и сейчас же трудолюбивый зверёк возвращал её обратно под подушку. Наволочка на ней всё равно нуждалась в стирке. «Непослушная» туфля стала раздражать Хорьку, и он бросался за ней с недовольным шипением. В десятый раз Хорька схватил туфлю и на миг приостановился со своей игрушкой в зубах, на полдороге к подушке. Затем он бросился в столовую, и слышно было, как там скрипнула дверка у буфета. Хорька не спеша приплёлся из столовой без туфли

и заполз в ящик. Весь его вид говорил, что он только что успешно закончил трудное дело.

С этого «десятого» раза Хорька стал прятать туфлю только в угол буфета, открывая дверцу так же, как и дверь в кухню. Разница была только в том, что дверца буфета сама не закрывалась. Раз она была открыта — значит, туфля лежала в буфете. Это было даже удобно. Не приходилось терять времени на поиски туфли. Угол внизу буфета освободили от посуды для Хорьки.

Остатки от своего обеда Хорька никогда не прятал вместе с игрушками, а только за шкаф, под стол или под этажерку. Иногда сразу же перепрятывал с одного места на другое для большей «надёжности». В укромных уголках квартиры хорёк устраивал целые склады всяких объедков. Всё, что не доест, — в склад!

Хорька сильно досаждал тем, что стал раскапывать землю в банках комнатных цветов. Упрямец оказалось невозможно отучить от этой забавы. Тогда на пол поставили большой ящик с землёй. Свою энер-

гну зверёк переключил на землю в ящике, и цветы были спасены.

Однажды соседи принесли кошку. Все с интересом собрались в столовой посмотреть, как Хорька встретится с гостьей. Кошка чувствовала себя несколько смущённой в незнакомой квартире. А Хорька повёл себя как хозяин и боком, сгорбившись, сразу начал наступление. Кошка изогнулась дугой, распушила хвост и заурчала. Но махонький храбрец как молния бросился на врага и стал душить втрое большего противника. Кошка в ужасе кинулась к дверям, волоча на себе хорька и оставляя на полу клочья шерсти. С большим трудом её отняли и унесли.

Хорёк долго не мог успокоиться, бегал по комнатам, шипел и проверял свои кладовые.

Хорёк оказался удивительным засоней. Наевшись с вечера, он спал всю ночь до утра и просыпался вместе с людьми. Утром хорька охватывало безудержное игривое настроение. Он вертелся под ногами, таскался по полу, уцепившись за подол халата, задорно пятился через всю комнату и всячески вызывал людей на «драку».

Но разве есть время забавляться с хорьком утром, когда пьёшь чай стоя, обжигаясь и поглядывая на часы, чтобы не опоздать на работу? Хорька получает свой завтрак и стихает над ним. Хлопает дверь, и зверёк остаётся один в квартире. Если со двора заглянуть в окно, то видно, как хорёк медленно забирается в свой ящик. Там он будет спать, пока не кончится трудовой день и не скрипнет входная дверь. Тогда из отверстия покажется заспанная, зевающая мордочка. А затем зверёк стремглав выскакивает из ящика весёлый, игривый, изобретательный на всякие проказы.

Только два часа утром и несколько часов вечером хорёк играет, ест и до предела оживлён. Большую часть суток он спит.

Не обходится и без приключений.

В воскресенье утром к нам зашла соседка в свободном летнем платье с открытым воротом.

— Давно слышала о вашем забавном зверьке. Решила сама взглянуть,— заявила она, здороваясь.

Нельзя сказать, чтобы она обрадовала нас своим посещением. Соседка была всегда надменно важной только потому, что муж её занимал какой-то высокий пост.

Сонного Хорьку вытащили из ящика вялого, ослабленного, как меховую горжетку, совершенно мягкого. Он зевал во весь рот и, как только его опустили на пол, сейчас же нырнул в дыру и опять свернулся калачиком в ящике. Его вытащили снова, и, только когда на середину комнаты бросили заячью лапку, он сразу стал упругим. Заячья лапка всегда оказывала на него магическое действие. Она развеселила Хорьку, и он стал носиться за ней по комнате. Важная гостья пришла в восторг и потребовала:

— Дайте мне лапку!

Она высоко подняла лапку над головой и смеялась, глядя, как хорёк неуклюже прыгал вверх, стараясь достать свою игрушку. Не успел никто из нас что-либо понять, как на весь дом раздался крик соседки. С круглыми от ужаса глазами она схватилась за колени, потом за живот, за грудь и повалилась на диван в истерике. А из разреза платья на груди выглянула мордочка Хорьки. Это он под свободным платьем вскарабкался вверх за лапкой и удивлённо вертел головой, ища свою игрушку.

Хорьку схватили, сунули в ящик и заткнули дыру. А с соседкой возились целый час. Больше она к нам не заходила.

В другой раз Хорька сильно напугал богомольную старушку. Мы жили на четвёртом этаже. Зачем-то Хорьке понадобилось забраться в холодную кухонную плиту. По дымоходу он спустился в первый этаж. К его счастью, ни в одном этаже в это время плиты в кухнях не топились. На первом этаже дверца в пли-

те была закрыта, и он заскрёбся в неё. В кухне была старая бабушка, а в столовой девочка готовила уроки. Глуховатая старушка подумала, что кто-то царапается во входную дверь в передней.

— Кто там? — спросила бабушка через замочную скважину.

Ей никто не ответил.

Она вернулась в кухню, ворча про себя:

— Не иначе, Колька со второго балует!

Хорька опять заскрёбся в плите обеими лапами, с шипением — он начинал сердиться.

Только теперь старушка поняла, что кто-то скребётся в плите.

— Свят, свят! — перекрестилась она. — Уж не домовой ли там? Катя, беги сюда, скор...

Но в это время дверца сама распахнулась, выглянуло совершенно чёрное от сажи существо с белыми оскаленными зубами. Старушка дико закричала, замахала руками и заметалась по кухне. С перепугу она никак не могла найти двери. Её крик сбросил со стула девочку в столовой. В несколько прыжков она была на пороге кухни.

Старушка забилась в угол, крестилась одной рукой, а другой показывала на Хорьку и твердила:

— Чур, меня, домовый, чур, меня!

— Да это, бабушка, хорёк с четвёртого этажа! — воскликнула внучка и засмеялась.

— И то правда, слава тебе господи! — проговорила старушка и села на стул. — А я-то подумала... — И старушка заплакала.

Девочка дала бабушке валерьянки, та окончательно успокоилась и даже засмеялась над своим испугом.

— Унеси ты эту погань окаянную! — потребовала старушка.

Катя завернула Хорьку в газету, чтобы не запацкаться, поднялась к нам на четвёртый этаж и позволила.

— Вот вам хорёк обратно! — заявила она и бро-

сила зверька в переднюю. — Нашу бабушку напугал до смерти!

Пока мы расспрашивали и бегали вниз извиняться, Хорька не зевал: не мог же он оставаться чёрным, как трубочист! Под одеялами на простынях на всех кроватях он понаделал извилистых чёрных полос, старательно обтираясь. На одном одеяле была небольшая дырка, и Хорька разработал её в большую дырищу, чёрную по краям.

Перечислять все проказы Хорьки было бы долго. Не мало он доставляет огорчений, но гораздо больше развлекает своим поведением, превратившись в совершенно ручного домашнего зверька.

СОБОЛЬ № 43

Морозные туманные сумерки опустились над тайгой. Громко потрескивал лёд на речке. С севера после заката потянул ветерок. Он был такой жгуче-холодный, что всё живое в тайге поспешило укрыться.

Соболь выглянул из дупла осины на краю лесного оврага. Пушистому зверьку мороз не страшен: драгоценный мех надёжно защищал его. Соболь зевнул, блеснув белым оскалом зубов. Лёгкий пар изо рта ветерок отнёс в сторону. Зверёк спрыгнул на снег и прыжками направился к лесному болоту.

Но шорох лапок по затвердевшему снегу далеко предупреждал об опасности зайцев, ласок и горностаев. Снег так похрустывал, что даже белки просыпались в дуплах и тревожно прислушивались к прыжкам их заклятого врага. На поверхности снега соболу пожить было нечем.

Слабый писк лесной мыши под снегом сразу заставил соболя нырнуть в сугроб через узкое отверстие около ствола одинокой осинки. Ветер всю зиму раскачивал деревце в разные стороны, и оно образовало в снегу отдушину до самой земли.

Всю ночь соболь искал мышей под снегом. Под утро он спрятался под сваленной елью, засыпанной толстым слоем снега. Зверёк свернулся колечком, прикрыл нос хвостом и задремал. А над снегом рассветал яркий морозный день. Красный диск солнца показался над деревьями, едва видимый через густой туман, поднимавшийся от полыньи над таёжной речкой. В ветвях ели тонко пискнула крошечная синичка-московка, ей ответила другая. Громко зацыркал поползень. Он спускался вниз головой по стволу, а его клювик, как костяное шильце, обшаривал каждую щёлку в коре.

С шумом на рябине расселся табунок рябчиков. Осторожные птицы сначала долго озирались по сторонам. Потом одна за другой потянулись к кистям ягод.

Соболь под снегом услышал шумный прилёт рябчиков. Алчно облизываясь, он выглянул из-под снега. Но рябчики на дереве были недося-

гаемы для зверька. Его охота за мышами только слегка утолила голод. Как назло, ветерок доносил прямо к нему запах рябчиков, разжигая аппетит.

Вдруг рядом раздался слабый щелчок выстрела из мелкокалиберной винтовки. Совсем как треск льда на речке. Соболь не обратил на это никакого внимания. Один из рябчиков, хлопая крыльями, упал на снег. Остальные взлетели и скрылись за деревьями. Неслышно подкравшийся охотник не успел перезарядить винтовку, как из-под занесённой ели через поляну мелькнул соболь и схватил рябчика. Только сейчас он заметил человека. Но голодный зверёк не выпустил из зубов добычу. Вместе с рябчиком он бросился за раскидистую ель. Охотник побежал за ним, на бегу заряжая винтовку и поворачивая лыжи. На это ушло несколько десятков секунд.

За ёлкой оказался пологий, открытый склон к речке. Соболь бросился вниз. Лыжи охотника заскользили под гору, наращивая скорость. Расстояние между зверьком и человеком стало сокращаться. Охотник не стрелял, боясь на бегу промахнуться, и всё стремительнее скользил вниз. Ветер зашумел у него в ушах. Упругий морозный воздух щипал лицо.

Соболь бросил рябчика и мчался изо всех сил, но до спасительных зарослей около речки было ещё далеко, а человек почти уже настиг его. Неожиданно зверёк высоко подпрыгнул, перевернулся в воздухе и с разлёту нырнул головой в сугроб, как пловец с трамплина. Снег в этом месте всколыхнулся и замер. Рядом пошевелился сухой стебелёк какой-то травки над снегом — и всё! Словно соболя и не было только что на этой поляне.

Охотник так резко затормозил, что не удержался и упал в снег. Пока он поднимался, соболь прошмыгнул под кусты шиповника, потом ещё дальше, но ничто не выдавало его присутствия под снегом.

С одним рябчиком в сумке охотник ушёл домой. Соболь до ночи просидел в кустах под снегом

и выбрался на поверхность, когда совсем стемнело. Ночью он нашёл беличье гайно, переделанное из старого сорочьего гнезда. Белка сделала его толще, законопатила мхом все щели, натаскала с осени сухой мягкой травы для подстилки. Соболь неслышно взобрался на дерево и задавил белку, не дав ей проснуться. Он наелся досыта и крепко уснул на постели своей жертвы. На другой день удар обухом топора по стволу разбудил соболя. Внизу стояли два охотника. Собака лайка нетерпеливо бегала под деревом взад и вперёд. Уши у неё стояли торчком, а хвост на спине был туго завернут в кольцо.

Соболь выскочил из гнезда, бросился на соседний кедр и с дерева на дерево, как мячик, запрыгал по тайге. Лайка мчалась под деревьями, ни на минуту не выпуская его из виду.

В знакомое дупло в осине зверёк юркнул с разлёту и затаился там. Но собака залилась звонким лаем под деревом. Она вскакивала на задние лапы, скребла кору передними, и собачий лай далеко разносился по лесу в морозном воздухе.

Послышались голоса людей. Зашуршала кора на осине, и в дупле сделалось темно — это один из охотников прикрыл выход мешком.

— Бей! — крикнул он.

Удары топором по стволу посыпались градом. Испуганный соболь выскочил из дупла, но... оказался в мешке!

Охотники осторожно пересадили зверька в небольшой деревянный ящик с прочной сеткой вместо одной из стенок. На ящике чернильным карандашом они написали: «Соболь № 43». Зверёк заметался по ящику, но всюду натёкался на прочные стенки или железную сетку. В страхе соболь забился в угол и дрожал всем телом.

На другой день ящики-клетки с пойманными соболями охотники отвезли на аэродром, и зверьки поднялись в самолёте выше облаков. Через несколько часов

они оказались у подножия Тянь-Шаньских гор в Алма-Атинском аэропорту.

Наутро грузовая машина с клетками поднялась высоко в горы по глубокому ущелью Заилийского хребта. Клетки сняли, поставили на снег и открыли дверцы. Но ни один из перепуганных зверьков и не подумал выходить. Наоборот, они забились в углы, шипели и урчали. Люди силой вытряхивали их из ящиков.

Соболь № 43, выскочив из ящика, бросился вверх по снежному склону горы. Густые ветви тянь-шаньских елей опускались до самого снега и легко скрыли зверька. Соболь запыхался на крутом подъёме и остановился. Со всех сторон слышались торопливые прыжки по снегу других соболей. Где-то рядом шуршала кора — это один из зверьков взбирался на ель. Следы соболей протянулись в разные стороны по склонам. Зверьки привыкли жить в одиночку.

Всё выше прыгал соболь № 43 среди густых ельников. Его маленькое сердце билось от непривычного напряжения. В Сибирской тайге не было высоких гор. Воздух был необычно тёплый, как весной.

Но вот ельники поредели. Соболь поднялся до верхней границы леса. Впереди виднелся безлесный гребень горы.

В это время в ущелье грянул выстрел. Горное эхо подхватило звук и унесло его по вершинам гор дальше. Постепенно он замер вдали. Мимо испуганно пролетел крупный сокол. Это люди отогнали его выстрелом от места выпуска ценных зверьков. По голому снежному склону мимо соболя промчались горные козлы. Под ёлками они свернули в гору и скрылись за перевалом, там начинался бесснежный южный склон. Оттуда долетел стук покотившегося камешка, и всё стихло.

Соболь успокоился и сделал несколько коротких прыжков к ёлке, но оказался не ближе, а дальше от неё — снег по всему склону начал медленно ползти

вниз. Большими отчаянными прыжками соболь подскочил к ёлке. Но снег полз всё быстрее, и зверёк несколько раз подпрыгнул на одном месте, прежде чем зацепился когтями за кору ели. В один миг соболь взлетел на самую вершину.

А снег с шорохом всё быстрее скользил вниз. Началась страшная снежная лавина. Чем ниже, тем она делалась ужасней. Огромные массы снега пришли в движение и с шумом понеслись вниз по безлесному склону, с треском ломая и выворачивая с корнем деревья. Верхние ели уцелели, уцелела и та, на которой сидел соболь № 43. Горные козлы вовремя почувствовали начало движения лавины и успели убежать.

Лавина обрушилась в ущелье, грохот стих, но снежная пыль поднялась к вершине горы. Далеко внизу ревел мотор грузовой машины — это люди едва успели умчаться от снежного завала, бросив пустые клетки.

Долго сидел на ёлке перепуганный соболь. Всё кругом было ново и незнакомо.

«Кек-елик, кек-елик!» — раздался громкий крик, и табунок краснолапых горных куропаток-кекликов опустился на склон, с которого сполз снег. От них ветер доносил почти такой же запах, как и от таёжных рябчиков. Соболь осторожно, крадучись, начал спускаться с ёлки. Громкий свист сначала испугал его. Но это была безобидная горная индейка-улар, а совсем не хищная птица. Свистом она звала других уларов на голый от снега склон.

Соболь спрыгнул с ёлки и по таёжной привычке нырнул под снег. Но он кончился там, где сошла оплывина, и кеклики сразу заметили чёрного зверька. Они испуганно закричали, однако не взлетели, а быстро побежали вверх. Через несколько минут они скрылись за перевалом вместе с уларом.

Соболь притаился около ствола ёлки.

А кругом раздавались незнакомые звуки. Арочный дубонос, наполовину чёрный и наполовину зеле-

новато-жёлтый, уселся на вершину ели и долго кричал чужим голосом. Альпийские желтоногие галки летали и кувыркались в воздухе. Они, играя, гонялись друг за другом и кричали иначе, чем сибирские галки. По отвесным скалам перепархивал носатый стенолаз, совсем как чёрно-малиновая крупная бабочка. Под вечер огромный снежный барс прошёл мимо неслышными кошачьими шагами. Соболь весь сжался от страха. Но барс ушёл туда, где скрылись горные козлы за гребнем перевала.

Только когда совсем стемнело, соболь отправился в ельник искать мышей. Недостатка в них не было. Под утро сытый зверёк нашёл дупло в старой осине, такое же, как в Сибири. Там он спокойно провёл день и стал ежедневно спать в нём.

Постепенно соболь привык к новым местам и незнакомым обитателям горных ельников. Летом он подружился с соболушкой из ящика № 30. Настало время, когда у неё родились маленькие соборята. Для них горы Тянь-Шаня были уже настоящей родиной.

ВОЛЧОК ИЗ БЕТПАК-ДАЛЫ

Повесть

Кругом на сотни километров безлюдная пустыня Бетпак-Дала. Глинистая почва только кое-где покрыта сизовой полынькой. Редкие кустики тамариска с нежно-розовыми цветущими веточками далеко видны среди безбрежной равнины. В понижениях белеет соль и похрустывают красноватые сочные солянки, немного похожие на северные хвощи.

Кажется, что никто не может жить в безводной пустыне.

Не журчат здесь ручьи, но их заменяют жаворонок. Они весело распевают в воздухе, за сотни километров от воды. Этим птичкам достаточно влаги в

их пище — насекомых. Крупные дрофы-красотки так же не пьют, как и саксаульные сойки, черепахи, тушканчики и многие другие обитатели пустыни.

Вдали кто-то свистнул. Вот свист ближе, ещё ближе, и теперь видно, как перед своими норками встают колышками зверьки, похожие на сусликов. Это песчанки. Они волнуются и пищат не случайно — мимо них крупной рысью бежит облезлая, худая волчица, с набухшими сосками и с тремя песчанками в пасти.

Громко предупреждая друг друга об опасности, песчанки ныряют под землю перед самым носом волчицы и опять осторожно выглядывают из норок, когда она пробегает дальше. Так они передают сигнал тревоги от одного поселения песчанок до другого. Волчица не может застигнуть зверьков врасплох.

Но вот она скрылась из виду, и опять всё кругом кажется безжизненным. Только стремительные пустынные ящерицы перебегают иногда от одной пустой норки до другой, прячась в спасительной тени. Да крупные жуки-чернотелки не спеша проползают по своим делам, далеко выделяясь на сером фоне чёрными сросшимися надкрыльями, которым никогда не суждено раскрыться: у них нет крыльев, а жёсткие надкрылья — это их броня, предохраняющая от испарения.

Но вот песчанки опять тревожно запищали: вдали снова показалась волчица. Ровной, быстрой рысью она пробежала мимо, не обращая внимания на зверьков, и скрылась за небольшими буграми. Конечно,

у неё где-то недалеко есть волчата, это для них она ловит и носит песчанок.

За далёкими буграми волчица перешла на шаг и поползла. Но и здесь песчанки заметили её и тревожно запищали. Тогда волчица притаилась за куртинкой полыни.

Прошло немало времени, пока песчанки успокоились и стали отбегать от норок всё дальше и дальше. Нежные кончики ветвей саксаула около затаившейся волчицы привлекли двух песчанок. Вдруг лёгкий шорох — и зверь серой тенью метнулся на песчанок, отрезав им дорогу к норкам. Лязг зубов — и с двумя зверьками в пасти волчица потрусила опять по равнине, а за ней — снова писк песчанок.

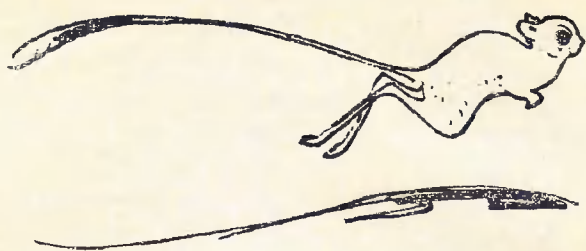
Из-под корявого поваленного ствола саксаула навстречу волчице с радостным визгом выскочило пять волчат. В пустыне волки не всегда роют норы — здесь нет дождей и нет врагов, от которых волчатам надо прятаться, а небольшая ямка-логово возле песчаного бархана служит волкам прекрасным жильём.

Ещё громче «приветствовали» волчицу песчанки, их здесь было множество. Но волчица убегала за добычей подальше, оставляя для подрастающих волчат нетронутыми богатые охотничьи угодья.

До позднего вечера волчица носила песчанок своим щенятам.

Короткие южные сумерки сменила тёмная ночь. На чёрном небе высыпали звёзды. Песчанки попрятались до утра в норы. Улеглась и волчица около своих волчат. Всё семейство серых разбойников уснуло

в логове. Тихо повизгивают и чмокают волчата во сне. Да время от времени старая волчица приподнимает голову с насторожёнными ушами и жадно нюхает воздух. В безлюдной пустыне волки ведут дневной образ жизни.

Едва скрылось солнце, как пустынные тушканчики стали головками выталкивать из норок песчаные пробки. Зверьки появлялись в сумерки там, где днём, казалось, не было ни малейших признаков жизни.

Выскочив из норки, тушканчики мгновенно исчезают, как бы растворяясь в густых сумерках позднего вечера, только цепочки следов утром могут рассказать о таинственной ночной жизни этих крошечных песчаных эльфов. Лишь когда полная луна заливает пустыню сказочным голубоватым светом, можно видеть стремительные игры тушканчиков. Они гоняются друг за другом, мелькая белыми кончиками длинных хвостиков, неожиданно бросаются в стороны, перепрыгивают друг через друга, кружатся, и всё это в гробовой тишине, как привидения, без малейшего шороха — настолько легки эти удивительные создания. Под утро тушканчики искусно затворяют «двери» в свои норки песком изнутри и весь день будут спать, свернувшись клубочком, в гнезде прохладного подземелья.

Посапывая и громко хрустя пойманными жуками-чернотелками, торопливо бегают по ночам колючие ёжики. Им некого здесь бояться. Даже пустынные сы-

чи не нападают на них, предпочитая ловить беззащитных тушканчиков.

Волчата растут не по дням, а по часам. С каждым днём старой волчице всё труднее прокормить маленькими песчанками своё ненасытное потомство. Волчата ещё долго беспомощны, хотя уже и гоняются с азартом за песчанками, правда без толку. Немало ещё пройдёт времени, пока волчата научатся незаметно подкрадываться к ним или терпеливо караулить их около нор, как это делает старая волчица.

* * *

Зоологическая экспедиция раскинула лагерь около родника, недалеко от волчьего бархана. Чудесный весенний вечер уже сменялся ночными сумерками. Закончив ставить палатки, зажгли первый костёр на новом месте. Заря быстро гасла. С каждой минутой делалось холодней. Пение жаворонков и посвистывание песчанок смолкли. Но в тёмном небе, казалось, под самыми звёздами всё чаще и громче раздавались знакомые голоса диких уток и куликов. Заканчивался их массовый весенний пролёт. Птичьи стаи пересекали пустыню точно на северо-восток. По их крикам можно было ночью определить страны света.

Утром два студента-зоолога отправились в первую экскурсию. Всюду саксаульники были сильно повреждены песчанками. Эти пустынные грызуны объели кончики ветвей саксаула на большой площади. Местами саксаульники обратились в сухие, мёртвые заросли.

— Смотри, волк! — показал один из студентов в сторону большого бархана.

И в самом деле, худая крупная волчица выскочила из-за бархана навстречу людям. Это было неожиданно для неё и для них. Со всего разбега она остановилась, взрыв песок, и сразу бросилась в сторону. Как бы спохватившись, волчица вдруг захромала на

одну из задних ног, а затем и на переднюю. Так, ковыляя и непрерывно оглядываясь на людей, волчица медленно скрылась в зарослях саксаула.

— Вот досада — не взяли ружья! — воскликнул студент.

— Это она от волчат отводит, хромой притворяется! — ответил другой. — Место для логова самое подходящее: родник рядом и масса песчанок. Идём её следом, откуда она пришла.

Следы на песке легко привели людей к бархану с волчьим логовом у подножия.

Услышав шаги, волчата, радостно махая хвостиками и скуля, выскочили навстречу людям. Но чужой запах мгновенно вздыбил шерсть на загривках, а по белому оскалу крошечных, ещё молочных зубов было видно, что малютки готовы постоять за себя. Только один волчонок продолжал вилять хвостиком и не скалился.

Волчата были ещё настолько безопасны, что студенты одного за другим спокойно брали их за шиворот и совали в рюкзак.

В лагере волчат поместили в пустой фанерный ящик. Они забились в угол и сверкали оттуда зубами. Но убитых песчанок и разведённый молочный порошок в чашке съедали с дракой, как только их оставляли одних.

Совсем иначе вёл себя один из них. Стоило подойти к ящику, как он вставал на задние лапки, скрёб передними стенку, скулил и отчаянно вилял хвостиком. Невероятно, но он просился на руки к людям! Это было настолько удивительно, что все едва дождались возвращения в лагерь начальника экспедиции. Он был опытный зоолог, и к нему наперебой полетели вопросы молодёжи.

— Я знаю несколько таких случаев, — сказал зоолог, беря в руки волчонка. — Один из семи молодых хорьков, выкопанных из норы около Новосибирска, тоже оказался совершенно ручным, а его братья и

сёстры были невероятно дики и злы. Этот хорёк жил у меня на квартире вместо кошки два года и был очень забавен. Молодая куница в Заилийском Алатау спустилась из горных ельников, зашла на кордон «Правый Талгар» к моему знакомому леснику Бурову и стала просить подачку со стола. Семья Бурова в это время ужинала. Эта ручная куница несколько лет потом жила в алма-атинском зоопарке. Я очевидец этих случаев. Но объяснить эти факты трудно. Зоопсихология разработана несоизмеримо меньше, чем способы охоты.

Волчонок бегал из палатки в палатку, ко всем ласкался и раздулся шариком от подачек, которые ему каждый давал. Ни разу он даже не подошёл к ящику, где сидели его братья и сёстры.

Наступил вечер. После ужина все разошлись по палаткам и, лёжа, молча слушали голоса перелётных птиц в тёмном небе, расцвеченном звёздами.

Чем становилось темней, тем всё громче скулили и скреблись волчата в фанерном ящике, не давая никому уснуть.

— Отнесите ящик с этими чертенятами подальше от палаток! — раздался наконец раздражённый голос начальника экспедиции из глубины спального мешка, куда он забрался с головой, спасаясь от шума.

В это время удивительный волчонок мирно спал в одной из палаток, вздрагивая во сне, повизгивая и подёргивая лапками.

Утром все проснулись раньше обычного от громкого возгласа шофёра:

— Товарищи, волчат в ящике нет!

Около ящика крупные волчьи следы были хорошо заметны. Ясно, что волчица ночью перетаскала куда-то волчат.

По следам волчицы бросилось несколько человек, на бегу заряжая ружья.

Более километра следы были хорошо заметны на песке. Ровная цепочка ямок бесконечным пунктиром уходила вдаль по прямому направлению от лагеря. Тут же рядом песок был взрыт через метровые промежутки — это волчица прыжками возвращалась к лагерю за следующим щенком.

Но вот следы зверя вышли на гладкий, твёрдый такыр¹. На нём не осталось не только следов волчицы, но и автомашины, которая накануне прошла здесь. Такыр тянулся далеко, от него в стороны отходили другие такыры.

Волчица искусно использовала твёрдую, как асфальт, поверхность такыра: погоня вернулась в лагерь ни с чем! Навстречу людям, виляя хвостиком, бросился волчонок, словно радуясь их неудаче.

Никто не догадался, что старая волчица перетаскала волчат в первую ночь совсем недалеко от лагеря. Пробежав по такыру несколько сот метров с волчонок в зубах, она круто свернула в сторону и через километр сунула своего щенка под куст тамари-

¹ Такыр — ровная затвердевшая почва в пустыне на том месте, где весной была снеговая вода.

ска на крошечном песчаном островке среди такыра. Серdito зарывав, она заставила волчонка притаиться, а сама во весь дух кинулась обратно к лагерю за следующим.

Волки не способны считать. Волчица перенесла четырёх, в ящике их больше не оставалось, и это было для неё достаточно, чтобы успокоиться.

На следующую ночь волчица перетаскала волчат ещё дальше от лагеря. Она устроила для них логово, расширив и углубив один из выходов старой лисьей норы. Напуганные и замученные перебросками, волчата первое время на «новоселье» были вялыми и тихими. Но скоро оживились. У входа в нору начались безудержные игры и возня.

Песчанок кругом и здесь было много. Но волчата быстро росли, и, как волчица ни старалась, из-за каждой песчанки стали возникать драки голодных волчат. Пищи не стало хватать. И случилось непоправимое — один из волчат вырвал утром из пасти матери первую песчанку и бросился с ней бежать. В несколько прыжков его настигли остальные и вцепились в бока и горло. Брызнула кровь. Волчица кинулась было разнимать, но опоздала — в несколько секунд волчата разорвали своего братишку, а потом и съели его.

Ещё на одного волчонка в логове стало меньше.

Волчья семья в пустыне живёт строго по «графику»: не стало хватать песчанок и меню волчьего обеда изменилось — на смену песчанкам пришли новорождённые джейранята. Всюду начался окот самок джейрана, и волчица переключилась на новую добычу.

Вот она бежит против ветра всё дальше и дальше от своего логова. То и дело она увлажняет нос языком: это помогает ей держать направление точно против ветра.

Чутьё задолго предупреждает волчицу: впереди, где-то за кустами тамариска, пасётся джейран. Вол-

чица неслышно крадётся, припадая к земле. Но осторожное животное вовремя замечает врага. Громко простучали её копытца по сухой земле. Лёгкими прыжками изящная газель понеслась в сторону. Волчица бросилась за ней. Какая бессмыслица! Разве может волк-тихоход догнать джейрана? Легконогое животное скачет всего вполсилы, а волчица готова выскочить из шкуры. Высунув язык, она упорно гонится за недостижимым. Вскоре бока волчицы стали раздуваться, как кузнечные мехи. Мчаться днём для них нелёгкое дело в полуденную жару, да ещё по сыпучему глубокому песку.

Самка джейрана скачет по огромному кругу, в котором лежат её джейранята. Испуганный топот матери — сигнал опасности, и они послушно распластались на земле, вытянув шеи и даже полузакрыв свои большие чёрные глаза.

Вот уже третий круг делает самка джейрана с волком позади. Если бы она бежала прямо, то уже далеко увела бы врага, а затем могла легко оставить его позади и скрыться, припустив изю всех сил. Но самка всё кружит и кружит, рискуя в любую минуту навести волчицу на джейранят. В конце концов этим и кончается беспронзрышная игра для волчицы. До неё долетает по ветерку запах джейранёнка. Зверь бросился туда, рванул зубами, и всё кончено: джейранёнок спал так крепко, что ничего не слышал. Его сон сразу сменился смертью. У самки джейрана остался теперь только один джейранёнок, и то лишь

потому, что они притаились порознь и одного из них волчица не заметила.

Долго лежала волчица около своей жертвы, слизывая кровь, пока её дыхание не пришло в норму, а затем поволокла джейранёнка к своему логову.

Время идёт, волчата быстро растут. Им уже не хватает и джейранёнка, чтобы насытиться, а о песчанках и говорить не приходится. Всё дальше убегает волчица за джейранятами, да и они подросли, и многие из них легко убегают от волчицы.

Но на смену джейранятам подходят тысячные стада сайгаков. Они идут с зимовок в песках Муюн-Кумов и с берегов реки Чу к далёким северным степям Сары-Арки. Вместе со взрослыми бегут весёлые маленькие сайгачата.

Теперь, когда подошли стада сайгаков, волчья семья сыта по горло. Волчица забегает вперёд табунков сайгаков и затаивается. Животные, ничего не подозревая, идут вперёд к северу, мелко семеня тонкими ножками и на ходу срывая траву. Горбоносые, несуразные на вид, они стремительны, как ураган, и могут мчаться со скоростью восемьдесят километров в час — быстрее не только всех наших зверей, но даже и многих птиц. Быстрота бега помогла сайгакам перешагнуть через тысячелетия и сохраниться до наших дней со времён мамонтов.

Но это, однако, не спасает сайгака от волчицы, когда она вскакивает в нескольких шагах от него из-за кустика боялыча. Внезапный ужас охватывает животное, и оно несколько мгновений беспомощно топчется на месте; этого вполне достаточно для волчицы... Так и мы иногда, неожиданно увидав под ногами мышь или змею, даже раздавленных, произвольно топчемся на месте и машем руками.

Настало время вместе с сайгаками уходить к северу и волчьей семье. Волчата уже настолько подросли, что могут покинуть своё логово и сделаться «пастухами» сайгачных стад.

Две недели лагерь экспедиции находился около родника.

Маленького зверёныша называли Волчком. Он всюду следовал за людьми во время работы в пустыне. Щенок то и дело бросался на песчанок, но получал только струйку песка в жадно открытую пасть от задних лапок зверька, когда тот исчезал в норе. Приходилось ловить песчанок и давать волчонку. Больше двух песчанок он не мог съесть и, раздувшись, устало плёлся за людьми, сразу утратив ко всему интерес. Стоило остановиться — и Волчок тут же валился на песок и засыпал. Нужно было его будить, прежде чем идти дальше.

Иногда над уснувшим волчонком потешались: люди ложились за куст тамариска и бросали в Волчка фуражкой. Щенок просыпался, зевал и медленно поворачивал лобастую голову вправо, но там никого не было. Энергично голова поворачивалась влево — и там никого нет! Тогда Волчок быстро вскакивал, поджимал хвост, озирался, приседая на задние лапы, и вдруг с жалобным визгом принимался носиться взад и вперёд — он искал людей. А когда находил, неподдельный щенячий восторг невольно вызывал смех.

Устроить запруду на роднике было нетрудно. Члены экспедиции каждый вечер стали купаться. Волчок тоже послушно лез в воду за людьми, когда его звали. Плавал он по-щенячьи, хлюпая передними лапами.

Хлеб Волчок ел, смешно гримасничая, долго жуя и кроша на мелкие кусочки. А сырое мясо торопливо и жадно глотал большими кусками, почти не жуя.

Большеголовый, с толстыми непослушными лапами и голубоватыми глазками, Волчок сделался любимцем всех участников экспедиции.

Работы около родника закончились. Однажды

утром палатки были убраны, и всё имущество экспедиции погрузили на машину. Последний осмотр места лагеря — и начальник экспедиции сел в кабину вместе с шофёром:

— Поехали!

Машина вздрогнула, качнулась и плавно двинулась вперёд, набирая скорость.

Волчок послушно сидел на коленях начальника экспедиции. Он присмирел и собрался в упругий комочек. Насторожив ушки, тревожно смотрел вдаль, чуть слышно иногда повизгивая.

А навстречу летели родные просторы пустыни. С ветерком машина проносилась по «асфальту» такыров и с рёвом всползала на песчаные гребни. Всё чаще стали встречаться щебнистые участки почвы. И к вечеру пески и барханы низовой реки Чу сменили бескрайние просторы, покрытые сизовой полынькой или щебнем.

Начальник экспедиции с интересом следил за волчонком: хвостик его был засунут между задних лапок и словно прилип к животу. Временами волчонок вздрагивал и как-то по-особенному взвизгивал, словно хныкал. Казалось, крошечное животное понимало, что покидает свою родину. Впрочем, вечером на ночлеге Волчок как ни в чём не бывало резвился около костра в незнакомой, чужой местности.

К городской жизни волчонок привык быстро. Держали его на цепочке в саду. Вечером после работы с ним ходили гулять. Только первые дни волчонок поджимал хвост и жался к ногам, когда встречал пешеходов. А потом не стал обращать внимание ни на людей, ни на машины. Но, если ветер начинал гудеть проводами, волчонку становилось страшно.

Собаки при встрече поджимали хвосты, дыбили шерсть на загривках и перебегали на другую сторону улицы с каким-то не то виноватым, не то обиженным видом. Все они выросли в городе и никогда не встречались с волками, но запах зверя воскрешал в

них безотчётный страх перед волками, унаследованный от далёких предков, живших около человека сотни и даже тысячи лет назад.

Волчок быстро рос и мужал. К осени он сделался красивым, стройным молодым волком с пышной шерстью, но был всегда ласков и весел.

Соседский щенок-лаверак Лори подружился с волчком. Оба длинных висячих уха Лори были как бы приспособлены для того, чтобы Волчок мог трепать их, и они всегда были мокрыми после возни двух щенят. Они играли друг с другом до полного изнеможения и тут же валялись и засыпали непробудным сном.

«Деликатность» Волчка удивляла всех. Лори бесцеремонно вырывал лучшие куски прямо изо рта волчка, хотя и был слабее и меньше ростом.

Жил Волчок на цепи около конуры, но относился к этому собачьему домику с полным пренебрежением и ни разу не залез туда. Даже во время осенних дождей он предпочитал спать под открытым небом, свернувшись кольцом и подостлав под себя пушистый хвост.

Наступила зима. Лобастая голова Волчка с пушистыми бакенбардами, полукруглые уши и опущенный хвост издали отличали его от собак. Но, странное дело, он продолжал оставаться ручным и ласко-

вым не только с людьми, которых хорошо знал, но и каждому незнакомому человеку приветливо махал хвостом.

Во время прогулок по улицам Волчок вызывал споры у встречных прохожих. Внешний вид Волчка ясно говорил, что на цепочке по тротуару ведут волка. Но его поведение и добрый взгляд светло-карих глаз вызывал сомнение, и возникал спор. Закачивался он одним и тем же вопросом:

— Скажите, пожалуйста, это волк или собака?

— Волк.

Встречные шарахались в сторону.

Наступила весна. Пора было ехать в экспедицию, на этот раз на Дальний Восток. Взять с собой Волчка было невозможно. Его отдали на звероферму серебристо-чёрных лисиц. Там он просидел на цепи всё лето.

Надо было видеть не только восторг, а прямо-таки дикую радость Волчка, когда за ним приехали осенью хозяева! Он прыгал, визжал, лизался, стараясь попасть горячим языком прямо в лицо, и бешено носился по двору, гремя цепью.

Наступила вторая зима. Волчок оставался прежним — ласковым и кротким зверем. Только сделался более уравновешенным и «солидным». Он так величественно и красиво ложился на диван, когда его заводили в квартиру, что рука невольно тянулась к фотоаппарату.

Характер Волчка оставался по-прежнему воплощением миролюбия.

Ничего не стоило научить его возить санки. Он вёз их с азартом за город во время зимних воскресных экскурсий вместе с вязанкой лыж и рюкзаков. Это вызывало нестерпимую зависть у встречных мальчишек.

За ремень от его хомутика в лесу держались двое лыжников, и он вёз их во весь дух, свесив язык и распугивая встречных спортсменов. На одну из зимних

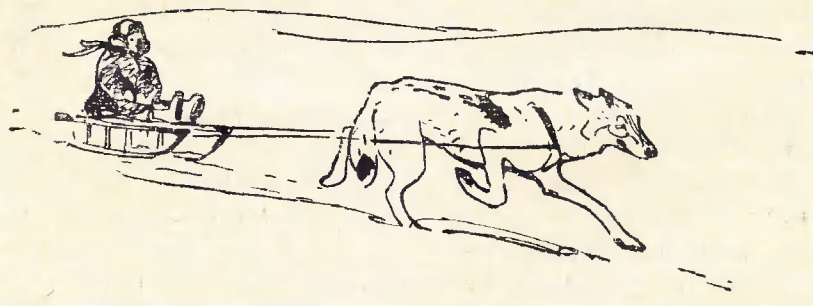
экскурсии взяли в лес приятеля Волчка Лори. В бору их спустили со сворок. В течение двух часов Волчок ни на шаг не отставал от собаки. Куда бы ни побежал сеттер — волк следовал за ним, как тень. Всю зиму после этого Волчка отвязывали в лесу, и он никуда не убегал от людей.

Крупный двухгодовалый волк среди заснеженного бора был хорошим объектом для натуральных съёмок фотографов-любителей.

Однажды на крутом повороте лесной просеки Волчок в упор наткнулся на корову — её гнала к речке на водопой дочка лесника. Никто не успел опомниться, как Волчок, взрыв снег лапами, бросился прямо под ноги своим хозяевам, поджав хвост и подняв шерсть на загривке. Он испугался никогда не виданного животного.

Во вторую свою зиму Волчок приделся, как настоящий франт: длинная пушистая шерсть на щеках напоминала баки господина прошлого века. Подбородок и кончик длинного хвоста были чёрными. На спине выделялось тёмное пятно. Хвост никогда не поднимался выше спины, но движения его были как у собаки — при испуге он поджимал его, при радости размахивал вправо-влево, а когда обнюхивал незнакомый предмет, приседал немного на зад, прижимая уши, а кончиком приопущенного хвоста быстро махал вправо и влево.

Благодарил за ласку Волчок по-своему. Он ле-

гонько чесал зубами руку или ногу человека — «искал блох». Или валился на спину, поднимал лапы и принимал позу полной беззащитности. А если в это время ему чесали живот, то он мог лежать так сколько угодно.

Несколько раз Волчок отрывался и вместе с цепью убегал за ворота. Но соседи легко подзывали его и приводили обратно. К концу зимы не только соседи по улице, но и по соседним кварталам знали, где живёт совершенно ручной волк.

Как сторож двора Волчок никуда не годился — он ласкался к каждому человеку.

Двухгодовалый красивый зверь был настоящим певцом, и не «любителем», а «профессионалом». Чтобы показать гостям способности Волчка, нужно было начать издавать голосом протяжные звуки высокого тона. Волчок немедленно вылезал из-под стола, где он любил лежать, и начинал скулить, а потом и «петь». Подняв морду к потолку, он «запевал» очень высоким «тенором», а затем переходил на «баритон» и заканчивал «басом». При этом Волчок приходил в сильное беспокойство. Однако стоило его поласкать, как он успокаивался и укладывался опять под стол на свой хвост.

Однажды зимой с Волчком произошла неприятность. Во время прогулки по городу его решили угостить кусочками свежего мяса около ларька. Волчок обожал сырое мясо. Хватая на лету нарезанные кусочки, волк с жадностью схватил и проглотил случайно оброненную женскую кожаную перчатку, в которой находилось два рубля пятьдесят копеек серебром. Но тяжелая горсть монет не вызвала у него никаких перемен. Шли дни, а волк был, как всегда, весел и приветлив.

Наступила весна, и начались сборы на летние работы в пустыню. На этот раз Волчок был тоже участником экспедиции.

Вот и просторы Бетпак-Далы. Тот же родник и

лагерь экспедиции около него, как два года назад, недалеко от песчаного бархана, под которым родился Волчок. Но около бархана нет больше волчьего логова. Старая волчица навсегда бросила это место, после того как люди унесли её волчат. Мало ли других подходящих мест в пустыне для устройства логова?

Первые шаги Волчка в пустыне были очень робкими. Вытянувшись и поджав хвост, он обнюхивал незнакомые предметы. Около лагеря было множество песчанок, и охота на них была быстро освоена Волчком. Он засовывал морду в норку по самые уши и что есть силы с шумом выдыхал воздух в глубь норы. А сам быстро вскидывал голову и озирался по сторонам. Если песчанка находилась близко, она испуганно выскакивала на поверхность по другому выходу и попадала в зубы волка. Он глотал их не жуя, как пельмени. Но чаще фырканье не выпугивало зверьков. Тогда начиналась осада. Волк ложился око-

ло норки, положив морду на вытянутые передние лапы, и терпеливо ждал, когда напуганные песчанки успокоятся и вылезут сами.

Кто научил его этому? Ведь точно так охотились его мать и все его предки. Волчок унаследовал эти навыки от них.

Через несколько дней Волчок перестал ловить песчанок около лагеря, стал убегать по утрам далеко от палаток и охотиться только там. К полудню он являлся с раздутыми боками и заваливался спать в тени от палатки. И опять эта привычка добывать корм подалеже от «дома» передалась ему по наследству, однако сейчас была явно бессмысленна. Никаких «врагов» он, конечно, не мог привлечь к лагерю экспедиции, охотясь около него. Но волк относился к нему как к своему логову со щенятами.

Так прошло около недели. Никто не опасался, что Волчка подстрелят охотники во время его завтраков песчанками: на сотни километров кругом в пустыне не было ни одного человека.

Однажды утром Волчок, как обычно, убежал охотиться за песчанками. Люди в лагере заканчивали завтрак и готовились к дневным работам. В это время высоко в небе раздался рокот пропеллера. Небольшой двукрылый самолёт сделал круг над лагерем, спикировал, сбросил вымпел и взмыл. Покачивая крыльями, самолёт развернулся и полетел обратно.

Сброшенная записка была краткая, как телеграмма:

«Германия начала войну. Даю час на сборы. С предельной скоростью возвращайтесь в город».

Знакомая, властная роспись директора института, подкреплённая печатью, заканчивала приказ.

Все забегали, засуетились, мешая друг другу. Раньше чем через час имущество было погружено

на машину. Люди сели, не было только Волчка. Но ведь он вернётся не раньше полудня — не ждать же его несколько часов? Машина умчалась вдаль. Поднятая пыль осела. Волчок остался один на своей родине в пустыне. Он вырос среди людей, но с этого часа люди сделались его врагами. Конечно, Волчок не мог знать этого.

Вернулся он в полдень. Присев на задние лапы и поджав хвост, он испуганно оглянулся. Совсем как в детстве, когда его будили брошенной фуражкой. Но на этот раз лагерь и люди не спрятались — их больше не было. Волчок неистово заметался там, где стояли палатки, машина, жили люди-друзья. Теперь здесь был только горячий песок. Ветер делался всё сильнее, неся песчаную «позёмку».

Волчок обнюхал след машины и бросился вдогонку.

Мчаться в полуденный зной было тяжело. Несколько километров остались позади. След машины стал угадываться с трудом даже чутким носом зверя: песчаная позёмка всё сильнее заносила его. И, наконец, следы исчезли. Волчок бросался из стороны в сторону, возвращался назад, делая круги, но всё напрасно — след замело...

Волчок едва нашёл в себе силы вернуться к роднику у бывшего лагеря и пролежал у воды до вечера.

Всю ночь Волчок выл до хрипоты. Он впервые в жизни остался один...

* * *

Прошло несколько лет. Волчок обратился в огромного волка. За эти годы ему ни разу не пришлось встречаться с людьми: гремела война, и им было не до исследований в пустыне.

Волчок одичал, привык жить со своими дикими родичами и перенял все их привычки. Ловля песчанок, ящериц и крупных жуков стала для него обыч-

ным занятием. Как и другие волки в пустыне Бетпак-Дала, он сделался «пастухом» антилоп-сайгаков.

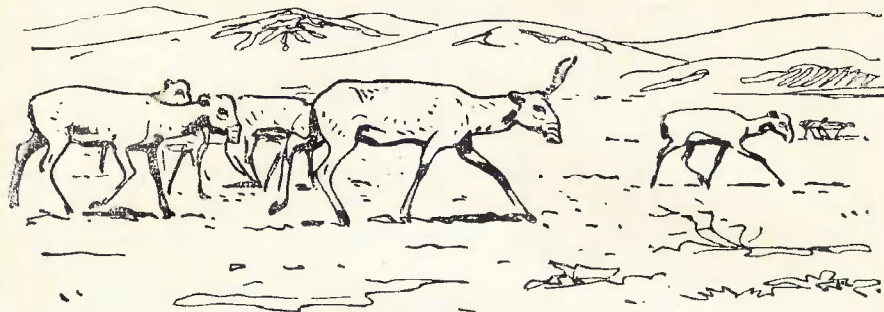
Ранней весной сайгаки бредут на север неисчислимыми стадами вслед за тающим снегом. На ходу они пасутся и ни на что не обращают внимания. Стремление вперёд, на север, всецело овладевает ими, как перелётными птицами. Тысячелетиями их предки делали такие же перекочёвки, и сайгаки наших дней не могут поступать иначе.

За несколько дней до резкого весеннего потепления они трогаются с зимовок, как бы чувствуя близкую перемену погоды. Только там, на краю пустыни Бетпак-Дала, в прохладных степях Сары-Арка, их стада остановятся, разбредутся и всё лето будут нагуливать жир на богатых пастбищах. А осенью, когда начнутся дожди и на такырах в пустыне появится вода, сайгаки также неудержимо двинутся на юг за тысячу километров к зимовкам около реки Чу и в песках Муюн-Кумов. Они идут не спеша, недалеко табунок от табунка, фронтом в несколько километров, а длиной от горизонта до горизонта.

А за сайгаками идут волки, бредут семьями и даже собираются стаями около больших скоплений животных. Ко всему можно привыкнуть, и сайгаки привыкают к своим «пастухам». Волки шагают гуськом за табуном, и сайгаки не пугаются, а идут своим путём. Хищники и их жертвы привыкают друг к другу. Вместе с сайгаками многие сотни километров идут и волки. Это хорошо видно с самолёта, если лететь на небольшой высоте.

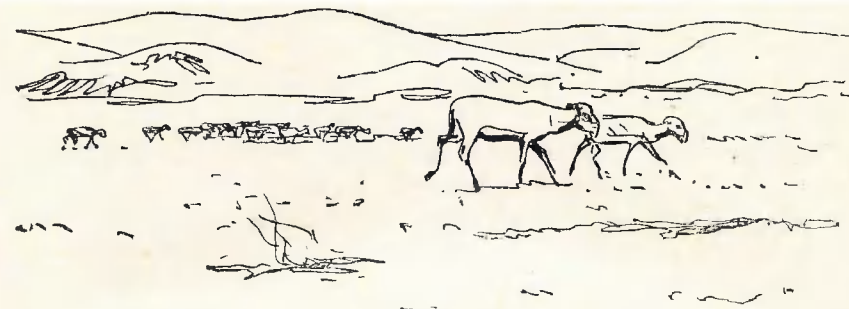
Почему-то волки избегают нападать на табун. Но горе сайгаку, если он приотстанет. Его сейчас же окружают волки, проворно забегаая со всех сторон. Как по команде, бросаются они спереди, сзади и с боков — спасения сайгаку нет.

Впрочем, «пастухами» волков называют не напрасно. Они в трудные минуты жизни помогают сайгакам. Конечно, не сознательно, а невольно. Когда

летняя жара высушит такыры и многие родники в пустыне иссякнут, сайгаки попадают в беду при своих перекочёвках. Жажда начинает мучить животных. Они уже не шагают спокойно, пощипывая на ходу полынку, а мечутся по пустыне от одного родника до другого, где раньше была вода, но сейчас не находят её. Подпочвенная вода в Бетпак-Дале кое-где залегает неглубоко. Волки чувствуют её и делают то, на что не способны сайгаки: они начинают рыть ямы. То и дело сменяясь, высунув мокрые языки, перепачканные землёй, они с азартом роют землю, отбрасывая её задними лапами. В ямах появляется вода. Отталкивая друг друга, рыча и скаля зубы, волки пьют и уходят. А потом из волчьих ям пьют сайгаки.

Волчок давно обзавёлся своей семьёй. Каждую весну он устраивал логово с одной и той же волчицей, как подобает хорошему семьянину. Он всегда бежал впереди, то и дело оглядываясь, следует ли она за ним. Но волчица послушно трусила сзади, пока они не встречали поселения песчанок или не замечали более крупную добычу — сайгаков. Способ охоты загон был прекрасно усвоен обоими волками. Волчица сразу залегала за кустиком тамариска. Это означало, что Волчок должен бежать в загон и направить на это место сайгака. Волчок мелкими размеренными прыжками издалека по большому кругу начинал обегать сай-

гаков так, чтобы гнать их по ветру. Сайгаки мирно паслись и не подозревали опасности. Но вот один из них заметил волка. Зверь шёл медленным шагом не на сайгаков, а немного в сторону. Сайгак топнул передней ногой. Остальные насторожились и уставились на волка. А тот подходил всё ближе, временами останавливался, что-то нюхал на земле и опять шёл. Словом, он явно был занят своим делом. Бегают сайгаки вдвое быстрее волка. Стоит ли тут волноваться? Но всё же осторожность берёт перевес, и табунок сайгаков быстрыми семенящими шажками начинает отходить в сторону. Самый опытный чабан не мог бы с таким искусством подгонять своих овец к намеченной точке, как это проделывал волк. Без всякой спешки он ловко гнал сайгаков, заворачивал их, если они отклонялись в сторону, опять слегка нажимал, а если они бросались бежать, сразу ложился. Сайгаки останавливались и оглядывались по сторонам.

Но вот до волчицы уже недалеко. И когда сайгаки повернулись головой в её сторону, Волчок бросился на них. Табун дружно сорвался с места и легко понёсся вперёд. Прямо перед ними, как из-под земли, выскочила волчица. Мгновенное замешательство сайгаков, и она уже повалила ближайшего. Однако сайгак сбросил волчицу и вскочил, но тотчас кубарем полетел на землю, поваленный подоспевшим Волч-

ком. Супруги прикончили свою жертву и вдвоём съели почти всего сайгака.

Весной у них появлялись волчата — в открытом логове под корнями саксаула или в норе, а иногда в расширенном лисьем подземном жилище. Первое время волчица не отходила от малюток. Волчок приносил ей столько песчанок, что она не успевала их съедать.

К середине июня волчата подросли, и волчица начала водить их на охоту. Она долго ползла к песчанкам, а щенята ползли за ней, подражая её движениям. Это были самые настоящие уроки. Вместо пятёрки прилежный волчонок получал песчанку. Но у одних волчат без матери охота долго не клеилась. Слишком велико было их нетерпение, да и толстые ноги ещё плохо слушались. Всё же волчата научились ловить песчанок. А тут и наступило время двигаться к северу за сайгаками.

Так шли годы. Весной забота о потомстве, потом привольная жизнь «пастухов» сайгаков.

Время делало своё неизбежное дело: волчий век короток, как и у собак, клыки Волчка притупились, но всё же он ещё оставался могучим зверем. Молодые волки побаивались его.

Случилось это ранней весной, когда кругом горели огоньки тюльпанов. Как всегда в это время, день и ночь в воздухе шумели стаи перелётных птиц. На залитых водой такырах плескались утки, гоготали гуси и важно расхаживали журавли.

Такыры весной похожи на большие озёра. Но вода едва лишь покрывает их. Странно смотреть, когда жительница мелководья, цапля, намеревается сесть на середину этого временного водоёма почти за километр от берега. Планируя, цапля опускается всё ниже и не садится на воду, а встаёт: ей, оказывается, воды всего до колен.

Волчок бежал крупной рысью по мягкой сизовой полынке между двух такыров, вспугивая уток. За

ним трусила волчица. Наступала пора появления на свет щенят. Волки бежали к знакомым местам, где они ежегодно выкармливали маленьких волчат песчанками. Ещё с осени Волчок выкопал логово для волчицы в мягкой почве. Теперь, когда земля оттаяла всего на несколько сантиметров, это сделать было бы трудно.

Как раз в это время на небольшом бугре остановилась «Победа». Хлопнула дверца, и на капот взобрался человек. В сильный десятикратный бинокль он стал осматривать пустыню по кругу.

— Есть пара, вон там между такырами! — воскликнул он, соскакивая и быстро садясь в машину.

Дверца хлопнула, и «Победа» понеслась по ровной щебнистой пустыне, прослоённой пятнами дымчатой полынки. С каждой минутой она наращивала скорость, покачиваясь на рывках и сверкая на солнце лобовым стеклом.

Волчица первая заметила необычную машину, летящую на них. Она поджала хвост и трусливо ткнулась в задние ноги Волчка. Он оглянулся и тоже поджал хвост. Через мгновение оба волка крупными скачками понеслись по пустыне. Шум машины позади напоминал Волчку что-то далёкое, хорошо знакомое. Но сверкающий «зверь» явно гнался за ними, а волки повинуются своим законам: «Всё, что убегает, слабее тебя, — это твоя добыча, а всё, что наступает на тебя, сильнее, — отступай сам!» И оба волка отступали всё быстрее, взметая чуть заметную пыль. Но машина неудержимо нагоняла их. Волки понеслись изо всех сил. Более пятидесяти километров в час они не могли сделать, а стрелка спидометра на «Победе» показывала цифру «80». Через несколько минут погони пальцы на лапах у волков стали распускаться, следы стали шире, и звери сбавили скорость. Но они продолжали мчаться, стелясь над землёй и свесив набок языки. Их плечи стали мокрыми от слюны и дыхания. Вол-

чок впереди, за ним — волчица. Даже в такие страшные для них минуты волчица не смела обогнать волка.

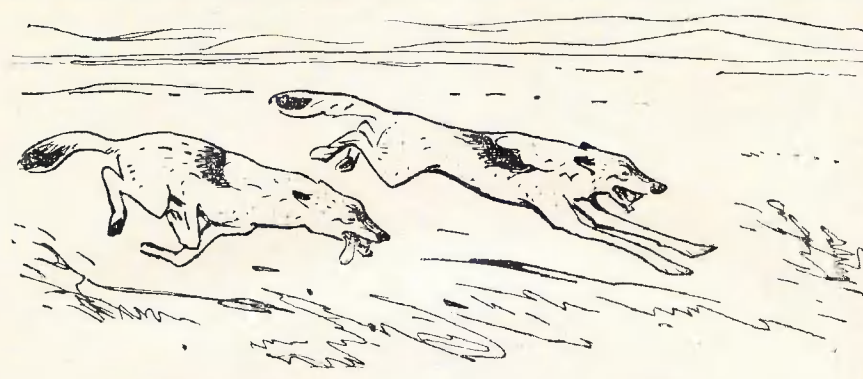
На пятой минуте машина нагнала волков.

Чёрное дуло ружья высунулось в правое окошечко «Победы», сухо щёлкнул выстрел бездымным порошком.

Волчица кубарем полетела через голову. Картечь на близком расстоянии сразила её наповал.

Волчок рванулся влево от машины и стал уходить в сторону. Но шофёр прижал руль коленом, и его ружьё высунулось в левое окошечко. Стукнул выстрел, и бок Волчка обожгло. Он на ходу яростно укусил себя за место, где горела рана, но, не сбавляя скорости, мчался вперёд.

Машина развернулась и погналась за Волчком, быстро приближаясь. Через две-три минуты жизнь Волчка оборвалась бы, как и волчицы, но его спасли... песчанки! Начались места, куда бежали волки для устройства логова. Всюду показались норки зверьков, и сами они с криком стали подниматься на задние лапки, как колышки. «Победа» запрыгала по норкам, резко сбавив скорость. Пружины и рессоры не могли сдержать тяжёлый корпус машины, и он

громко стучал по раме. Охотники тихим ходом поехали обратно своим следом за убитой волчицей.

А Волчок всё бежал и бежал, подальше от страшного места. Временами он останавливался, зализывал рану на боку и опять бежал к северу. Рана была лёгкой. В драках с волками Волчок получал более тяжёлые ранения, но зализывал их языком, и они заживали.

Подобрав волчицу, охотники поехали дальше. До вечера ещё два волка оказались в багажнике.

Стан охотников был около родника. Две «Победы» каждый день разъезжали по пустыне, настигая волков. Сотни убитых зверей были на счету у каждого из охотников.

Старому волку становилось всё труднее прокормиться песчанками, ящерицами и жуками. Другие волки отгоняли его от своей добычи, и он терпеливо лежал в сторонке, глотая слюну и ожидая, когда насытятся и уйдут пить молодые сильные звери. Только тогда он жадно бросался догладывать остатки от чужого пирса.

Много раз в своей жизни на краю пустыни Волчок видел отары овец, конных чабанов и сторожевых собак. Сытый по горло, он всегда сворачивал в

сторону. Свернул бы он, вероятно, и в этот вечер, если бы внезапная гроза не заставила его забиться под густой куст селитрянки. Быстро стемнело. Раскаты грома делались всё ближе, хлынул проливной дождь.

Страшный удар грома, и ослепительная молния разразилась над самой отарой. Овечьи головы, опущенные к земле, сразу взметнулись вверх, и овцы в диком ужасе бросились врассыпную по ветру в темноту ночи. Такая гроза в пустыне — величайшая редкость. Овцы пробегали рядом с кустом, где лежал Волчок. Одна из них налетела прямо на куст, хотела перепрыгнуть его и застряла. Старый волк бросился на неё...

Лёгкость, с которой Волчок справился с такой крупной, но совершенно беззащитной жертвой, с этой ночи сделала его заклятым врагом овечьих отар. Он ушёл за ними, навсегда покинув пустыню Бетнак-Дала.

* * *

На берегу реки Или Волчок остановился, наострив уши. Он впервые в жизни видел так много быстро текущей воды. Волчок сел и долго смотрел на другой берег реки.

Река была безлюдна. На огромном расстоянии от границ Китая и до окрестностей Алма-Аты около реки нет крупных населённых пунктов. Пустыня кончается прямо у воды. А на той стороне опять пустыня, с солонцами, такырами и кое-где с песчаными барханами.

Начавшему перекочёвку зверю трудно остановиться. Волчка неотразимо влекло вперёд, а река преградила путь. В воду он бросился уверенно и сразу поплыл, словно натренированный пловец. Это умение «профессионально» плавать — результат опыта бесчисленных поколений волков.

Течение подхватило его и стало быстро сносить. Остров на реке манил близкими густыми зарослями тугаев. В них цокали фазаны, ворковали горлицы, на прибрежном песке попискивали кулички. Но волка снесло, и остров оказался выше его. Зверь повернул и поплыл к нему против воды. Однако как Волчок ни перебирал лапами, остров уходил всё дальше. Сил волка оказалось недостаточно, чтобы преодолеть быстроту течения, и он опять повернул поперёк реки к далёкому берегу на той стороне.

В это время на острове бакенщик Илья грузил в лодку хворост. Ему было около семидесяти лет, но он всё ещё не уходил на пенсию и считался одним из лучших бакенщиков по всему верхнему плёсу.

Старик увидел плывущего волка. Схватив топор, Илья быстро вырубил длинную толстую палку и прыгнул в лодку. Завести подвесной мотор было делом одной минуты. Он послушно затахтел, и лодка, описав полукруг, понеслась поперёк Или.

Волчок перевалил середину реки. Услышав за собой шум двигателя, зверь прижал уши, и лапы его задвигались изо всех сил. Но тарыхтение мотора сзади нарастало с каждым мгновением.

Сердцу зверя оказалось не под силу спорить с тремя лошадиными силами подвесного мотора. Пахнуло бензином. Лодка поравнялась с головой Волчка. Бакенщик привстал и, размахнувшись, со всех сил ударил тяжёлой сырой палкой Волчка по голове, целясь между ушей. Но старик не рассчитал скорости движения зверя и удар пришёлся по шее. Волчок окунулся с головой в воду, лязгнув зубами, захлёбываясь и кашляя, резко сбавил скорость.

Лодка промчалась вперёд. Она должна была теперь сделать широкий круг, чтобы снова приблизиться. Волчок немного оправился после удара и плыл к берегу из последних сил. Течение поднесло его к самому домику Ильи. На берегу у воды играли на песке двое маленьких внучат бакенщика. Они с интересом смотрели, как прямо к ним плывёт серая собачка.

— Айда в избу! Бегом! — закричал дед внучатам.

Он уже повернул лодку и опять нагонял волка, но понял, что зверь успеет доплыть к берегу и может разорвать детей прежде, чем он подъедет.

Дети слышали крик деда, но разве можно было уйти, когда к ним подплывала собачка?!

В это время в дверях домика бакенщика показалась их мать. Одного взгляда на реку было достаточно, чтобы понять всё. Дикий крик разнёсся по берегу:

— Вася, Надя, скорей домой! Слышите?!

Голос матери сразу подействовал. Ребята послушно вскочили, но было уже поздно. Из реки на мелкое место у берега с шумом вырвался огромный мокрый волк. В два прыжка он оказался возле ребят. Девочка упала и громко заплакала. Мальчик стоял рядом, опустив руки. Зверь промчался мимо, обдав детей брызгами. С треском Волчок вломился в прибрежный кустарник. Качнулись вершинки, и всё стихло.

Мать бросилась к детям. Они сами с плачем бежали к ней. Ребята отделались только испугом — Волчку было не до них.

Только на другой день Волчок окончательно пришёл в себя после приключения на реке. К вечеру ему нестерпимо захотелось пить. Но кругом расстилалась безжизненная равнина. Возвращаться к реке он боялся. Впрочем, скоро чуткий нос подсказал ему, что недалеко есть свежая зелень. Волчок побежал в ту сторону. Вечернее низкое солнце удлинило его тень, и она плыла впереди.

Стемнело, когда он остановился у края большой колхозной бахчи. Крупные арбузы лежали всюду и пахли сыростью. С хрустом Волчок стал разгрызать один арбуз за другим, но только у спелых выедал красную сочную мякоть. Несколько десятков арбузов было испорчено.

Под утро в небольшой низинке, поросшей тростником, Волчок долго копал яму. Наконец на дне показалась вода. Стремление к перекочёвке у него исчезло, и он остался жить около этого «волчьего колодца» на левом берегу реки Или.

Как он провёл зиму, никто не знает, но старый волк остался жив.

Наступила весна. В горах Тянь-Шаня она особенная. Здесь не чернеют дороги и не свисают с крыш сосульки, потому что снега очень мало и он сходит сразу после первых тёплых дней. Нет здесь и пряных весенних запахов талой земли на проталинах. Скалы и россыпи только кое-где уступают место пятнам земли с жёсткой травкой — типчаком. Не залетают в горы и первые певцы весны — скворцы и жаворонки. Зима в безлесных голых скалах почти сразу сменяется летом.

Отары овец одна за другой пошли на летние выпасы по Кокпекскому ущелью. Не спеша овцы брели, опустив головы и на ходу пощипывая типчак. Сзади верхами ехали чабаны и бежали собаки.

Волчок залегал где-нибудь за камнями и ждал, греясь на солнце и шурясь. Он переворачивался то на один бок, то на другой, и каждый раз на камнях оставались клочки его зимней шерсти.

Но вот уши волка насторожились. В ущелье слышались топот и блеяние овец. Волк припик к земле и весь напрягся.

Всё ближе овцы. Передние совсем недалеко. Вожак овечьей отары — старый бородатый козёл — уже прошёл камни, за которыми притаился волк. Лёгкий шорох — и волк прыгнул на ближайшую овцу.

Веером брызнули от него овцы. Позади закричали чабаны, залаяли собаки. Через минуту он уже мчался вверх по боковому ущелью, преследуемый тремя собаками. За первым же перевалом собаки отстали. Волк напился и улёгся ждать ночи.

В сумерки он прибежал к тому месту, где на камнях остались голова, ножки и другие остатки овцы, брошенные чабанами. Мясо и шкуру они увезли с собой и сейчас где-нибудь у костра варят себе ужин.

Так безнаказанно Волчок пировал на пути прогона овец. Ежедневно он нападал на новую отару, поэтому для чабанов это было каждый раз неожиданностью.

Однажды поздней осенью на кордоне егеря в Кокпекском ущелье долго горел свет. Городские охотники засиделись у стола около кипящего самовара. Они говорили о том, как лучше провести завтрашний воскресный день в горах. Улеглись поздно и, лёжа с закрытыми глазами, долго ещё не могли уснуть, представляя себе завтрашние встречи с горными козлами. Каждый сделал вид, что не слышит, когда на цепи у крыльца яростно залаяла собака егеря Мушкет: никому не хотелось выходить на холодный ночной ветер. Не слышал лая своей собаки только хозяин. Он давно уже крепко спал. Завтрашняя встреча с горными козлами была для него обыкновенным будничным делом.

Утром выяснилось, что ночью исчез козлёнок у ангорской белой козы. Тут же около дома нашли кровь на камнях и клочья шерсти. На грязи у дороги виднелись отпечатки «башмаков» крупного волка. Это Волчок ночью задавил козлёнка и унёс его.

Каждый из городских охотников чувствовал себя виноватым. Впрочем, никто не сказал ни слова, что слышал ночью лай Мушкета. Хозяин, конечно, на охоту не поехал, а без него охотники за весь день горных козлов даже не видели.

Отвязав Мушкета, егеря отправился по следам ночного грабителя. Солнце только что поднялось над горами. Небо было безоблачно, и день обещал быть опять жарким, несмотря на осень. В ущельях перекликались кеклики. Краснолапые горные куропатки в это время спускались на водопой к родникам. В су-

хой траве около обогретых солнцем камней застрекотали кузнечики. Высоко в небе чёрной точкой кружился гриф, высматривая, нет ли где труп козла или другой падали. Несколько грифов сидели нахохлившись, чёрными силуэтами выделяясь на камнях ближайшей горной вершины. Они непрерывно следили за своим пернатым разведчиком. Стоит ему спикировать в ущелье, как сейчас же со многих горных вершин взлетят грифы и заспешат на пир.

На перевале следы Волчка исчезли на камнях. Но Мушкет уверенно начал опускаться на дно ущелья, нюхая камни и натягивая поводок. Егерь едва поспевал за ним.

Ущелье густо заросло кустами шиповника и жимолости. На дне журчал родник с холодной прозрачной водой. Мушкет растерянно забегал по берегу, очевидно потеряв след. В кустах было много белой шерсти козлёнка. Здесь волк пожирал свою добычу. Но неужели он мог съесть всё без остатка?

Егерь внимательно посмотрел кругом. В одном месте на берегу трава была вырвана, она виднелась в роднике около этого места, засыпанная камнями.

Оказалось, что здесь, на дне родника, волк вырыл яму, спрятал там остатки козлёнка и засыпал их камнями вперемешку с травой, которую он вырывал на берегу, вероятно, зубами. Даже в жаркую погоду мясо в холодном роднике долго не портилось. Это был настоящий холодильник, если не «Саратов» и не «Днепр», то по праву он мог носить марку «Волчий». За свою долгую охотничью жизнь егерь много раз находил остатки мяса, спрятанные волками и лисицами, но всегда это было сделано очень примитивно.

На дне родника около закопанных остатков козлёнка егерь насторожил капкан и засыпал его камешками. Вода должна была скрыть запах железа.

Две ночи после этого егерь с ружьём караулил зверя в кустах около родника. Волк обязательно дол-

жен был прийти сюда доедать козлёнка, а капкан или пуля сделают своё дело.

Но волк не приходил.

На третьи сутки с полудня пошёл мелкий затяжной осенний дождь. Горы скрылись, как в тумане, за мельчайшими капельками падающей воды. К ночи дождь усилился, захлестал в окна и по железной крыше кордона. В кромешной тьме в горах журчала по камням дождевая вода. В эту бурную ночь егерь не захотел мокнуть под холодным дождём около волчьего «холодильника». Только утром, когда перестал дождь, он отвязал Мушкета и пошёл в горы.

Дождевые облака разогнало ветром. Проглянуло солнце, и мокрые камни в горах засверкали, как отполированные. Егерь торопливо шагал по скользким камням и был почти уверен, что ночью волк приходил за остатками козлёнка и, наверное, попал в капкан. Это предположение оказалось правильным только наполовину — волк действительно приходил в эту ненастную ночь, но проявил удивительную осторожность: он через воду почуял железный капкан, скрытый на дне родника в том месте, где был единственный подход к закопанному козлёнку. По следам было видно, что волк несколько раз обошёл вокруг своего «холодильника», перескакивая через родник, а затем пролез через густой куст с другого берега против открытого подхода к воде. Не дотронувшись до капкана, волк вытащил и унёс мясо.

Егерь долго стоял около родника, удивляясь могучей способности зверя избегать опасность. С пустым капканом на плече он вернулся домой. В этом поединке волка и человека победил зверь.

Прошло несколько дней. Егерь уехал вместе с Мушкетом на охоту за горными козлами и ночевал в горах. Волчок словно знал об этом — именно в эту ночь он пришёл и задавил всех кроликов. Он без помех насытился ими и ни одного не унёс с собой

про запас. И всё же егерь перехитрил волка. Он протянул по земле вокруг своей усадьбы толстую проволоку. Её сразу занесло снегом. И вот однажды утром по следам было хорошо видно, как ночью волк проложил с перевала пунктир своих следов прямо к усадьбе. Волк остановился, не доходя нескольких шагов до проволоки, скрытой под снегом, потоптался на месте и пошёл по кругу, ни на шаг не приближаясь к проволоке. Так он сделал несколько кругов около участка и ушёл ни с чем в горы. Страх перед железной проволокой под снегом оказался сильнее чувства голода.

Больше Волчок не приходил.

Наступила зима. Неизвестно, перенёс ли бы её старый волк: его зубы совсем притупились. Но глубокий снег очень рано в этом году похоронил все пастбища. Сильная оттепель не смогла согнать его, а резкое похолодание превратило остатки снега в ледяную корку. Она, как панцирь, покрыла землю. А затем начались новые снежные бураны, оттепели, морозы и гололеди. Толщина снега достигла небывалых размеров даже там, где обычно его сдувал ветер.

Для Волчка наступило привольное житьё. Ему ничего не стоило найти свежие следы джейранов. А в конце каждого следа его ждала лёгкая добыча. Джейраны, с израненными об лёд ногами, ложились под кусты молодого саксаула и медленно объедали кончики веток. Животные так исхудали, что многие уже не могли встать, и Волчку оставалось только стиснуть челюсти на их горле и рвануть в сторону...

Через поляну среди саксаула и тамариска джейраны проделали глубокие следы до новых зарослей. Животные с трудом брели, грудью распахивая снежную поверхность, каждый своим следом. Джейраны обычно пасутся всю зиму по мелкому снегу или там, где его сдувает ветер. Поэтому привычка бродить

по глубокому снегу друг за другом у них не выработалась. Джейраны не знают снежных троп и не успевают выучиться несложному искусству ходить гуськом по сугробам.

Кое-где на следах джейранов видны на снегу капли крови, как кляксы красных чернил на странице: твёрдый наст в кровь ранит тонкие ножки джейранов.

Один из джейранов отделился, и его след вдруг перешёл в отчаянные прыжки: это лиса погналась за рогачом. Лёгкая хищница не проваливалась, а джейран утопал в снегу при каждом прыжке. Лиса быстро догнала его. На снегу первый клоч шерсти и капли крови справа от следа: лиса укусила джейрана и отскочила в сторону. Новый рывок слева. Рывки делаются чаще. След джейрана всё ярче окрашивается в красный цвет. Прыжок от прыжка короче и короче. Джейран начал выбиваться из сил. Через километр жизненный путь рогача закончился — лиса загрызла его. Но она не воспользовалась добычей: Волчок отобрал её без всякого труда. Огромному старому волку лиса безропотно уступила джейрана и погналась за другим. На этот раз Волчку даже не пришлось самому преследовать очередную жертву.

По следам видно, как один джейран спустился с берега на лёд реки и пошёл на другой берег. На середине реки в этом месте протянулась длинная полынья. Чтобы попасть на тот берег, надо идти в обход, совсем не туда, куда направился джейран.

Но он ровным шагом пошёл прямо к полынье. Ещё шаг — и джейран прямо с ходу рухнул в полынью. Быстрое течение затянуло его под лёд. Нетрудно заметить, что снег пропитан водой, хлынувшей из полыньи, а несколько белоснежных волосков с живота прилипло ко льду. Вот неожиданный конец!

Тысячелетиями джейраны знают воду в пустыне в виде родников, мелких озёр и дождевых луж. Джейран подошёл к полынье и поступил так же, как он сделал бы это, встретив лужу — он спокойно шагнул в неё... и бухнул вниз головой на большую глубину в несколько метров.

Как только начался буран, сытый Волчок улёгся в снег под густым кустом селитрянки, обледенелой, как огромный стеклянный шар. Зверь свернулся кольцом, уткнул нос под ляжку задней ноги, прикрыл морду хвостом, и никакой мороз и ветер были ему не страшны. До самой весны для него теперь наступили беззаботные сытые дни.

Не только дикие копытные животные пострадали от глубоких снегов. Овцы от голода жевали друг у друга шерсть; коровы ели верёвки и кошмы юрт; лошади разбивали копыта, стараясь пробить ледяную корку, у многих не осталось хвостов и грив — их жевали друг у друга голодные лошади.

Диким свиньям глубокий снег принёс, наоборот, сытую зимовку. Под толстым снегом в густых зарослях тростников не было ледяной корки. Земля по берегам озёр не промёрзла, и кабаны легко отрывали корневища тростника и его молодые побеги.

Волчку пришлось этой зимой встретиться нос к носу с таким же старым, но ещё мощным кабаном-

секачом. Волчок в полночь разнообразил свой стол ловлей в тростниках спящих серых ворон. Множество их прилетает зимовать на юг Казахстана из Сибири. Волчок гнался за вороной. Она в темноте ошалела била крыльями и вприпляску мчалась по узкой кабаньей тропе. Коридорчик тропы в густых тростниках был так узок, что ворона не могла широко раскрыть крылья, чтобы взмахнуть ими на полную силу и взлететь вверх. Из-за крутого поворота тропы навстречу выскочил секач, и птица с размаху оказалась в его пасти. Волчок затормозил всеми четырьмя лапами, поджал хвост и с жалобным «собачьим» визгом метнулся в сторону перед самым рылом секача. Хорошо, что оно было заткнуто вороной, иначе кабан запорол бы Волчка своими страшными клыками.

* * *

Под осень Волчок оказался на самой границе с Китаем, около селения Нарынкол. Он окончательно сделался «пастухом» овечьих отар и питался только бараниной. Отсюда всё лето уходили отары овец к Алма-Ате. Сотни километров их сопровождали волки.

Огромная «связка» из десяти тысяч овец медленно брела по степи, разбитая на семь отар. Тонны первосортного мяса шли на своих ногах за четыреста километров. Овец гнали по десять километров в сутки, с остановками по нескольку дней на хороших пастбищах. Вернее, не гнали, а пасли. За весь перегон овцы должны будут не потерять, а прибавить свой вес.

Впереди отары на низкорослой, гривастой лошадке ехал чабан с длинной палкой в руках. Он временами ударял ею по земле, а две пустые жестяные банки из-под консервов, привязанные на конце палки, грохотали на всю степь. Это был ориентир для овец.

На звуки «консервного гонга» они брели, опустив головы и пощипывая на ходу траву.

Ни одна отара не обходилась без вожака-козла. Два-три рогатых бородача шли впереди от самого Китая. За ними послушно плыла по степи овечья лавина. Захрамавшие овцы тащились сзади. Всё замыкали солидные, ко всему равнодушные выучный бык и верблюды с палатками, продовольствием и таборным имуществом чабанов.

Два чабана ехали сзади отары и дремали в сёдлах. Беспородные псы, неказистые на вид, были незаменимыми помощниками чабанов. Эти дворняги, высунув языки и опустив хвосты, плелись самыми последними, за лошадьми хозяев. Казалось, их ничто не интересует и они смотрят только себе под ноги. Но стоит одной овце отбежать в сторону или отстать, как заросшие свисающей шерстью глаза собак сейчас же замечали этот непорядок. Безразличный вид псов мгновенно исчезал. Собаки оживлялись, настраивали уши, их хвосты энергично взлетали на спину и закручивались «калачами». Они мчались к овце-нарушительнице и возвращали её в отару. Собакам не

надо было даже подавать команду. Они сами внимательно следили за порядком в отаре.

Так монотонно проходили дни один за другим, и перегон тянулся месяцами.

Днём Волчка не было видно. Но он неотступно следовал за отарой, прячась за буграми и в промоинах. Забегая вперёд, он пропускал овец и плёлся сзади. Случалось, что безнадёжно захрамавших овец чабаны прирезали. Выброшенные внутренности ночью съедал Волчок. Из одного оврага ветерок принёс чуткому носу волка знакомый запах мелких грызунов-полёвок. Тысячи их норки сплошь источили южный склон, и от множества выходов земля стала похожей на соты. Бисер следов полёвок разбегался во все стороны по песку, образуя тропинки. Ходы были мелкие, под самой поверхностью, и переплетались друг с другом сплошными лабиринтами. Волчок долго пировал здесь, легко вскрывая в рыхлой земле мелкие норки полёвок, и даже не лапами, а носом, как кабан. С тридцатью полёвками в желудке под утро он побегал догонять «свою» отару.

В одном месте отара проходила рядом с асфаль-

тированным шоссе. Несколько овец перебежали через дорогу и стали пастись на другой стороне. Одна из собак заметила этот беспорядок. Дымчато-жёлтая, с чёрными пятнами на морде и хвостом «калачом», она бросилась за овцами, но перед асфальтом со всего разбега затормозила всеми четырьмя лапами и остановилась в явном замешательстве. Затем осторожно поскребла лапой асфальт, не решаясь наступить на него. Житель бескрайних степей и гор впервые в жизни встретился с асфальтом. Чабан крикнул:

— Тарт, серке!¹

Собака испуганно оглянулась и осторожно перешла через шоссе, широко расставляя ноги с растопыренными пальцами и балансируя хвостом,— было полное впечатление, что она идёт по скользкому льду.

Но вот асфальт позади. Собака бросилась вперёд, завернула овец, и они, простучав по шоссе копытцами, вернулись в отару. А собака опять остановилась было перед асфальтом, но затем спокойно перешла через него, правда шагом. Она уже почти не боялась поскользнуться. Конечно, в третий раз эта собака пробежит по асфальту без задержки.

Горный хребет преградил путь отарам. Он далеко ушёл в сторону, и обгонять его кругом заняло бы много времени. Овец погнали через перевал, кратчайшим путём. Вековые ельники густо покрывали северные склоны хребта. Под пологом огромных елей прохладно и сыро даже в самый жаркий день. Пахнет грибами. Под камнями и мхом журчат невидимые ручьи.

Перегонная тропа всё круче поднимается к перевалу. Но тонкие овечьи ножки легко преодолевают его. Отара прошла, а на ёлке остался висеть труп погибшей овцы, подвешенный чабанами.

На макушки соседних елей уселись две сороки и ворона. Помахивая хвостами, сороки долго тревож-

но стрекотали, а ворона разглядывала овцу то одним глазом, то другим. Друг за другом сороки и ворона улетели. Чёрная тень грифа промелькнула поперёк тропы. Пададь — это как раз то, что нужно огромной птице. Но гриф сделал круг над подвешенной овцой и улетел.

Совершенно беззвучно, как тень, по тропе бежит Волчок, опустив нос к земле. Внезапно его обдало овечьим запахом, совсем близким и таким манящим! Зверь резко вскинул голову с настороженными ушами — и увидел овцу на ёлке. Но сейчас же Волчок поджал хвост и бросился в другую сторону. Только оббежав стороной несколько сот метров, он снова вышел на тропу и побежал дальше по следам отары, то и дело останавливаясь и оглядываясь.

Кто заколдовал овцу от хищников?

Кругом в ельниках много хищных птиц и зверей, но все они «знают», что на деревьях овец не бывает и трогать их можно только на земле. Вот если ветер оборвёт привязь и овца упадёт на землю — тогда другое дело!

Знают это и чабаны. Если в дороге пропадёт овца, им незачем ждать ветеринарного фельдшера. Он едет с последней отарой. Овца на дереве с запиской в ухе его дожждётся, когда бы он ни приехал. Причина гибели будет установлена и оформлена актом.

Задолго до заката солнца старший чабан кричал собакам:

— Айнал!¹

С лаем собаки бросались вперёд и останавливали овец. Овцы сначала стояли огромной светло-серой массой, понуро опустив голову, а затем ложились. Чем холоднее была осенняя ночь, тем теснее прижимались друг к другу овцы.

Красный шар солнца в вечерней дымке нижним краем коснулся степи на горизонте, и чёрные тени

¹ Т а р т, с е р к е! — Веди, тащи, иди вперёд!

¹ А й н а л! — Кругом!

стали быстро заполнять низинки. Слабый ветерок пахнул распаренными за день травами, а потом крутнул с другой стороны и всё перекрыл густым овечьим запахом. В вечерних сумерках ярко загорелся костёр, и пар из котла с бараниной унёсся далеко в степь, будоража Волчка.

Место, где ляжет на ночь отара, выбиралось каждый раз тщательно. Но разве трудно пропустить мышиную норку незамеченной? И на этот раз одна из овец улеглась прямо на выход из норки полёвки.

Чабаны поужинали, покурили и заснули у костра. Собаки дремали около овец. Из отары доносились вздохи, покашливание и чиханье овец. Ночь была безлунная, и только яркие звёзды мерцали в тёмном небе. Из степи тянуло терпким запахом полыни и нудно неслись бесконечные трели пустынных сверчков. Интересно, что все сверчки пели в унисон, как одно насекомое.

Две «звёздочки» тускло блеснули на ближайшем бугре. Это были глаза Волчка. Он лежал, положив голову на передние лапы, до него доносился запах овец. Но ветерок доносил запах людей и собак. Это удерживало зверя на месте. Не одна ночь проходила у Волчка в напрасном ожидании, и тогда ящерицы, кобылки да иногда зазевавшаяся песчанка были его скромной пищей во время переходов.

В полночь под боком овцы, дремавшей на норке, кто-то зашевелился. Овца в ужасе вскочила и шарахнулась в сторону.

Что тут началось! Овцы разом бросились в темноту ночи во все стороны. Залаяли собаки, закричали чабаны, но топот тысяч копытцев разбежавшихся овец заглушал всё...

Волчок в эту ночь съел баранины столько, сколько смог. Под утро он ушёл вверх по ручью и залёг километров за десять от неудачного ночлега отары.

Весь день чабаны собирали разбежавшихся овец по всей степи.

— Издè! ¹ — кричали чабаны собакам.

Они убегали за далёкие бугры и, высунув языки, пригоняли одну или несколько овец.

— Изде! — опять кричали чабаны, и собаки убегали снова на поиски.

Трёх овец недоставало: их разорванные останки лежали в клочьях шерсти за бугром. Волчок задавил их ночью и съел только самые привлекательные для него части.

Снова день за днём бредут овцы всё дальше на запад, отара за отарой. А из-за бугров следят за ними жадные волчьи глаза.

На пути встретилось озеро. Овец напоили и погнали дальше.

Около берега застряла по самые фары грузовая машина.

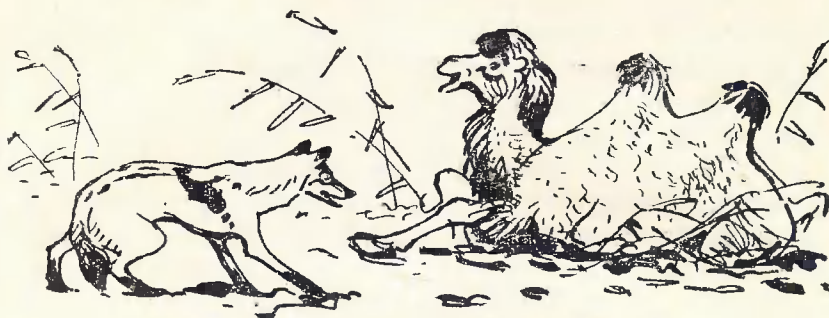
— Ой-бой, полудурка, пропал сопсем! — качали головой чабаны.

— Не полуторка, а «ГАЗ»! — обиделся шофёр, с головы до ног перепачканный в жидкой грязи. — Помогите лучше, чем охаты!

Чабаны посовещались и развьючили верблюда. Ему сделали из мешка хомут и две постромки из нескольких арканов. Но как верблюд ни дёргал, он не мог стронуть тяжёлую машину.

В это время подъехал старый седобородый чабан. Он молча слез с коня, отпустил какое-то сердитое слово по адресу молодых чабанов и подошёл к верблюду. Перед аксакалом почтительно расступились. Чабан из всех арканов свил толстую постромку к хомуту, закрепил её с одного бока верблюда и спокойно повёл его за повод вперёд. Верблюд шагнул раз, другой, связанные арканы натянулись, как струны, и после третьего шага верблюда машина медленно поползла вперёд. Шофёр дал газ, и грузовик вылетел на берег, едва не сбив верблюда с ног.

¹ Издè! — Ищи!

Животное испугалось, рванулось назад, порвало хомут и завязло в грязи у берега. Вытащить его оказалось труднее, чем машину. Чабаны и шофёр до сумерек топтались кругом верблюда по пояс в жидкой грязи. Сам верблюд не делал даже попыток выбраться. Он безучастно смотрел куда-то вдаль, поверх людей, меланхолично опустив нижнюю губу. Наконец чабаны решили съездить в аул за досками. Они сели в машину и уехали.

Прошло больше часа. Совсем стемнело. Верблюд неподвижно чернел в грязи. Вдруг голова его высоко взметнулась: животное зачужало волчий запах. Это был Волчок. Но волк не бросился на верблюда. Его необычное положение заставило старого зверя насторожиться. Волчок остановился на расстоянии прыжка от верблюда и подозрительно нюхал, слушал и оглядывался.

Верблюда словно подменили. Он неистово забился в грязи и повалился на бок. В таком положении силы его словно удесятились: верблюд ползком, на боку двинулся по грязи к воде — дальше от волка, но и от берега.

А Волчок всё не решался броситься вперёд. Недалеко сверкнули фары машины — это возвращались чабаны с досками. Волчок метнулся в сторону и исчез в темноте.

Тем временем верблюд добрался к воде и поплыл, всё так же лёжа на боку, изогнув шею и подняв голову над поверхностью. Его бок при этом возвышался над водой, как пузырь. Житель пустыни быстро плыл, горизонтально, лёжа в воде, как ни одно животное. Описав полукруг, он «пристал» к берегу и благополучно выбрался на сухое место, навстречу людям.

Во время одного из дневных переходов вдруг набежали осенние тучи. Стемнело, как вечером. Зашумел ветер. Ослепительная молния на один миг соединила землю с небом, и над самой отарой грохнуло, словно из тяжёлого орудия. Сразу хлынул дождь как из ведра. Овцы испугались и бросились бежать по ветру.

— Кругом, кругом! — отчаянно закричали чабаны собакам.

И через минуту впереди овец раздался лай, едва слышный против ветра.

Но ни собаки, ни чабаны на этот раз не могли остановить овец. Они разбежались по степи.

К счастью, ветром быстро прогнало тучу. Яркое солнце засверкало на лужицах, и от мокрой одежды чабанов за клубился пар.

Овцы успокоились. До темноты удалось собрать вместе всю отару. Потерь не было. Волчку на этот раз не повезло.

Несколько дней после этого перегон проходил спокойно, и каждый новый день напоминал вчерашний.

Однажды в полдень ветерок дал понять овцам, что где-то недалеко есть посев зелёной сочной люцерны. Овцы вскинули головы, насторожили уши и всей отарой затрусили к манящему запаху свежей зелени. Но молодая люцерна — это овечья смерть от темпонита¹.

Чабаны загородили дорогу овцам лошадьми.

— Ой-бой, там четыр, четыр! — волновался старший чабан, наезжая конём на овец.

¹ Темпонит — вздутие живота.

Но они оббегали лошадей справа и слева, даже проскакивали под брюхом.

На этот раз собакам с трудом, но удалось задержать овец. Свирепо лая, они носились перед овечьими мордами, прыгали и даже кусали. Отара остановилась.

К началу второго месяца отара подошла к мосту через бурный Чилик. У склонов хребта Турайгыр, около посёлка Актогай, овцы перешли по мосту и стали подниматься в горы, к перевалу через Заилийский хребет Северного Тянь-Шаня.

Волчок пролежал в кустах на берегу Чилика до ночи. Когда стемнело, он подкрался к мосту и понюхал следы овец, весь вытянувшись от напряжения, с хвостом, поджатым к животу.

На мосту никого не было. Только шумела горная река, стремительно проносясь мимо. Но от досок так угрожающе пахло людьми, машинами, собаками и множеством других опасных запахов, собранных сюда в одно место со всей степи!

Волчок отскочил от моста и понёсся скачками подалее от «опасного» места. Со всего хода он бросился в воду и поплыл. Бурное течение горной реки подхватило старого волка и швырнуло вниз по течению.

Больше чем за километр от моста выполз на другой берег измученный волк и долго неподвижно лежал на гальке. Потом поднялся, пошатываясь пошёл в гору. Вскоре он окончательно пришёл в себя и побежал догонять отару.

На одной из горных речек сорвало мост. На берегу собрались чабаны. После недавних дождей вода ревела около их ног, ворочая по дну камни с глухим стуком. Перегонять через такую бурную речку овец было равносильно их убийству. Нужен мост!

Из ближайшего аула прискакали на помощь всадники — всё взрослое население. Каждый привёз по волосяному аркану. Их собрали со всего аула.

Овец отогнали в сторону и остановили на большой ровной площадке, подальше от обрывов, чтобы овцы не свалились туда, если у них возникнет паника.

Там, где две высокие ёлки росли на обоих берегах одна против другой, застучали топоры. Часть корней у елей перерубили. Арканами вершины елей потянули друг другу навстречу. Ели вздрогнули, качнулись вершинами и медленно повалились поперёк реки. Они густо переплелись ветвями, словно обнялись. Ели крепко связали вместе, отрубили на них сучки, которые торчали вверх, и поверх густо набросали ветвей и земли.

Так быстро возник шаткий висячий мостик через бурную горную речку.

К мосту подогнали овец.

— Тарт, серке! — закричали чабаны, и овцы покорно пошли за козлами и погремущей из консервных банок.

Сотня за сотней овцы благополучно переходили над бешено ревущей речкой. Без малейших задержек отара шла по настилу поверх елей, соря вниз хвоей. Люди стояли на берегах, держали собак и напряжённо следили за переправой. Старший чабан то и дело вытирал обильный пот.

Вдруг одна из овец споткнулась и упала на колени. Задние надвинулись на неё. Овца вскочила, но ничтожная задержка образовала мгновенную пробку, и одна крайняя овца сорвалась и полетела вниз. И тотчас, как загипнотизированная, вторая овца сама прыгнула за первой в объятие смерти. Третья, четвёртая — целый овечий водопад полился в реку. Люди с криком бросались вперёд, руками оттаскивая овец, но другие, как безумные, прыгали через них прямо в ревущий поток.

Много овец погибло на этой переправе, и едва не утонул один из чабанов — его столкнули с моста овцы.

К злополучному мостику на следующее утро по-

дошла новая отара. Чабаны узнали о несчастье и остановили овец. Старший чабан послал верховых вниз и вверх по течению реки искать тихое место. И оно было найдено недалеко от моста: там речка бежала совершенно спокойно над глубокой ямой. Выше и ниже она бурлила и пенилась на камнях, словно кипяток. Сюда подогнали овец.

Старик чабан разделся, схватил за рога козла и подтащил его к берегу. Вместе с ним чабан кинулся в снеговую холодную воду и поплыл на тот берег. И тотчас овцы под крики чабанов живым каскадом сами бросились за козлом в речку, точно с того места, где чабан стащил в воду их рогатого вожака. Спокойный плёс речки покрылся сотнями голов овец. А в воду сыпались всё новые и новые!

Чабан легко переплыл узенькую горную речку. Тело старика покраснело от ледяной осенней воды. Спички у него были на голове под тюбетейкой, и он бросился разводить костёр.

Волчок не пошёл дальше за отарой. На много километров вниз по речке вода раскидала по берегам трупы овец — пищей он был обеспечен.

* * *

Недолго Волчок прожил сытой жизнью на берегах горной речки, питаясь трупами овец. Нашлось немало желающих пировать на даровом угощении. С воронами и сороками Волчок не ссорился — они клевали трупы днём, а он пожирал их ночью. Лисицы трусливо убегали при одном его появлении. Но однажды ночью семь молодых волков и крупная волчица встретили его около трупа овцы сверкающими осками зубов и грозным рычанием. Раньше Волчок бросился бы и разогнал в разные стороны непрошенных гостей. Но времена эти давно прошли для старого волка. Он сам поджал хвост и жалобно заскулил. Поджатый

хвост — это понятный для всякого показатель слабости: волчица смело бросилась на старика и прогнала его.

Для Волчка наступило трудное время. Кое-где по берегам речки желтели грозди облепихи. Ветерок размахивал на рябинах красными кистями ягод, как праздничными флажками. Но это угощение находилось высоко и было доступно сорокам, фазанам и дроздам, а не волку. Только изредка ему удавалось найти облепиху над самым снегом.

Волчок голодал по несколько суток. По ночам в поисках пищи он пробегал десятки километров. Днём дремал где-нибудь в ущелье на бесснежном южном склоне. Так Волчок оказался опять в знакомом Кокпекском ущелье. И сразу удача — на рассвете волк заметил зайца. Он, как пьяный, прыгал по склону, спотыкаясь, пошатываясь и широко расставляя лапы, чтобы не упасть. В несколько прыжков Волчок догнал зайца, съел и весь день проспал.

Проснулся Волчок в сумерки. Всю ночь он бродил по ущельям и под утро проглотил маленькую мышь — она лежала мёртвая на снегу.

Из-за гор медленно поднялось солнце. На скалах закричали кеклики. Над кордоном столбом поднимался дым: жена егеря затопила печь. Старшая дочь Зина подоила корову и пустила её и тёлку пастись на южный бесснежный склон.

Волчок издали увидел скот, и муки голода у него удесятерились. Но у зверя хватило выдержки подождать, пока корова с тёлкой перейдут через небольшой перевал. Оттуда кордона не было видно. Волчок подкрался и залёг за камнем. Близкий запах животных приводил голодного зверя в неистовство.

Корова и тёлка спокойно паслись, выбирая пустынную сизую полынку. Она, как дымок костра, затянула весь горный склон. Эта полынка не теряет питательных веществ до весны, в отличие от других засохших трав.

Вдруг раздался шорох мелкого щебня, отброшенного задними лапами волка, — он трёхметровым прыжком прямо с лёжки за камнями бросился вперёд.

Корова и тёлка кинулись к дому, выпуча глаза от ужаса и задрав хвосты. Тёлка оказалась ниже волка по склону. Второй прыжок — и зверь мёртвой хваткой вцепился в кончик хвоста обезумевшей жертвы. Упираясь всеми четырьмя лапами, Волчок тормозил, не выпуская хвоста. Но сильная тёлка тащила за собой волка, сразу отстав от коровы. Неожиданно челюсти волка разжались, и тёлка потеряла равновесие — её зад подбросило вверх, животное упало на колени, сильно ударившись мордой о камни. Тяжёлый, огромный волк придавил тёлку к земле и вцепился ей в горло. Но... годы сделали своё дело: зубы старого волка были совсем тупые, как обратные стороны карандашей. Он только слегка поцарапал шкуру на шее у тёлки. Молодое сильное животное вскочило на ноги, сбросило волка и как бешеное унеслось на кордон, высоко задрав хвост.

В это время на кордоне склонились над столом два седых человека. Они осторожно развешивали на маленьких аптекарских весах порошки люминала и нембутала. Это были зоолог и егерь — хозяин кордона. Они хотели испытать снотворные порошки при ловле животных. Внезапно дверь порывисто распахнулась, и в клубах морозного пара в комнату вбежала старшая дочь егеря.

— Папа! Волк ловил Красулю! — крикнула девушка. — Сейчас прибежала Красуля, а за ней корова!

Егерь вскочил, опрокинув стул, схватил карабин и выбежал на крыльцо в одной рубашке.

Около кордона стояли корова и тёлка. Они тяжело дышали, тряслись и с испугом озирались по сторонам. У тёлки морда и конец хвоста были в крови.

— Стойте, Мартын Павлович! — схватил за рукав егеря зоолог. — Вы опять только напугаете волка, как в прошлом году. Поймаем лучше его живым. Это удобный случай проверить снотворное. Идёмте сделаем приманку!

— Я всё равно пристрелю этого разбойника, хотя бы и сонного! — возмущался егерь. — Второй год он водит меня за нос.

Вечером мясной фарш, смешанный с люминалом, был положен на склоне горы, где волк нападал на тёлку.

С первыми звёздами на потемневшем небе Волчок встал с дневной лёжки на солнцепёке, потянулся и потрусил на поиски добычи. Худой, подтянутый, с ввалившимися боками и огромными бакенбардами, он был страшен на вид, но уже не опасен для крупных животных.

Почти за километр зверь почуял мясо в ущелье. Голодный Волчок прыжками понёсся вверх по склону. Чем ближе и сильнее был запах мяса, тем короче становились прыжки волка. Привычка всего бояться под старость развилась у Волчка особенно сильно.

Несколько раз Волчок обошёл по кругу кусок фарша, всё приближаясь к нему и глотая слюну. Но запаха железа решительно нигде не было. Волчок осмелел и, весь вытянувшись, подкрался, схватил комок фарша и проглотил, не жуя. Но необычная горечь люминала сразу почувствовалась: старый волк понял, что в мясе таится какая-то опасность. Тут же Волчок отрыгнул обратно фарш и, поджав хвост, убежал. Эта способность освобождать желудок от негодной пищи у всех волков развита необычайно.

Под утро Волчок опять наткнулся на «пьяного» зайца и съел его.

С первыми лучами солнца три вороны увидели фарш.

Осторожные птицы сели в сторонке и важной походкой начали подходить к мясу. Солнечные лучи лоснились на их чёрных как смоль крыльях. Вороны подошли к приманке с трёх сторон и остановились на одинаковом расстоянии, словно не решаясь переступить какую-то невидимую запретную черту. Наконец одна из ворон по-воровски, боком подпрыгнула к

приманке, клюнула её и отскочила. И в следующее мгновение вороны с жадностью набросились на фарш. У птиц вкусовые ощущения очень слабые, и вороны не почувствовали люминала. Самая старая съела больше всех, отгоняя других. Она тут же уснула и уже больше не проснулась. Волчья доза люминала смертельна для птиц. Вторая ворона съела совсем немного из остатков, недоеденных старой вороной. Заплетающимися шагами, развесив крылья, она немного отошла, ткнулась носом в землю и уснула. Самая молодая подобрала всего несколько мясных крошек и тоже опьянела. Вихляющим полётом она взлетела на куст, сорвалась с ветки и упала на землю. Но всё же снова взлетела и нашла в себе силы перелететь через ущелье и на другой стороне упала в кусты. Там она пролежала до полудня, пришла в себя и улетела.

С сонной вороной егерь и зоолог вернулись на кордон. Новый план поимки волка созрел у зоолога.

К вечеру ворона проснулась. Под её перья намазали желатиновый раствор с глицерином, пропитанный двумя снотворными порошками. Нембутал действовал сразу, но ненадолго, а люминал не сразу, но зато длительное время.

Ворону унесли в ущелье, привязали за лапку к колышку, вбитому на склоне горы.

На этот раз Волчка удалось перехитрить. Он под утро наткнулся на ворону, съел её всю, вместе с

перьями, и побежал дальше по ущелью. Но ему нестерпимо захотелось спать: действие снотворного началось. Веки смыкались, и Волчок с трудом открывал их, словно они были склеены. Ноги стали заплетаться, и вскоре задние совсем отказались служить. Волчок немного прополз на передних, волоча зад и жадно хватая снег, а затем свалился и уснул.

На рассвете зоолог и егеря были уже в ущелье. Вороны на месте не оказалось, а крупные волчьи следы перешли на бесснежный склон и исчезли; но собака егеря, Мушкет, натянула поводок и повела невидимыми следами. Когда волк пересёк ущелье и стал подниматься по северному снежному склону, собака больше была не нужна. Хорошо теперь заметные следы Волчка сначала шли ровной цепочкой, но вот один след показал, что зверя качнуло — действие смеси снотворных препаратов началось. Расстояние между шагами уменьшилось. Лапы начали волочиться и чертить по снегу. Чтобы сохранить равновесие, волк стал шире расставлять лапы. Следы сделались большими от растопыренных пальцев. За кустом волк полежал в снегу, сделал несколько ровных шагов, а затем его опять закачало из стороны в сторону, как пьяного.

На снегу за кустом Волчок спал на животе, положив морду на передние лапы. Мороз и длительная голодовка были хорошими помощниками снотворным препаратам. Волчок находился в глубоком сне, с замедленным дыханием. Ему связали лапы и морду, укутали в брезент и на санях привезли на кордон.

Зоолог решил увезти волка в зоопарк в сонном состоянии, чтобы проверить способ перевозки сонных зверей. Там волк проснётся в клетке, и можно будет проследить за дальнейшим его поведением.

Пасть Волчка приоткрыли и под корень языка влили раствор люминала.

Зоолог уехал в город вместе со спящим Волчком.

Он и не подозревал, что это тот самый Волчок, которого он совершенно ручным бросил в пустыне Бетпак-Дала в грозные дни начала войны.

Когда машина остановилась во дворе квартиры зоолога, встречать хозяина выбежал старый глухой охотничий сеттер Лори. Все поразились поведению собаки. Сначала она, зачуяв волка, поджала хвост. Но, когда Волчка вынесли на брезенте из машины и положили около крыльца, сеттер вдруг завилял кончиком хвоста, сначала под животом, а потом весело и размашисто направо и налево. Видно было, что старая собака рада этой встрече и ничуть не боится огромного зверя.

— Кажется, Лори сходит с ума от старости! — с сожалением сказал зоолог, обращаясь к жене.

Память на знакомый запах не исчезла у сеттера с годами. Это был интересный зоопсихологический факт, так и не замеченный зоологом.

Волчку дали ещё раз небольшую дозу снотворного и отвезли в зоопарк для наблюдений. Там Волчок проснулся в большой железной клетке.

Он медленно поднял сначала голову, потом сел, оглянулся и вдруг вскочил, поджав хвост. Отовсюду пахло лисицами, барсуками, дикими кошками. А их запахи перебивали незнакомые — медведей, тигров и других зверей. Волчок вскочил и, шатаясь, кинулся вперёд.

Железная решётка отбросила его обратно, и он упал, но опять вскочил и всю ночь бился в клетке.

К рассвету волк привык к размерам своего помещения и упруго бегал из конца в конец, как и другие звери в своих клетках.

Утром подошёл зоолог в белом халате и что-то долго записывал, поглядывая на Волчка.

Однообразно потекли дни в неволе. Но плен пошёл на пользу старому зверю. Он поправился. Шерсть у него стала лосниться, и посетители зоопарка всё чаще останавливались около его клетки, поражаясь размерам волка.

Прошло несколько лет. Давно подох сеттер Лори. Старый волк почти лишился зубов, но его кормили мясным фаршем, и он чувствовал себя превосходно. Волчка усыпляли ещё много раз. Снотворные порошки не оказывали никакого вредного действия на зверя. Около клетки вывесили яркий большой плакат: он рекомендовал охотникам пользоваться снотворными порошками вместо капканов и ружей.

«Почему волк не старится? — думал зоолог, сидя на скамейке против клетки Волчка. — Уж не способствует ли этому длительный искусственный сон?» И учёный опять заставлял спать волка по несколько дней.

Огромный старый волк и сейчас живёт в зоопарке, второй волчий век жизни. И, странное дело, он выглядит моложе и энергичнее.

На этикетке около клетки Волчка его возраст каждый год художник зоопарка тщательно исправляет. Последний раз он исправил на «20 лет». Сколько ещё будет этих исправлений?

Волчок сделался знаменитостью. Его фотографировали. О нём писали в газетах.

Опыты зоолога давно уже заинтересовали учёных. В одной из медицинских лабораторий восемнадцатилетняя, чуть живая собака при искусственном сне обросла заново шерстью, сделалась энергичной и бодрой, дожила до двадцати двух лет и, вероятно, ещё жила бы, если бы случайно её не задушила обезьяна.

Журнал «Огонёк» познакомил с этим миллионы читателей. Искусственный длительный сон стали испытывать на больных в клиниках.

Зоолог и Волчок подружились. Зверь позволял человеку гладить его через решётку, валился на бок и подобострастно поднимал огромную заднюю лапу.

«Совсем как мой бетпак-далинский ручной волк», — думал зоолог, глядя Волчка, и не подозревал, что это действительно был он.

БЕЛЫЙ МАРАЛ

I

Бугу родился высоко в горах Алтая. Хвоя кедров висела над ним, как густой зелёный полог. Ни холодный туман, поднимавшийся от бурной речки, ни знойные солнечные лучи не проникали в чащу. Под кедрами было прохладно в полдень и тепло ночью. Выше кедрачей простирались альпийские луга и горные вершины.

Первые часы своей жизни маленький марал провёл рядом с матерью. Он пробовал подниматься с земли, покачиваясь на своих слабеньких ножках, но тотчас же опускался на мягкую, прелую хвою. Тёплый язык матери нежно прилизывал шерсть маралёнка.

Прошла ночь, и утром мать оставила Бугу одного. Она постояла несколько минут, втягивая ноздрями воздух и поводя ушами, а затем лёгкой рысью направилась к речке: ей хотелось пить.

Белка уронила шишку и старалась рассмотреть, куда она упала. Вместо шишки она увидела маралёнка.

Много видела белка маралов, но такого не встречала. Обычно маралята рождаются тёмными с белыми пятнышками. Это помогает им скрываться от врагов среди камней, стволов деревьев и сухой травы. Бугу же родился почти белым.

Маралёнок не двигался. Белка сбежала по стволу кедра и, раздув трубой хвост, удивлённо крикнула:

«Цо-цо-цоцо!»

Бугу проснулся, поднял мордочку и увидел, как огненной лентой мелькнул вверх по стволу рыжий зверёк.

Маралёнок, кажется, впервые в жизни почувствовал страх. Не видя около себя матери, он жалобно замычал.

И она сразу же слышала зов. Через несколько мгновений мать была подле него.

Прошло немного дней. Бугу окреп, стал твёрдо держаться на ножках. Однажды утром мать лёгким мычанием позвала сына. Пройдя несколько десятков шагов, маралёнок увидел небо, солнце, зелёный луг, цветы...

Шум речки сначала испугал Бугу. Но когда мать стала пить воду, он подошёл поближе и даже ступил в быстрые пенные струи. Вода была холодная, и Бугу, брыкаясь, выскочил на берег.

За первой прогулкой последовали вторая и третья. Затем мать стала подниматься выше, в горы, где обычно маралы проводят лето.

Двинулась она вверх по речке рано утром, поминутно нюхая воздух, прислушиваясь и рысцой пробегающая открытые пространства, где ей и её сыну могла угрожать опасность.

Клёкот орла заставил её надолго задержаться под развесистым кедром. Вскоре путь их пересек след медведя. Мать в испуге бросилась к Бугу. След был свежий, только что примятая трава ещё выпрямлялась. Значит, зверь был где-то совсем близко.

Бесшумными скачками мать бросилась в сторону. Маралёнок помчался за ней, напрягая все силы, спотыкаясь о камни и корни.

Отбежав подальше от опасного места, мать пошла тише, и Бугу смог отдохнуть.

Долго поднимались они на вершину горы. Нако-

нец кедров стали реже и ниже, бурная речка превратилась в небольшой прозрачный горный ручей.

Под сводами последних кедров мать и сын остановились. Дальше простирались открытые склоны гор, усеянные камнями, заросшие карликовыми берёзками, мхами, травой. Ещё дальше белел снег. Они были на границе Бухтарминских белков, на десятки километров протянувшихся с запада на восток. Здесь Бугу предстояло провести детство.

II

Охотник Аманчин ехал разыскивать ушедших в горы лошадей. Вот уже второй день он ищет их около снежных вершин.

Много лет тому назад Аманчин в первый раз поднялся сюда с отцом. Он хорошо знает горные тропы, проложенные маралами и козлами. Эти тропы ведут на хребет, за которым Аманчин не раз видел рогатых горных красавцев.

День клонился к вечеру, и надо было подумать о ночлеге.

Вдруг донёсся лай его собаки. По голосу охотник понял, что она нашла зверя.

«Не медведь ли?»

Привязав лошадь, Аманчин поспешил вперёд. Вскоре он увидел матку марала с телёнком. Собака вертелась вокруг рассвирепевшей матери, не давала ей бежать и бросалась на отстающего телёнка необычайной светлой окраски.

Охотник знал, что советский закон запрещает стрелять маралов. Он хотел было уже крикнуть на собаку и отогнать её, но тут заметил, что передняя нога у матки в капкане. В таком положении она с телёнком была обречена в горах на верную гибель.

Аманчин решил спасти хотя бы маралёнка.

Охотник прополз по траве до самой опушки карли-

ковых берёзок. Дальше ползти было нельзя. Перед ним лежал открытый со всех сторон альпийский луг. Стрелять далеко. Но медлить тоже нельзя — матка с телёнком, отбиваясь от собаки, уходила всё дальше и дальше, волоча на ноге капкан. Аманчин выстрелил, и маралуха упала. Но через секунду тяжело раненное животное поднялось и кинулось вместе с Бугу вниз по ущелью к опушке леса. За ними гналась собака. Аманчин бросился вперёд. Он услышал лай уже внизу, в кедрачах, а потом увидел и матку. Она прижалась к стволу столетнего кедра и отгоняла собаку. Искусанный Бугу стоял у неё под брюхом.

Ещё раз грянул выстрел. Матка упала. Охотник бросился к маралёнку. Но Бугу не побежал. Низко опустив голову, он отважился вступить в бой с человеком. Силы были неравны. Через несколько минут маралёнок лежал на траве, и волосяной аркан туго стягивал его ножки. На спине лошади Аманчин увёз маралёнка далеко вниз, в свой колхоз, вместе с мясом маралухи в мешках.

В ауле охотник пробовал давать Бугу коровье молоко, но он не пил его, а только щипал траву около юрты. После сочной зелени горных лугов запылённая трава аула казалась ему невкусной и жёсткой. Она не могла поддержать силы маралёнка, и он худел с каждым днём.

Однажды Бугу всё-таки выпил чашку коровьего молока, а потом привык к нему.

Целые дни пленник проводил в загородке для телят, забившись в кучу коры, запасённой для крыши.

Несколько раз приезжали к Аманчину гости — алтайцы из соседних колхозов. Тогда около убежища Бугу ставили лошадей. Их запах напоминал маралёнку первое путешествие на коне Аманчина, и он ещё глубже забивался в кучу коры. Но всё-таки ему пришлось однажды испытать на себе удар копыт. С той минуты всю свою жизнь маралёнок боялся лошадей.

Все приезжавшие с интересом рассматривали необыкновенного маралёнка, гладили его серебристую спинку и восхищались им.

Так проходило первое лето Бугу. Приближалась осень — самая рабочая пора на Алтае. Охотники отправлялись в горы за кедровыми орехами и пушным зверем. Собрался и Аманчин с семьёй на промысел — кедровать. Перед отъездом он решил позаботиться о Бугу. И вот в одно ясное сентябрьское утро маралёнок опять оказался на спине лошади: Аманчин повёз его в мараловодческий совхоз.

III

С Бугу сняли аркан. Он помчался лёгкими скачками в дальний угол маральника, подальше от людей. Следом за ним, вытянув шею и насторожив уши, бежали его полудикие сородичи. Когда Бугу остановился, они с любопытством осмотрели новичка. Старая матка осторожно подошла к Бугу, обнюхала его и, наклонив голову, сделала вид, что хочет боднуть. Бугу отбежал к её задним ногам. Матка обернулась, опять обнюхала его и, фыркнув, начала спокойно щипать траву. Церемония знакомства закончена, маралёнка приняли в стадо. Для Бугу опять потекли дни неволи.

Вскоре наступила зима. Вершины гор уже давно побелели, и снежная пелена спускалась всё ниже и ниже. Маралы испытывали беспокойство. Они целыми днями бродили вдоль высоких заборов, поглядывая на горы. Их сородичи давно совершали перекочёвку на зимние пастбища.

Однажды ворота маральника открылись, и алтайская лошадь, не привыкшая к упряжке, неловко втащила воз сена, косясь на маралов, похрапывая и прядая ушами.

Воз свалили. Ворота снова закрылись. Старая

матка, жившая в маральнике много лет, первая подошла к сену и стала его есть. Все последовали её примеру.

Прошла зима. Повеяло первым теплом. У взрослых самцов появились бугорки молодых рогов, пока ещё мягкие, покрытые пушком и наполненные кровянистой жидкостью. Это были те самые панты, ради которых и содержалось всё стадо.

Земля в маральнике покрылась зелёной травой. Снег остался только около забора. Кругом шумели ручьи и бешено ревела река, ворочая громадные камни, обдавая брызгами крутые берега. Высоко в небе раздавались трубные звуки журавлей, летевших длинными вереницами на север. В лесу запели птицы. Недоеденное сено лежало кучей посреди свежей, зелёной травы.

И вот в начале лета в маральник пришли люди с арканами. Старые маралы уже знали, что значит это посещение, и стали метаться вдоль забора. Люди гонялись за ними, стараясь отбить от стада нужного им самца.

Наконец с большим трудом был отделён молодой бычок с первыми в его жизни пантами. Бычка погна-ли в дальний угол маральника. В этом месте вдоль стены была устроена загородка. Она шла сначала далеко от стены, но затем постепенно приближалась к ней, оставляя только узкий проход. В этот проход и загнали молодого бычка. Между брёвнами забора просунули жерди, и марал оказался в станке для резки пантов.

Рабочие защемили ему голову между двух брёвен. Один из них подошёл к станку, и маленькая лучковая пила быстро перепилила мягкие рога у самого основания. Операция длилась не более полминуты. После этого на голову марала вылили ведро холодной воды, раны присыпали порошком, останавливающим кровь, и марал был выпущен из станка, чтобы уступить место следующему.

IV

Прошло два года. Бугу вырос в крепкого бычка необычайной серебристо-серой масти. Слух о белом марале разнёсся далеко по аулам.

Отдыхающие с соседнего курорта стали часто бывать в маральнике. Бугу фотографировали, рисовали, но только издали. Все попытки подзвать его поближе не удавались — он забивался в глубь маральника и оттуда недоверчиво поблёскивал чёрными большими глазами. Старая matka подходила к забору и с аппетитом поедала густо посоленный хлеб, предназначенный Бугу.

Не он один — все самцы в маральнике были более дикими, чем самки: ежегодно их ловили и подвергали мучительной операции — срезке мягких рогов.

Лето ещё раз сменилось осенью, опять высоко в небе поплыли треугольники журавлей, покидавших родные места. Снова покрылись долины снежной пеленой.

К зиме Бугу стал красой всего маральника. Гордая голова его всегда была высоко вскинута. Тело казалось высеченным из мрамора. Всего же красивее была его шерсть: светло-серая, она, как серебро, сверкала на фоне тёмных стен маральника.

Время шло. И вот настал весенний день, когда снова один за другим проходили маралы через станок. Дошла очередь и до Бугу.

С криком погнались за ним люди, размахивая кнутами. Он весь затрясся от возбуждения, бросился в сторону. Повернулся — снова в сторону. Но деваться некуда. Пришлось забежать в узкий коридор.

Тут Бугу почуял резкий запах свежей крови и остановился. Ноздри его широко раздулись, глаза налились кровью. Молодой марал глухо заревел, повернулся и бросился на людей.

С криком кинулись испуганные загонщики на забор. Под внезапной тяжестью нескольких человек

верхние брёвна не выдержали и рухнули. Бугу прыгнул в этот пролом и оказался на свободе.

Несколько раз мелькнуло за стволами деревьев серебро его шерсти и пропало за поворотом горы.

Бугу мчался по лесу вверх, к белым вершинам гор.

Перед ним с шумом поднимались рябчики. Испуганные бслки с громким цоканьем взлетали на самые вершины кедров, а Бугу всё нёсся, прыгая через упавшие деревья, продираясь сквозь молодые заросли.

Подъём становился круче и круче. Когда наконец лес поредел, Бугу выскочил из-под крайних кедров на открытое пространство, остановился, тяжело переводя дыхание и жадно втягивая ноздрями чистый горный воздух.

Он был выше границы леса. Перед ним расстилались альпийские луга его родины.

V

Поздние весенние сумерки спускались на землю. Замолкли птицы. Не слышно надоедливого крика кедровки, и только одни синички ещё попискивают в чаще пихт.

Кажется, ни одного живого существа нет на поляне. Но если бы внимательный наблюдатель взгляделся в густую чащу кедров, стоявших на самом берегу речки, он заметил бы глухаря, перебиравшего клювом перья.

Вдруг глухарь вытянул шею и стал прислушиваться. В глубине леса он уловил какие-то звуки. Осторожная птица подобрала крылья и выбралась из чащи на голую ветку. Лесные жители легко узнают друг друга. Это было стадо диких маралов. Однако среди стволов замелькало что-то светлое. Глухарь замахал крыльями и поднялся над лесом. Необычайный цвет животного напугал его.

Старый бородач испугался напрасно: это был ма-

рал Бугу редкой серебристо-серой масти. Он выступал впереди стада.

Выйдя на поляну, Бугу остановился. Всё стадо мгновенно замерло, следя за малейшими движениями вожака.

Там, вверху, на много километров протянулись вправо и влево Бухтарминские белки — его родина. Сегодня ночью длинный путь будет окончен, и белый марал приведёт своё стадо на безопасные пастбища.

Годы неволи научили белого марала быть осторожным, ежедневные драки в тесном маральнике закалили его. Белый марал с могучим телосложением водил лучшее и самое крупное на Алтае стадо самок и молодняка.

Бугу боялся леса. Лишь в крайних случаях, глубокой ночью, спускался он в долины, пересекавшие его путь.

Маралы всегда совершают переходы по ночам. Днём они лежат в безопасных убежищах. Весь день Бугу со стадом провёл в болоте, поросшем мелким лесом, и только в сумерки двинулся в путь. Громко фыркнув, марал смело подошёл к речке и вошёл в неё. Белая пена сразу обдала холодком его бока, но он уверенно побрёл наискось течению. Стадо следовало за ним, и вскоре все были на противоположном берегу.

Уже на самой опушке леса чуткий нос Бугу уловил запах свежего конского следа. Вожак сразу остановился. Другой марал, пожалуй, не обратил бы на этот след никакого внимания. На альпийских пастбищах им нередко встречались табуны лошадей. Но у белого марала с конским запахом было связано слишком многое. Он предупреждающе фыркнул. Стадо замерло. Можно было находиться в десяти шагах от маралов и не слышать ни единого звука.

Вдруг Бугу с тревожным фырканием метнулся в сторону, и громкий треск и шум пошёл по всему лесу: стадо мчалось за ним. Пробежав стороной несколько

километров, Бугу снова вышел на тропу. И опять он долго и безмолвно втягивал в себя воздух, а маралы, вытянувшись длинной лентой, тревожно ждали...

Уже показалось солнце, когда они поднялись наконец на свои пастбища.

VI

Старый охотник знал повадки маралов не хуже самого Бугу. Он не одну ночь провёл около их троп на горных хребтах, ёжась от холода и жадно прислушиваясь. И эту ночь Аманчин провёл безуспешно на своём посту.

Возвращаясь домой недовольный и голодный, он наткнулся на свежий след прошедшего ночью стада. Долго стоял Аманчин на месте и никак не мог понять, что могло испугать маралов и заставить их свернуть с тропы.

Он слез с коня и начал рассматривать следы. Так и есть! Крупный след резко выделялся среди других следов стада. Он сразу узнал след белого марала. Недаром же Аманчин давно ходит в тщетной надежде поймать своего бывшего воспитанника.

Аманчин вернулся в колхоз пешком: лошадь убежала домой, пока он рассматривал ночные следы маралов. В колхозе его ожидал зоолог алма-атинского зоопарка.

Уже третий год он приезжает на курорт и обещает ему за белого марала большую награду. Однако Бугу был неуловим. На зиму он уходил отсюда, а лето проводил, как и все взрослые самцы, на самой границе снегов, где его светлая шкура сливалась с серыми скалами и снегом. Марал не раз видел старого охотника, пробирающегося в горах. Зверь замирал, и Аманчин проезжал мимо.

Немало и других опытных охотников старались поймать белого марала.

Однако выросший среди людей Бугу научился многому, чего не знали другие маралы, и счастливо избегал опасности.

Аманчин сообщил гостю, что белый марал опять появился на белках. За вечер они обсудили немало способов поимки Бугу.

VII

Вкусны и сочны травы альпийских лугов Алтая, но в них очень мало соли. Вот почему к середине лета у маралов начинается портиться пищеварение и их носы становятся не такими чувствительными к запахам.

Выход один: спуститься вниз, в долину, и там искать солонцы — места, где соль выступает на поверхность земли в виде ржавых или сероватых пятен.

Бугу в один из вечеров пошёл по ущелью, через чащу леса. К утру он уже был в долине, недалеко от солонцов.

Солонец, к которому шёл Бугу, лежал на открытом месте. Белый марал задержался на краю леса. Запах соли раздражал и звал, но поблизости паслись табуны овец и разъезжали всадники. Выходить из леса было опасно.

Когда стемнело, Бугу покинул засаду в лесу и направился к солонцу.

Упав на колени, он жадно лизал и грыз солёную землю.

VIII

Наступила осень. Все попытки поймать Бугу и в это лето оказались безрезультатными.

Перед отъездом с Алтая зоолог зоопарка всё-таки решил устроить ещё раз облаву на белках, хотя и плохо верил в то, что ему удастся встретить белого марала.

Десять загонщиков во главе с Аманчиным двинулись в горы искать Бугу.

К этому времени маралы уже соединились в одно стадо. Ещё неделя-другая, и пора им двигаться в путь на зимние пастбища.

Крупные следы, найденные Аманчиным среди других, говорили о том, что в стаде находится белый марал. Два гонца поскакали в долину, а старый охотник до самой ночи пробирался по свежему следу, оставляя на своём пути разные отметки. Ночь Аманчин провёл у самого снега на вершине горы, не разводя огня. Утром он осторожно двинулся по следу дальше.

Едва охотник поднялся на хребет, как увидел стадо: маралы мирно паслись, разбредясь по склону. Молодые телята весело прыгали и бодались. Часть маралов лежала, пережёвывая жвачку. Только белый марал был настороже. Он всё время озирался, держась подальше от опушки леса, темневшего внизу.

На этот раз Бугу не замечал, что из-за перевала хребта за ним следят глаза врага. Он не мог видеть и остальных охотников, расположившихся с другой стороны хребта.

Маралы между тем улеглись на отдых.

Рядом с Аманчиным показался зоолог. Глаза его не отрываясь смотрели на белого марала. Зоолог решил во что бы то ни стало овладеть редким оленем.

План охоты составили быстро. Загонщики должны были скрыться в лесу, который находился ниже маралов, и по сигналу выйти широкой цепью на опушку. Маралы, конечно, бросятся вверх. Как раз от того места, где отдыхало стадо, наверх шла лощина, поросшая редкими деревьями. Было ясно, что маралы пойдут именно по лощине: гребней и открытых мест при преследовании они избегают. Вверху, в конце лощины, стали с ружьями охотники. Зоолог, потеряв надежду поймать живьём белого марала для зоопарка, решил застрелить его, чтобы сделать ценное чуче-

ло для музея Академии наук Казахстана. Разрешение на это он и получил недавно по телеграфу.

Всё было рассчитано правильно. Именно в лощину и бросился Бугу при появлении загонщиков. Легко прыгая через камни, маралы помчались вверх. Но лёгкий ветерок донёс запах людей, стоявших вверху. Белый марал остановился и предостерегающе фыркнул. Вслед за ним замерли на месте остальные.

Аманчин предвидел, что Бугу может почуять охотников, и поэтому велел двум всадникам, как только маралы войдут в лощину, показаться из-за гребней с обеих сторон. Сзади будут загонщики, с боков — всадники. Маралам останется только броситься вперёд.

Но запах невидимых людей впереди был слишком угрожающим и удерживал Бугу. Между тем загонщики вошли в лощину. Маралы оказались в западне, а Бугу всё ещё топтался на месте.

Его мощные передние ноги судорожно рыли землю, белая пена хлопьями летела изо рта. Крики охотников заставили его, как когда-то в маральнике, броситься на людей, гнавших его... Глухой рёв огласил лощину, и громадное животное, низко опустив голову, вооружённую великолепными рогами, бросилось прямо на загонщиков. Всё стадо последовало за ним.

Ужас охватил загонщиков, когда они увидели белого марала, мчащегося на них с глухим рёвом. Они бросились к деревьям и, как кошки, полезли на них...

Бугу остановился под одним из кедров, вращая налитыми кровью глазами, а маралы устремились в лес. Бугу фыркнул и неторопливой рысью побежал вслед за стадом.

Загонщики сидели на деревьях, а зоолог и Аманчин громко перекликались.

Бугу опять ушёл от них. Он увёл своё стадо в другие, более безопасные места.

Маралы спокойно паслись на южном склоне горы. Здесь не было снега. Ветви кустарников и жёсткая, сухая трава среди камней привлекли их сюда. Живописными группами маралы разбрелись по склону. Длинные тени под косыми лучами зимнего солнца бежали вниз до россыпи камней и обломков скал.

Они так увлеклись травой, что не заметили двух пар глаз, жадно следивших за каждым их движением.

Два волка лежали в засаде. Остальные неслись в обход горы, увязая в глубоком снегу соседнего ущелья.

Маралы уже стали собираться вместе, чтобы двинуться на ночлег, как вдруг вверху показались волки.

Тревожно фыркая, животные бросились врассыпную вниз — туда, где, затаившись, лежали в засаде два хищника.

Громадный белый марал налетел прямо на волков.

Они не сумели задержать его, и он прорвался вниз. Звери бросились за ним.

Другие маралы тем временем спустились на дно ложины, где сверкала чистым льдом недавно замёрзшая речка. Животные сгруппировались в кучу, не решаясь броситься вперёд, а затем кинулись вдоль берега.

Волчья стая взяла наперерез и почти сразу догнала маралов. Но за поворотом речка не замёрзла. Это и спасло стадо. Маралы смело бросились в ледяную воду, быстро перебрались на другую сторону и скрылись в лесу.

Звери завизжали и запрыгали на берегу.

А в это время два волка из засады прижали к самой речке белого марала.

Насторожив уши, он прыгнул на лёд. Ноги его поползли в разные стороны. Животное грузно повалилось на бок, делая отчаянные попытки вскочить.

Но волки легко и быстро понеслись по льду, ба-

лансируя хвостами. Из-за поворота с радостным визгом мчались остальные хищники.

Тонкий лёд на середине речки не выдержал тяжести большого животного и двух волков. Треск — и звери оказались в воде.

Теперь всё преимущество было на стороне марала. Он вскочил на ноги и бросился к противоположному берегу, ломая остатки льда.

Для волков речка оказалась слишком глубокой. Быстрое течение швырнуло их вниз вместе с обломками льда, и волкам с трудом удалось выбраться на берег.

Белый марал помчался по лесу, утопая в глубоком снегу, а сзади по свежему следу уже бежали волки — они выбрались на берег и быстро нагоняли марала. Всё ближе и ближе слышалось их повизгивание.

Волки тонули в снегу меньше, чем марал с его острыми копытами.

Долго так продолжаться не могло. Напрягая силы, марал пробивался по лесу к южным склонам, где почти нет снега. Там волки не страшны.

На морозном воздухе от разгорячённого тела белого марала поднимался пар.

Видя теряющего силы марала, волки с удвоенной энергией ринулись вперёд, лязгая зубами.

Замелькала опушка леса, уже совсем рядом чернели среди снега каменистые россыпи и скалы. Животное почувствовало наконец твёрдую опору и легко помчалось по камням.

Волки опоздали всего на несколько прыжков. Опустив головы, жадно нюхая следы марала на камнях, они бросились вслед за ним, скользя по каменистой россыпи.

Ложбина с глубоким снегом опять задержала марала, но он успел перебраться через неё как раз к тому моменту, когда волки показались сзади. Марал снова исчез в темноте.

Прыгая с камня на камень, он всё выше и выше поднимался в гору, на неприступные вершины утёсов — «отстои», где осенью не раз спасался от волчьих зубов.

Так вышло и сейчас. Марал вскочил на вершину одинокой скалы, нависшей над пропастью. С трёх сторон были отвесные скалы. Только с четвёртой стороны волки могли, прыгая с камня на камень, поодиночке взобраться к нему на площадку.

Два волка один за другим начали подниматься к маралу. Вот первого отделяет уже один прыжок от Бугу — отступить маралу больше некуда... Миг — и хищник рванулся вперёд, но голова марала резко качнулась вправо, и страшный удар рогов сбросил волка в пропасть. И тотчас новый удар рогов влево скинул туда же второго волка.

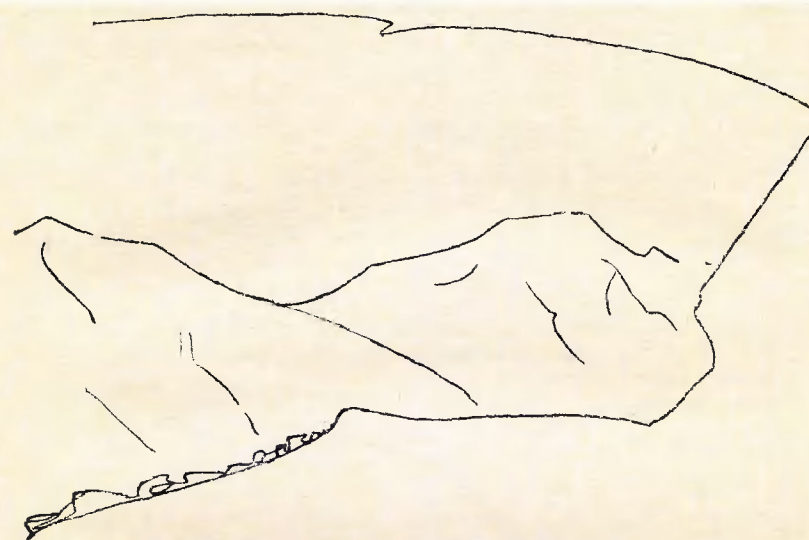
Остальные волки заскулили внизу, сверкая огонь-

ками глаз. Ни один из них больше не решался броситься вперёд.

Наступила ночь. Один за другим волки растаяли в темноте. Только под утро марал спустился со скалы и отыскал своё стадо.

Ещё три года после этого встречали белого марала в горах Алтая, но потом он исчез. Возможно, перекочевал куда-нибудь в другие места. Однако рассказы о нём можно услышать и сейчас на Алтае.

В УЩЕЛЬЕ КОКПЕК

Июльское солнце так нагрело железный корпус «Москвича», что даже при быстрой езде жара была нестерпимой. Открытые окна не помогали. Горячий встречный ветерок обдавал запахом скошенного сена, распаренного зноем. Жаворонки лежали в тени телеграфных столбов с открытыми клювами. Голубоватые сизоворонки, свесив крылья, млели на вершинах столбов. И только ласточки с весёлым щебетом носились в воздухе над прудом и купались: то и дело, приподняв крылышки, они с разлёту касались воды, встряхивались на лету, оставляя после себя круги на зеркальной поверхности пруда.

Томительно тянулось время. Километры раскалённого асфальта неслись под колёса, но до кордона в далёком горном ущелье, казалось, мы никогда не доедем.

Наконец дорога резко спикировала крутым километровым спуском в Кокпекское ущелье. Оно разрезало Сюгатинский хребет Заилийского Алатау точно с севера на юг.

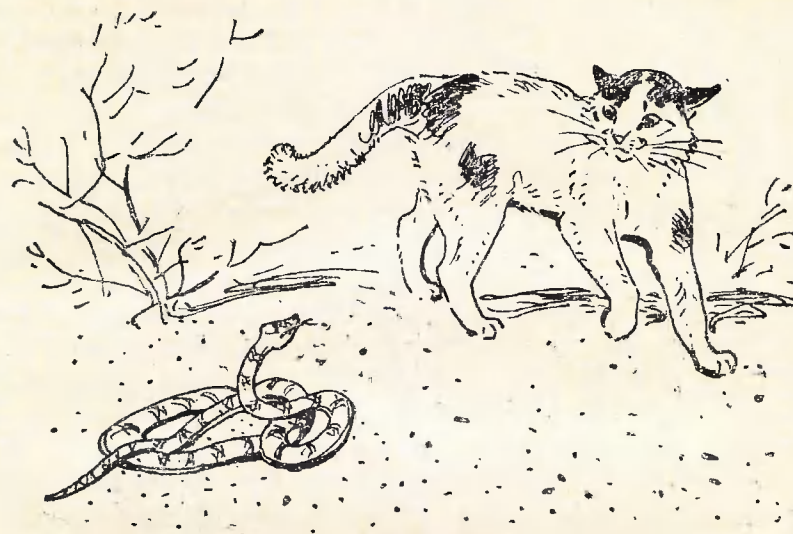
Двигатель машины жалобно запел при подъёме на перевал. Высокие скалы стиснули дорогу вплотную по бокам, как узкий коридор. Сразу стало свежо: в Кокпекском ущелье всегда сквозняк, приятный летом и нестерпимый зимой. Стайка кекликов побежала от дороги к скалам. Петушок вскочил на камень и так громко закричал, что перекрыл даже шум

машины. Интересно ведёт себя здесь горная речка. Она исчезает в начале ущелья. Неожиданно через десять километров в другом конце ущелья речка выныривает из-под земли, бурная, говорливая, словно обрадованная, что вырвалась из подземного плена и теперь спешит поделиться со всеми своей радостью.

В конце ущелья немного раздвинуло свои стены. Белый домик кордона с красным трепетным огоньком флага над крышей выглянул из-за тополей, посаженных заботливой рукой хозяина ещё лет двадцать назад.

Машина подъезжает к крыльцу кордона. Радиатор бурлит. Он перегрелся, и пар густо валит из трубки. С каким удовольствием открываешь наконец дверцу и буквально вываливаешься из «Москвича» — утомительный путь в сто пятьдесят километров позади!

Более четверти века я останавливал коня, а теперь машину около егерского кордона Мартына Павловича Петренко. Я знал его и раньше, когда он был членом рыбацкой артели и сторожил сено на лугах реки Или. Мы работали вместе в алма-атинском заповеднике, а сейчас в охотничьей инспекции. Его кордон стоит в живописном ущелье Кокпек, в самом конце Заилийского хребта Тянь-Шаня.

ОХОТНИК ЗА ЗМЕЯМИ

В ненастную тёмную ночь весной около кордона егеря в Кокпекском ущелье остановилась машина, гружённая домашними вещами. К ножке стола был привязан большой серый кот, привязан короткой верёвочкой за шею, как собака. Люди зашли на огонёк расспросить у егеря про дорогу. Он подробно рассказывал и вышел проводить.

Машина тяжело тронулась по шоссе, а там, где она недавно стояла, Петренко заметил какой-то шевелящийся тёмный комок. Егерь осветил его лучом фонарика. Это был кот с обрывком перекушенной верёвочки на шее. Он стремительно исчез под крыльцом.

В первый же день появления кота на кордоне с ним произошла неприятность. Вероятно, он раньше никогда не видал кроликов. Началось с того, что крупная крольчиха утром проковыляла мимо крыльца. На верхней ступеньке грелся на солнце кот, при-

щурив глаза и подобрав под себя лапки. Сонливое настроение у него сразу сменилось жадным вниманием. Глаза широко раскрылись, кот спрыгнул с крыльца и, распластавшись, пополз по земле.

Крольчиха в это время спокойно сидела хвостиком к крыльцу и ела какой-то корешок, выкопанный передними лапками. Она заметила кота, но не изменила позы, а только перестала жевать, чуть повернула голову и косилась назад одним глазом.

Кот подползал всё ближе, ближе и, наконец, замер, не спуская глаз с белого хвостика крольчихи. Она не двигалась. Кот тоже. Так прошло некоторое время. Вдруг молниеносным прыжком кот бросился вперёд с вытянутыми лапами!

Но в тот же миг крольчиха что есть силы лягнула задними лапами прямо в «лицо» кота. Удар был настолько силен, что кот перевернулся в воздухе и отлетел обратно к крыльцу.

После этого кот уже не искал схваток с кроликом. Едва тот появлялся около крыльца, кот широко открывал глаза, как два фонаря, и внимательно следил за зверьком, поворачивая голову, пока тот не отходил далеко.

Кот оказался не изнеженным баловнем, который привык к теплу и ласке, а мужественным котищем в расцвете сил. Он жил на улице под крыльцом и не просился в дом даже во время сильных ночных весенних заморозков. Кота никогда не кормили, потому что это было бесполезно. Кот подозрительно нюхал молоко, поднимал хвост и степенно отходил в сторону, потряхивая то одной лапкой, то другой, словно он только что ступил в лужу. Он сам ловил для себя мышей и от диких кошек отличался только тем, что жил под крыльцом. Каких только приключений с ним не случалось во время ночных походов за добычей! Однажды он чуть живой приполз утром к крыльцу, весь в крови и ранах. На него ночью напал филин. Что у них там происходило — никто не видел. Хворал

кот больше месяца, и впервые его кормили всё это время дети егеря. Молодость и закалка победили. Кот поправился и снова перешёл на самоснабжение, отказавшись от готовой пищи.

Однажды в сумерках в кота выстрелил охотник, приняв его за зайца. Но от дробовых ран он поправился ещё быстрее, чем от когтей филина.

Вот какой это был кот без имени!

Красновато-серые скалы ущелья нависли над самым кордоном егеря. По дну ущелья пробивались кустики эфедры, таволги и жёсткие травы. Летом скалы накалялись солнцем и медленно остывали только под утро. Трудно найти в горах другое ущелье, более привлекательное для змей. Серые или красноватые щитомордники, под цвет камней, всегда неожиданно приподнимали треугольные головки, заставляя людей поспешно отскакивать в сторону. Эти змеи очень ядовиты.

Щитомордники не раз подползали к самому кордону и кусали детей Петренко за босые ноги. На другой день на ребёнка страшно было смотреть: он опухал, зрачки глаз расширялись, начиналась слепота. Только через неделю наступало выздоровление. Дети могли спокойно играть около дома только осенью, после заморозков, когда змеи погружались в спячку.

Лето давно наступило, но, странное дело, змей около кордона в этом году не было, хотя кругом в горах их всюду было много, как обычно.

Однажды кота заметили за удивительным делом: он ел змею, начав с хвоста! После этого его несколько раз видели, как он тащил в кусты безжизненного, как верёвка, щитомордника.

Однажды он осторожно полз мимо крыльца кордона совершенно беззвучно, как серая тень, глаза его горели. Из низкой травки навстречу коту, шипя, под прямым углом от земли поднялась головка щитомордника. Змея следила за каждым движением кота. А он подползал всё медленнее и наконец замер неподалё-

ку от змеи. Только самый кончик хвоста у кота нервно пошевеливался вправо и влево.

Мы все с интересом следили за этой сценой с крыльца. Первой не выдержала жена егеря и схватилась за лопату.

— Ужалит она кошку, ей-ей!

Я стал отговаривать её. Это важно для науки. Ведь ещё никто не видел случая борьбы кошек со змеями!

— Нужна мне ваша наука, мне кошку жалко! — сказала Петровна и стала спускаться с крыльца.

Но в это время произошло что-то непонятное. Кот рванулся вперёд, подпрыгнул высоко вверх, а змея забилась на месте, свернувшись в клубок. И тогда кот зубами схватил её за шею и спокойно уволок в кусты. Крупная змея волочилась по земле между ног кота, он широко расставлял их, чтобы не наступить.

Загадка оказалась неразрешённой. Мы видели только, как кот бросился на змею, и это всё. Спор не вовремя помешал сделать интересное наблюдение.

Через несколько дней наступила жаркая погода, и Петровна устроила люльку с грудным ребёнком в тени крыльца. Мальчик спал с соской во рту, а младшая сестрёнка отгоняла мух, пока мы завтракали в сенях.

Вдруг отчаянный крик девочки заставил нас выбежать на улицу. Она показывала рукой вверх. По карнизу стены над люлькой полз крупный щитомордник. Все растерялись, не зная, что предпринять. Змея едва удерживалась на узком выступе карниза стены и в любую минуту могла оборваться и упасть прямо на лицо ребёнка. Петровна бросилась было к люльке, чтобы схватить ребёнка, но змея испугалась, поползла быстрее и едва не оборвалась. Перепуганную мать схватили за руки — к люльке нельзя было приближаться!

Затаив дыхание все следили за щитомордником, а он медленно полз по выступу, останавливался, высывая раздвоенный язычок, и опять полз. Наконец он

благополучно миновал люльку, но вдруг сорвался и упал на землю...

Не успели мы пошевелиться, как из-под крыльца мелькнул кот и — прямо на змею. Быстрым ударом когтистой лапы кот шлёпнул змею по голове справа, а другая лапа тотчас нанесла удар слева. Змея завертелась и свилась клубком, слабо шипя. Кот схватил змею за шею и поволок в кусты.

Мы отобрали у кота щитомордника со слабыми признаками жизни. Три рваных раны начинались тремя широкими разрезами от затылка к носу, заканчиваясь узко — как три восклицательных знака без точек. Такие же глубокие раны от когтей были на голове змеи слева. Пощёчины кота были так мгновенны, что змея не успевала укусить. Если она и не была убита сразу, то обращена в шоковое состояние и обезврежена.

Зимой егерь Иссыкского кордона рассказал мне, что у них тоже была кошка, которая легко справлялась со змеями пощёчинами передних лап.

Как мало, оказывается, мы знаем о повадках животных, и даже таких, которые прожили около человека не одну тысячу лет!

ОБИДЧИВАЯ СОБАКА

Мушкет был беспородный пёс. Но чёрной спиной и жёлтыми боками он походил на гончую. Ему было двенадцать лет, и он доживал свой короткий собачий век. Впервые я оценил его способности, когда поздней осенью мы охотились с Мартином Павловичем на горных козлов в горах около Кокпекского ущелья в Заилийском Алатау.

Мы долго поднимались вверх по Бурунсаю. Мушкет тащился сзади с безразличным видом, как и полагается старой собаке, словно бы всё ей надоело и охота не вызывает ни малейшего волнения.

Кое-где около ручья ещё стрекотали последние кузнечики и кобылки, уцелевшие после первых морозов в зелёной траве у самой воды. На скалах кричали кеклики. Кругом цыкали горные овсянки. С каждым шагом тропа делалась всё круче. Утомительному восхождению, казалось, не будет конца. Перед последним, самым крутым подъёмом мы присели отдохнуть. Мушкет не лёг, а упал около наших ног. Видимо, старая собака устала не меньше нас.

Но всему бывает конец — мы оказались на перевале. Отсюда на огромное расстояние открылся обзор всей Сугатинской долины, на ней виднелись жёлтые пятнышки табунков джейранов.

Петренко укрепил на камнях чучело-головку самки тека на палке. Головка возвышалась над камнями, а несуществующее туловище было «скрыто» за ними. Головку было видно издалека. Зоркие глаза горных козлов её, конечно, заметят. Петренко не раз убеждался в этом.

— Ну, всё готово, можно посылать Мушкета! — сказал Петренко.

— Куда? — не понял я.

— За козлами: он пригонит их к самым нашим ногам! Мушкет!

Собака лёжа подняла голову и устало посмотрела на хозяина.

— Ищи, Мушкет! — вполголоса приказал Петренко и показал рукой на горы.

И вдруг собаку как подменили! При слове «ищи» тяжесть лет будто сброшена с собачьих плеч. Мушкет вскочил, виляя хвостом, нетерпеливо повизгивая и смотря в глаза хозяину.

— Ищи, ищи! — махнул рукой Петренко, указывая за перевал.

Крупными прыжками собака бросилась в ту сторону, куда показал хозяин.

— Теперь спрячемся. Если теки близко, Мушкет быстро пригонит их.

Но время шло, а козлов не было. В бинокль я заметил далеко за перевалом чёрную точку. Это был Мушкет. Он всё ещё бежал. Наконец его не стало видно.

Прошло больше часа. Безмолвие горных вершин нарушали только крики альпийских галок. Солнце поднялось высоко. Сделалось жарко. Неудержимо захотелось спать...

— Гонит! — вдруг донёсся приглушённый голос Петренко.

Сонливость как ветром сдуло. Я схватил бинокль: там, где в последний раз был виден Мушкет, тихой рысцей бежали к нам три козла. Они то и дело останавливались и оглядывались. За ними из-за поворота горы показался Мушкет. Он молча и неторопливо трусил по тропе далеко позади козлов. Вскоре они надолго скрылись в ложине и снова показались уже значительно ближе: козлы и за ними Мушкет.

На одном из перевальчиков козлы свернули с тропы и побежали вниз. Мушкет бросился за ними что есть сил, преградил им путь и повернул обратно на тропу, которая шла прямо к нам. Мушкет действовал, как настоящая пастушья собака!

Теперь он уже нажимал на них, торопил и громко лаял, как бы предупреждая нас.

Раздался стук камешков на россыпи, ещё миг — и три козла галопом вынеслись на перевал прямо против меня!

Я вскинул ружьё и стал выцеливать переднего бородача. Но тут случилось непоправимое — волнуясь, я слишком неосторожно положил палец на спуск, и выстрел грянул преждевременно, взбив фонтанчик пыли перед козлами. Как бешеные они рванулись в сторону и исчезли за камнями.

А на их месте уже стоял Мушкет, совсем не тот, который тащился за нами на перевал, как старая кляча. Уши его были приподняты, голова высоко вздёрнута. Он энергично присел на задних лапах, готовый к прыжку, и жадно озирался, ища козлов.

Вдруг наши глаза встретились — Мушкет сморщил нос, блеснул на миг зубами и решительно побежал вниз к дому, опустив хвост.

— Мушкет, назад! — кричал я, но собака даже не оглянулась.

— Как же вы промазали? — раздался за спиной сердитый голос Петренко. — Ведь Мушкет пригнал козлов прямо к вам, чуть было не затоптали!

— Верните Мушкета, козлы где-то недалеко! — волновался я.

— Мушкета теперь уже не вернуть — он обиделся! Если промажешь, он обижается и убегает домой. Убей вы козла, он бы вам пригнал другого, а теперь охота кончена. Идём домой.

Я шёл обратно с чувством ученика, получившего единицу.

МОРОЗНЫМ ВЕЧЕРОМ

Однажды ночь застала нас далеко от дома в горах Заилийского Алатау. В погоне за горными козлами мы так измотались за день, что едва передвигали ноги. Ружьё стало казаться невероятно тяжёлым. То и дело его приходилось перекладывать с плеча на плечо.

Расстроенные неудачной охотой, мы понуро тащились друг за другом, тяжело дыша на подъёмах и спотыкаясь о камни на спусках.

Но всему бывает конец: с гребня перевала показался далёкий огонёк на кордоне. Там нас ждало тепло, отдых и ужин. Мы присели на камни в последний раз перед спуском к дому.

Тишину ночи нарушали только леденящие порывы ветра да потрескивание льда на реке. Близость кордона как-то сразу успокоила, и я с интересом оглянулся по сторонам. По белому склону местами чернели глыбы камней, поднимаясь над снегом тёмными причудливыми пятнами. Ниже, казалось, такие же тёмные пятна слегка шевелились на ветру — это были кусты. Огромный звёздный мир раскинулся над головой. Отсюда, с вершины перевала, в более разрежённом воздухе звёзды казались ближе, чем обычно. Далеко внизу в ущелье замелькал свет машины. Луч только одной фары бежал мимо огонька кордона, вырывая из темноты бегущий треугольник асфальтированного шоссе совершенно необычного белёсого цвета. За поворотом горы луч исчез. Шум от машины не долетал к нам.

Вдруг тишину ночи взорвал громкий взлёт и крики кекликов. Тотчас опять наступила тишина. Ясно — это лиса разогнала их табунок, и теперь кеклики поодиночке могут замёрзнуть на морозном ветру. Они всегда ночуют тесной кучкой где-нибудь в затишье. Прижмутся и греют друг друга.

Мы вернулись на кордон. Ночь в натопленной

комнате, к тому же ещё под тёплым одеялом и на перине, промелькнула как миг.

Утром в морозной дымке из-за гор поднялось солнце. Градусник за окном показывал минус двадцать пять, но день обещал быть ярким, солнечным. Ветер стих. На вершине горы против кордона лежало облачко, золотисто-розовое от низкого солнца.

Автобус мимо кордона пройдёт только после полудня, и я решил сходить и посмотреть, что же произошло ночью с кекликами.

По своим же следам я быстро поднялся на перевал и сел опять на тот же камень, где мы отдыхали последний раз ночью. Тогда кеклики закричали внизу справа. Я встал и спустился вниз, долго бродя по склону и разыскивая место их ночлега. Нашёл я его по лисьему следу. За большим камнем снег был утрамбован лапками кекликов и пропитан кровью. Судя по разбросанным перьям, лисица задавила и съела только одного. Остальные разлетелись.

Долго после этого я упорно искал место, где сели кеклики. Наконец набрёл на полукрестники следов на снегу. Здесь пробежал кеклик. Вскоре следы оборвались и закончились полукруглыми бороздками от взмахов крыльев. Значит, кеклик остался жив!

Я пошёл обратно по следу «в пята» и обнаружил, что он сел ночью около большого камня и, укрывшись за ним от ветра, благополучно провёл морозную ночь.

Больше я нигде не нашёл следов кекликов. Очевидно, они перелетели ночью через ущелье и сели на противоположном склоне горы. Затратив полчаса на спуск в ущелье и подъём на гору, я начал осмотр. И сразу чуть было не наступил на кеклика. Он сидел в снегу. Виднелся только горбик спинки и втянутая головка. Ещё шаг — и я убедился, что птица замёрзла на голом склоне, по которому всю ночь свистел колючий ветер при двадцатипятиградусном морозе. По следам было видно, что кеклик сел ниже и в темноте бежал в гору. Расстояние между следами от его голых

красных ножек делалось всё короче. Наконец он потоптался на месте и сел. Это были последние шаги в его жизни.

На самом верху склона я нашёл ещё один труп кеклика. Он пробовал бежать вниз. Вероятно, птицы слышали посадку друг друга и некоторое время бежали навстречу. Быть может, вдвоём, прижавшись друг к другу, они бы не замёрзли.

«Сколько же губят в горах кекликов лисицы в морозные ночи?» — думал я, держа в руках заледенелый пуховый комочек. Кеклик, как живой, сидел у меня на ладони, втянув в плечи головку с огненно-красным клювом. Резкие чёрные полоски по бокам и чёрный ошейник на подбородке казались особенно яркими на пепельно-сером оперении.

КОВАРСТВО БАРСА

В Бартугайском охотничьем хозяйстве каждое лето ведётся учёт горных козлов. Дело это не лёгкое. Попробуйте подсчитать этих неуловимых горных красавцев, как ветерок порхающих по кручам! Их и сравнивать нельзя с овечьей отарой.

При учёте горных козлов самое главное, кто кого первый заметит. От этого и зависит удача. Вот почему мы с егерем Петренко на животах всползали на седловину между двух вершин и осторожно осматривали склон горы за перевалом, выглядывая из-за больших камней.

Горных козлов мы заметили сразу. Метрах в трёхстах от нас они взволнованно бегали взад и вперёд на седловине, по ту сторону ущелья. Козлы то убегали от края седловины, как-то нехотя оглядываясь и останавливаясь, то энергичными прыжками возвращались обратно. Насторожив уши, они заглядывали вниз, тревожно переступая и топая передними ногами.

Долго нельзя было понять странное поведение

козлов. Что же им надо? Почему их, как магнитом, притягивает к краю обрыва?

— Что это с теками? — прошептал я.

— Смотрите туда! — И егерь показал вниз.

Только теперь я заметил, как что-то серое пошевелилось на каменистой россыпи ниже седловины, на которой металась горная козла в сильнейшем возбуждении. Я направил туда бинокль, и стало хорошо видно, что крупный снежный барс медленно шёл по камням, но не к козлам, а куда-то в сторону, не глядя на них. Он был в ста метрах ниже седловины.

Когда козлы отбежали, барс несколькими огромными прыжками взлетел выше по россыпи и опять медленно зашагал в сторону. Вид у него был ленивый и добродушный, как будто ему никакого дела не было до козлов, словно бы он шёл в сторону по своим делам.

Горные козлы снова и снова как заморожен-

ные подбегали к краю седловины, заглядывали вниз на барса и отбегали от края.

Мы с интересом следили за странным поведением животных. Барс был уже недалеко от седловины. Едва козлы снова отбежали от края, как хищник десятиметровыми прыжками вспорхнул, словно на крыльях, под самый край седловины и замер там, спрятавшись за камень, такой же серый и пятнистый, как и он сам. Козлы опять вернулись и прыжками понеслись к краю седловины.

— Сейчас он повалит одного из этих дураков! — проворчал егерь, поднял карабин и выстрелил вверх.

Минута — и всё стихло, только зашуршали и покатились камешки из-под копыт козлов, когда они рванулись вверх и сразу скрылись за перевалом. Барс исчез так мгновенно, что мы даже не заметили, куда он скрылся.

— Говорят, лягушки и мелкие птички, как увидят змею, сразу теряются и сами приближаются к своей смерти, — сказал Петренко, когда мы встали и пошли дальше. И вдруг воскликнул: — А сколько было техков, мы забыли сосчитать из-за этого барса!

ХРОМАЯ ЛИСА

Зимняя ноябрьская ночь тянется бесконечно. На далёком кордоне в горах вся семья Петренко ложится спать рано. Да и он сам прослушает последние известия у приёмника в десять вечера — и тоже спать.

Утром в шесть часов ещё ночь в горах, а уже не спится. Охотник вышел на улицу, чтобы дать овса коню. На рассвете он собирался ехать в горы. С вечера шёл снег, и все ночные следы в горах будут свежими. Небо под утро очистилось от облаков, покрылось звёздами, предвещая яркий, солнечный день.

В горах отчаянно закричали кеклики и сразу стихли.

Лиса опять наткнулась на табунок. «Ну погоди: рассветёт, я тебя выслежу!» — решил охотник. Посвечивая карманным фонариком, он насыпал овса в кормушку лошади.

Когда рассвело, Петренко без труда нашёл место ночёвки кекликов. Судя по остаткам, лиса съела и задавила двух. Остальные улетели в темноту ночи.

Чёткая цепочка следов лисы повела охотника вниз, в ущелье, заросшее кустами барбариса и жимолости. Следы ушли в кусты, забитые снегом. Охотник осторожно обошёл заросли. Выходных следов не было. Значит, сытая лиса залегла на день в кустах и затаилась. Его шаги она, конечно, давно услышала.

Камень полетел в заросли и громко стукнул там о стволы барбариса. Веером брызнули в разные стороны чернозобые дрозды. Возмущённо закричал крошечный крапивник. Раздался шорох сухой прошлогодней полыни, но всё опять стихло. Лиса вскочила с лёжки, но покинуть заросли не решалась.

Ещё один камень полетел в кусты и упал где-то недалеко от лисы. Она сразу же выскочила на другой стороне зарослей и метнулась вверх по склону горы.

Хотя стрелять было и далеко, но заряд картечи всё же хлестнул по камням около лисицы. Она ткнулась носом в россыпь, но сейчас же оправилась и на трёх ногах быстро перевалила через хребет. Преследовать легкораненую лису было бесполезно. Охотник вернулся домой.

Через три дня Петренко встретил трёхногий лисий след в километре от кордона. Это была «его» лисица!

А через неделю он увидел двух лисиц на склоне горы. Вторая лиса бежала на трёх ногах, приподняв правую переднюю. Весь месяц обе лисы были очень осторожны, но жили около кордона. Дальше десяти километров они не убегали. Раненая лиса стала бегать на всех четырёх, сильно хромая. Следы её хорошо отличались от других лисьих следов.

Зимой, в начале декабря, лисицы в горах живут

поодиночке. Петренко не мог понять, почему это раненую лису всё время сопровождает вторая. Двойные следы встречались постоянно. Как только выдавалось свободное время, егерь седлал коня и хоть на часок да уезжал в горы, чтобы посмотреть свежие следы «своих» лисиц. Но они упорно хранили свою звериную тайну, и по их следам невозможно было понять причину странного нерушимого союза.

И, как это часто бывает, разгадка всё же пришла, когда о ней меньше всего думал охотник.

С вечера шёл снег. К полуночи небо усыпали звёзды, и утром в горах были только свежие следы.

Накануне приезжал чабан сказать, что в ущелье Карасай замечены следы двух барсов.

Петренко рано утром оседлал коня, захватил ружьё и поехал искать барсов. Мушкет послушно затрусил сзади лошади.

Не отъехал он и километра от дома, как увидел следы «своих» лисиц. Они пересекли дорогу и в кустах напетляли в разных направлениях. Петренко торопился, но всё же решил задержаться, чтобы разобраться в следах. Чем же они там занимались?

По следам было видно, что здоровая лиса задавила в кустах зайца и ела его. Раненая сидела рядом и смотрела. Слюна капала у неё изо рта и замерзала шариками около следов от передних лап. Наевшись, лиса улеглась тут же под кустом. А раненая лиса схватила остатки зайца, отбежала в сторону и положила на снег. Но тотчас переложила его подальше и только тогда съела.

Загадка больше не существовала: здоровая лиса водила за собой больную и кормила её. Это был замечательный пример взаимопомощи у диких животных!

Прошёл ещё месяц. Лиса перестала хромать. Следы её смешались с другими. Двух лисиц вместе Петренко больше не встречал. Вероятно, лиса поправилась и больше не нуждалась в помощи другой.

НЕПОБЕДИМЫЙ

Вот уже несколько зим старый кабан-секач оставлял свои огромные следы по ночам на снегу около самого кордона, как бы смеясь над Петренко. И каждое утро после такого вызова егерь до глубокой ночи преследовал кабана, но каждый раз секач первым замечал охотника. Только несколько раз охотник видел его мельком в тугаях, но стрелять было слишком далеко. Самолюбие Петренко было задето.

В начале этой зимы снег выпал только в конце ноября. Он шёл весь день и перестал только к полуночи. Такую порошу нельзя было пропустить, поэтому рассвет застал Петренко далеко от дома. Верхом на коне, с Мушкетом на сворке он ехал к ущелью Сарентас — излюбленному месту кормёжки диких свиней в это время года.

Солнце ещё не поднялось над горами, но уже осветило горные вершины. Тёмно-синие тени ущелий быстро таяли: ночь отступала перед безоблачным ярким днём. Кеклики на скалах громко перекликались, как петухи в деревне. Где-то в горах лаяла лисица. Подковы коня звонко цокали по камням, едва прикрытым первым пухлым снегом.

Через два часа Петренко слез с коня на вершине ущелья Сарентас. Ведя лошадь в поводу, охотник начал спускаться. Снег ровным слоем запорошил ущелье. Всюду виднелись лисьи следы. По ним нетрудно было понять, что ночью лисицы ловили полёвок — бисер их следов во многих местах тянулся от одного камня к другому. Лисицы улеглись на днёвку где-нибудь неподалёку, но Петренко было сейчас не до них. Он торопливо спускался всё ниже по ущелью, таща за повод коня, который скользил и упирался на крутых спусках. Следов диких свиней не было видно. Но каждый год в это время он стрелял их здесь. Ничто не изменилось в горах за эти годы, и Петренко не сомневался в успехе.

Наконец за крутым поворотом ущелья показались следы огромного кабана-одинца. Следы были двойные: они шли в боковую щель вверх и обратно вниз. Но где находился зверь — вверху или внизу, установить было невозможно. Следы были одинаково свежи и ещё не затвердели на свежем морозце. Кабан прошёл здесь совсем недавно. Он проваливался и сорил на чистом белом снегу комочками дресвы и мелкими камешками, которые он выбрасывал копытами из земли. Следы были настолько большие, что походили на коровьи. Секач был, видимо, очень крупный.

Петренко привязал коня к камню и наугад пошёл вниз. Однако вскоре следы сделали петлю и повернули обратно в гору, мимо привязанного коня. Охотник стал подниматься в гору, шагая рядом со следами кабана. За первым же поворотом следы вышли на крутой южный склон. Снег здесь сдуло ветром, и следы были незаметны. Петренко пустил вперёд собаку. Она уверенно пошла по следу, нюхая камни и повизгивая от нетерпения: кабан был близко.

Ещё крутой поворот, и за ним вся щель оказалась заросшей кустами шиповника, таволги и дикой вишни. Собака остановилась на опушке кустарниковой заросли, заворчала, шерсть у неё на загривке поднялась дыбом. Кабан лежал где-то тут, в кустах.

На крутом подъёме Петренко отстал от собаки метров на двести и сильно запыхался, пока догонял её.

— Взять, Мушкет!

Собака бросилась вперёд, и тотчас кусты затрещали, и совсем рядом, в каких-нибудь десяти метрах, из зарослей поднялось косматое чёрное рыло кабана, с мощными белыми клыками. Зверь сел на зад, по-собачьи приподнявшись на передних ногах.

Стараясь подавить одышку, Петренко прицелился в голову кабана. Но концы стволов так и ходили ходуном. Спуск курка совпал с прыжком зверя, и круглая пуля громко шлёпнула вместо головы по бронированной шее, не причинив вреда. Кабан испуганно

икнул и кинулся на собаку. Но Мушкет отскочил вверх по откосу горы. Кабан бросился за ним, но вдруг повернул на Петренко, который боялся стрелять, чтобы не ранить собаку. Только теперь он вскинул ружьё и выстрелил из второго ствола. Пуля жалобно запела, отскочив от продолговатого черепа зверя, задев его вскользь. Кабан быстро приближался, треща кустами и ухая. Оба ствола были разряжены. Сердце охотника забилося, и он выхватил нож, прекрасно сознавая, что это не спасёт его от расправы кабана. Но в последний момент Мушкет подскочил сзади и укусил кабана. Этим он отвлёк внимание зверя на себя, — секач опять бросился на собаку. Удаляясь, кабан то бросался на нее, то поднимался по склону. Оба перевалили через гребень и скрылись.

Вздых облегчения вырвался из груди охотника — смерть только что смотрела ему в глаза!

Зарядив ружьё, Петренко поднялся на гребень перевала. Глубокая щель шла вниз, и снег в ней был истоптан большим табуном диких свиней. Они только что паслись здесь — от их помёта ещё поднимался пар. Мушкета и секача не было видно.

В боковом отщёлке, куда ушли следы свиней, тревожно закричал кеклик. Петренко посмотрел туда и увидел Мушкета, рысцой бегущего к нему. Но вот он круто повернул в соседнее ущелье и понёсся вниз, опустив голову и нюхая следы на камнях.

Поведение собаки было понятно. Она увязалась за табуном свиней, когда они бросились вверх по ущелью, но потом вернулась и погналась опять по следу секача.

Следы собаки и секача то были хорошо видны на снегу, то терялись на голых камнях. Петренко бегом спускался по ним. Справа показалось глубокое ущелье, заросшее кустами. Далеко внизу за поворотом слышался лай Мушкета. Собака стояла на выступе скалы и с азартом лаяла на заросли внизу. Но в них не шевелилась ни одна ветка. Было ясно, что кабан затаился здесь.

Петренко подбежал к собаке и послал её вперёд, а сам пошёл следом за ней с ружьём наготове. Мушкет с лаем скрылся в кустах.

Вдруг впереди раздался треск, уханье кабана, жалобный визг Мушкета. Недалеко закачались вершинки кустов, и Мушкет с визгом выскочил из зарослей. Он лёг у ног хозяина и началлизывать бок.

Петренко вздохнул с облегчением — раны у собаки не было. Кабан только слегка ушиб её. Очевидно, зверь подмял под себя густые заросли, когда бросился на Мушкета, они прикрыли собаку от смертельного удара клыков.

Немного отдышавшись, Мушкет опять с лаем бросился в заросли. Всё повторилось, как в первый раз, — невидимый кабан бросался на собаку, та с визгом отскакивала и снова лаяла. Петренко подобрался по

зарослям ближе и шесть раз выстрелил по мелькающей в просветах чёрной туше зверя. Но ветки мешали пулям, и выстрелы были сделаны напрасно. Больше пулевых патронов не было. Петренко зарядил ружьё последними патронами с картечью и дробью. Улучив момент, когда собака отскочила, он выстрелил по кабану картечью, но и картечь не задела его. Кабан яростно заухал и бросился обратно в заросли, прямо на охотника. Впереди оказалась прогалина, и разъярённый зверь, выскочив на неё, остановился, стуча клыками и брызгая пеной. Петренко выстрелил по нему дробью — это была ошибка, которая могла дорого стоить: кабан кинулся на безоружного человека.

Бросив ружьё, охотник что есть силы побежал вверх по склону, каждое мгновение ожидая страшного удара клыками сзади. Секунды показались ему вечностью. Напрягая все силы, он бежал, а удара всё не было. Петренко оглянулся. Кабан гнался не за ним, а за собакой: верный пёс вовремя набросился на зверя сзади и отвлёк его внимание на себя. Мушкет и кабан опять скрылись в зарослях. Охотник бесильно опустился на камень, Мушкет снова избавил его от клыков секача...

Вскоре собака вернулась с высунутым языком и улеглась у ног хозяина. Охота была окончена...

Через месяц следы кабана-секача опять были обнаружены Петренко около самого кордона. Зверь ночью прошёл по небольшому незамерзающему родничку, срывая траву в воде только справа от своего следа — очевидно, дробью ему повредило левый глаз. Срок охоты на кабанов кончился, и Петренко долго с удивлением рассматривал страшные следы.

Через год, когда опять начался сезон охоты, Петренко не видел больше следов старого кабана. Знакомые лесорубы говорили, что видели небывало крупные следы кабана-секача в горных ельниках за несколько десятков километров от кордона. Возможно, секач перекочевал туда.

ТРИ ВСТРЕЧИ С СЕКАЧОМ

Глубокое ущелье Карасай в конце Заилийского Алатау с северной стороны разрезано узкими лощинами, заросшими барбарисом, бояркой и жимолостью. На южных склонах Карасая всё выжжено солнцем.

По дну такого ущелья и шёл в то утро Петренко со своим Мушкетом. Он приехал сюда поохотиться на кекликов. Но свежие пятна взрытой земли и крупные следы показывали, что огромный кабан-секач каждую ночь пасётся здесь, на дне ущелья.

Петренко остановился и внимательно посмотрел на склоны Карасая. Кабан мог залечь на северной стороне, в одной из заросших кустами ложбинок. Но в которой? Это мог подсказать только нос Мушкета.

Ветерок слабо тянул снизу. Охотник взобрался на верх северного склона Карасая и пошёл, заворачивая в каждую ложбинку, заросшую кустами. Там Мушкет поднимал морду, нюхал воздух и долго не проявлял ни малейшего волнения. Но в одной из ложбинок собака насторожилась, усиленно стала принюхиваться и вилять хвостом. Уши её приподнялись. Осторожным крадущимся шагом Мушкет двинулся вниз по краю густых зарослей кустарника. Петренко стал спускаться за Мушкетом, стараясь не отстать. Он хорошо научился понимать поведение своей собаки — Мушкет зачуял зверя! Конечно, это был кабан, следы которого видел охотник на дне Карасая!

На середине спуска Мушкет остановился против самых густых кустарников, шерсть на его загривке вздыбилась, собака остервенело залаяла, глядя в одно место зарослей. Петренко видел, куда смотрит собака, но там не шевелилась ни одна веточка. Зверь затаился и не выдавал своего присутствия. Охотник, волнуясь, поднимался чуть выше собаки, спускался ниже и ничего не мог рассмотреть. Время шло. Мушкет стоял на одном месте и злобно лаял на всё ущелье. Надо было что-то решать.

На несколько шагов ниже Мушкета тянулась узенькая, длинная полянка. Только отсюда можно было удачно выстрелить по кабану.

— Возьми, Мушкет! — крикнул Петренко, указывая левой рукой на прогалину в кустах, а в правой держа ружьё наготове.

Мушкет перестал лаять, опустил хвост и посмотрел прямо в лицо хозяину.

— Возьми, возьми! — подтвердил своё приказание охотник.

Тогда Мушкет словно очнулся и в несколько прыжков оказался на полянке. Там он остановился, повернулся опять к той же магической точке в кустах и, поджав хвост, злобно залаял. И сразу перед ним, как внезапным ураганом, кусты с громким хрустом пригнулись, и огромная бурая туша так стремительно кинулась вниз, что Мушкет не успел отскочить и был подмят. Петренко вскинул было ружьё к плечу, но кабан уже скрылся по ту сторону полянки в густых кустах. Всё это произошло буквально за какой-то миг.

Треск и топот быстро стихли внизу. А на полянке корчился и скулил Мушкет. Кабан успел нанести ему молниеносный удар клыком.

С окровавленной собакой на руках Петренко поскакал домой.

Как раз в это время я приехал к Петренко и поджидал его. Вдвоём мы оказали, как могли, помощь Мушкету и уложили его в комнате на полушубок. Ветеринарных больниц в глухих далёких горах не бывает. Вся надежда была на «целебный» собачий язык, способный зализывать и излечивать раны. И мы не ошиблись — Мушкет быстро поправился.

В тот вечер, сидя на крылечке, Петренко рассказал мне обо всех подробностях этой охоты.

* * *

Едва рассветает, заботливая Петровна уже грочет ведром в хлеву, и звонкая струя молока начи-

нает хлестать в подойник. Тогда просыпается и свинья в загоне рядом. Она долго сидит, как собака, на задних ногах, опершись на передние, и внимательно следит за хозяйкой, пошевеливая лопухами ушей.

После дойки корову выгоняют на улицу. Всю зиму она пасётся на бесснежных южных склонах гор.

Свинья не даёт Петровне отнести домой молоко: требовательный, душераздирающий визг, от которого трясутся стёкла в окнах, заставляет сейчас же выпустить и свинью. Во всю силу своих коротких ног она мчится вслед за коровой. Их дружба удивляла всех. Весь день они неразлучны и вечером степенно идут домой — впереди корова, за ней свинья.

Но однажды наступила ночь, а корова и свинья не вернулись домой. Зимой в горах бывали волки, встречались и следы снежных барсов, да мало ли что могло случиться с коровой и свиньёй! Потеря их для семьи Петренко была бы катастрофой. Огонь в окне горел всю ночь. Петровна почти не спала.

Едва стало светать, Петренко оседлал коня и, забросив винтовку за плечи, ускакал в горы искать животных.

Накануне выпал снежок, и следы вскоре показали, что корова и свинья пошли вечером не домой, а в горы. И — странное дело — впереди шла свинья, а за ней корова, тогда как всегда было наоборот. Ничего не понимая, километр за километром Петренко удалялся всё дальше от дома.

Так он проехал больше пяти километров. Взошло солнце. Закричали в скалах кеклики. Позвякивали подковы по камням, поскрипывала кожа седла, а цепочка следов всё дальше уходила в гору и скрылась за крутой поворот ущелья.

По следам было видно, как свинья бешеными скачками бросилась вперёд за следующий поворот ущелья. Корова поплелась усталыми шагами за своей приятельницей.

За поворотом по всему дну ущелья были видны

следы проходящего здесь стада диких свиней. Значит, домашняя увязалась за ними. Через несколько поворотов Петренко увидел корову. Она лежала около густых зарослей тростника и спокойно пережёвывала жвачку. Рядом растянулась свинья.

Протяжным мычанием корова приветствовала хозяина. Её «вероломная подруга» приподняла голову, хрюкнула и снова повалилась на бок.

Петренко облегчённо вздохнул и слез с коня. С его скотом ничего не стряслось плохого, это самое главное. Всё кругом было истоптано следами диких свиней.

Ночью они здесь останавливались на кормёжку.

Петренко взглянул на густые заросли тростника по берегу ручья на дне ущелья. Туда уходили крупные и глубокие следы дикого кабана. «Не залёг ли он там?» — подумал охотник, взял в руки винтовку и пошёл к зарослям. На ходу он сунул руку в карман за патронами и только тогда вспомнил, что забыл их дома на окне. Но один патрон в стволе был.

«Стану стрелять только наверняка», — решил Петренко, осторожно приближаясь к зарослям. Охотничий азарт уже всецело овладел им.

Перед зарослями ручей разлился в широкую лужу метров на пятьдесят шириной и покрылся льдом. Охотник с разбегу озорно вскочил на лёд и прокатился до середины.

Вдруг перед ним затрещал тростник и вскинулась огромная чёрная голова кабана. Зверь стоял у кромки зарослей, злобно смотрел на охотника маленькими глазами и клацал клыками. Оба его уха приподнялись над головой.

Винтовка сама взлетела к плечу, и по ущелью раскатился выстрел. Зверь громко ухнул и бросился на охотника, мотая окровавленной головой.

В два прыжка он перекрыл расстояние до кромки зарослей. Третий прыжок вынес его многопудовое тело на лёд. Но тут ноги кабана поползли в разные стороны, и он упал в нескольких шагах от охотника.

Всё это заняло какие-то две-три секунды!

Петренко бросился назад, но поскользнулся и тоже упал во весь свой богатырский рост. Зверь и охотник бились на скользком льду рядом.

Человек поднялся первым, и сразу дерзкая мысль, навеянная азартом, заставила его схватиться за нож у пояса. Но... он тоже остался дома и спас этим горячего хозяина, вероятно, от большой беды.

Петренко уже выбрался на твёрдый берег, а кабан всё ещё бился на льду, размазывая по нему кровь. Оба кончика его ушей были пробиты пулей, но голову зверя она не задела. Зверь то поднимался на передние ноги, волоча зад, то с грохотом падал на морду, буксуя задними ногами. Его грозное уханье сменилось жалобным взвизгиванием. Наконец, растопылив копытца, он кое-как приподнялся надо льдом. Добравшись до зарослей, кабан бросился удирать. Пробив тростники, он выскочил на крутой горный склон и легко понёсся вверх по камням, задрав хвост.

Петренко следил за ним, пока кабан не перевалил через хребет. «В Карасай ушёл», — решил охотник.

* * *

Прошёл год. Снова наступила зима. Петренко однажды рано утром выехал в горы вместе с лесником Лихачёвым и его собакой Орлом. Мушкет тоже бежал за лошадью своего хозяина.

Вот и глубокое ущелье в вершине Карасая. Солнце только что поднялось над горами. Охотники слезли с лошадей, и Лихачёв в бинокль стал смотреть вниз.

— Кабан! — воскликнул он.

И в самом деле, далеко внизу дно ущелья Карасая было покрыто свежими рывтинами, а среди них стоял огромный кабан. Он уже не рылся, а поднял голову и смотрел на охотников. Вдруг собаки зарычали и сцепились в яростной драке — только этого ещё не доставало! С трудом их растащили в стороны.

Кабана на дне ущелья уже не было. В бинокль увидели его ниже, на середине северного склона Карасая. Собачья шумная драка спугнула его.

— И нужно же было им сцепиться так не вовремя! Говорил ведь, не бери своего дурака! — проворчал Петренко.

А собаки снова схватились «врукопашную». На этот раз их разняли с ещё большим трудом, и они, скуля, принялисьлизывать раны.

Из-за собак охотники потеряли кабана из виду. Вероятно, он залёг в одном из боковых северных отщёлков. Решено было проверить их.

Лихачёв свёл лошадей вниз, привязал их там, а сам с Орлом спрятался в засаде в конце первого отщёлка. Петренко прошёл хребтом и пустил Мушкета вниз с вершины в этот же отщёлок. Но собака быстро вернулась. Значит, кабан залёг дальше.

Лихачёв низом перебежал и затаился у начала следующей ложбины. Но и в ней Мушкет не обнаружил кабана.

Так, переходя от одного отщёлка до другого, охотники долго искали зверя. Лихачёв внизу перебегал от засады к засаде. А Петренко шёл верхом.

Вот и знакомая ложбина с зарослями кустарников, где в прошлом году кабан ударил Мушкета. Не в ней ли опять кабан? И в самом деле, шерсть на загривке у собаки начала подниматься. Походка сделалась крадущейся. Мушкет громко залаял в середине зарослей, почти в том же месте, что и в прошлом году. В низу ложины выглянул из-за камня Лихачёв и опять спрятался. Петренко бегом спустился к собаке. Всё как и в тот раз, даже узкая полянка всё ещё не заросла. Но она уже раз подвела.

Как охотник ни вглядывался, кабана не было видно. А Мушкет всё лаял, как пальцем указывая носом в одну точку. Петренко взобрался на камень, но и с высоты секача не было видно. Охотник спустился немного ниже собаки, поднялся выше — всё без

толку! Тогда он решил обойти заросли с другой стороны. Отозвав Мушкета, он поднялся метров на сто выше, перешёл заросли там, где они уже стали редкими, и стал спускаться. Мушкет снова залаял в середине зарослей, смотря теперь в другую сторону.

Но и отсюда кабана не было видно, как охотник ни вглядывался. Прошло минут двадцать, выход был только один: опять послать Мушкета выгнать кабана, и Петренко крикнул:

— Возьми!

Мушкет без колебаний бросился с лаем в заросли.

Ему навстречу вздрогнули кусты, и невидимый секач где-то под кустами кинулся на собаку.

С отчаянным «ай-ай-ай!» Мушкет ракетой вылетел из зарослей под ноги Петренко. Прошлогодний урок научил его быстрому отступлению.

Кабан остановился и вернулся на прежнее место, так и оставаясь невидимкой в густых кустах. Но одна вершинка куста время от времени стала вздрагивать. Значит, зверь стоял под ней. Петренко сразу понял это. Его волнение достигло предела. Ладони вспотели. Он обтёр их о штаны и снова положил палец на спуск. Вторично посылать собаку было рискованно.

Вершинка одного из кустов опять пошевелилась.

Петренко решил стрелять наугад. Он прицелился, примерно рассчитав, где может быть туловище зверя, и выстрелил. Кабан ухнул и бросился вниз по кустам, легко пробивая их своей тяжестью. Мушкет с лаем мчался рядом с ним по опушке зарослей.

Как ураган, зверь в несколько секунд с треском промчался через заросли, и вдруг там всё стихло. Лай Мушкета сменился злобным рычаньем — он боролся с секачом!

Петренко что есть силы бросился на выручку псу.

— Не подходи близко, не подходи! — кричал Лихачёв, торопливо поднимаясь и посылая Орла вперёд.

Но его собака, зачуяв кабана, поджала хвост и трусливо убежала вниз к лошадям.

К счастью, бояться было нечего. Мушкет остервенело грыз убитого кабана!

Охотники с трудом стащили тушу вниз, сняли шкуру и разрубили на части мясо. В животном оказалось более десяти пудов мяса и до двух пудов сала. На обоих ушах у него были дырки от прошлогодней пули Петренко. Но что более всего удивило охотников, это сердце кабана — оно было пробито насквозь круглой свинцовой пулей, и могучий зверь пробежал после этого ещё метров сто пятьдесят!

НЕОЖИДАННЫЙ ТРОФЕЙ

Больше часа мы шли среди зарослей барбариса, обленихи и лоха. Неудачи преследовали нас. Фазаны поднимались слишком далеко или за кустами, а один яркий красавец петух с криком вылетел из-под ног и полетел прямо на моего товарища. Ни мне, ни ему стрелять было нельзя, петух благополучно свернул в сторону между двумя кустами.

Наша собака сердито залаяла около огромного густого куста барбариса.

— Вероятно, там барсук, сейчас она его выгонит! — крикнул товарищ.

Мы перезарядили ружья на патроны с картечью и стали с двух сторон куста. Товарищ крикнул:

— Вперёд! Взять его!!

Собака с лаем бросилась вперёд.

Раздался треск, и вдруг вместо барсука прямо на меня выскочил громадный кабан-секач, стуча клыками и брызгая пеной! На какой-то миг чёрное страшное лицо приостановилось. У меня сразу противно пересохло во рту, и, сознаюсь, я до сих пор не помню, как получилось, что моё ружьё выстрелило. Руки сами собой вскинули его, приклад упёрся в плечо там, где нужно, а палец нажал спуск — и грохнул выстрел. Всё это было сделано почти бессознательно.

Навек запомнилось, как ухнул кабан и рванулся в сторону, преследуемый нашей собакой. Треск по кустам и остервенелый лай стали быстро удаляться, потом всё стихло.

Мы бросились по следу. Через полторы сотни метров лежал кабан без признаков жизни. Собака вцепилась в него мёртвой хваткой, злобно рычала и тряслась всем телом.

Мы стояли перед нашим неожиданным трофеем и не знали, что с ним делать — в кабане было не менее восьми пудов.

На наше счастье, подъехал чабан на низкой мохнатой лошадёнке. Старик был одет в ватный халат, подпоясанный полотенцем. На голове у него был лисий малахай.

— Ой-бой, какой чушка! — И казах с омерзением плюнул прямо на наш трофей. По его глубокому убеждению, кабан был поганым животным.

— Довези, дедушка, кабана до кордона! — обратился я к чабану.

— Што ты, товарищ? Закон не велит. Шофёра с машиной кричите! Как это ты его?

— Да вот собака из кустов выгнала. И не ожидали, что там кабан, думали, барсук!

— Что ты, товарищ! Чушка следы оставляет. Пошто не видел. Слепой, что ли? Ай, ай, ай... — И старик укоризненно покачал головой. Он был явно невысокого мнения о наших способностях следопытов.

Но деньги оказались выше религиозных предрассудков, и старик согласился дотащить волоком нашу жертву до кордона егеря, где мы остановились. Чабан слез с коня, отвязал аркан и подал мне: он сам не хотел пачкать руки о свинью.

Мы крепко привязали конец аркана за рыло кабана, а другой конец за седло. Старик потянул за повод лошадёнку. Она дёрнула, сгорбилась и с трудом потащила за собой тушу.

Петренко совсем не удивился изумительной удаче

городских охотников, хотя мы впервые в жизни видели кабана и так легко добыли его, что даже не успели испугаться. Мы наперебой рассказывали ему все мельчайшие подробности, а он только из вежливости слушал нас, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. На его охотничьем счету было более сорока кабанов, и наш трофей был необычным только для нас.

Едва мы замолчали, как Петренко снял с гвоздя на стене мелкокалиберку и шагнул к выходу.

— Куда вы?

— Я скоро! — раздалось уже в сенях.

Вернулся егерь, когда стемнело, и бросил у крыльца вязанку из четырёх убитых лисиц.

Оказалось, он спрятался в куст в километре от кордона около следа, оставленного тушей кабана. Прошло немного времени, и первая лисица показалась из-за горы. Опустив нос к земле, она бежала следом по волоку. Там, где чабан обводил коня вокруг куста или большого камня, лиса спрямляла и опять бежала точно по следу.

Пуля от мелкокалиберки шлёпнула в лоб лисе, и она упала как подкошенная.

Петренко перебежал сотню метров дальше по следу и снова спрятался. Вторая лиса и остальные тоже повстречались с пулями, а не с тушей кабана. Темнота не позволила егерю увеличить число трофеев: лисиц в тот год в горах было больше, чем зайцев. Вечером мы с удовольствием поужинали жареной кабаньей печёнкой.

ЗА ТЕКАМИ

Вечером повалил снег. Ветра не было. И снежинки опускались вертикально, как-то особенно медленно, в полнейшей тишине. В середине ночи снег перестал. Все старые следы надёжно засыпаны в Снежной книге гор, и только совершенно свежие говорили о том,

что в конце каждого следа где-то недалеко идёт или лежит зверь. Наступили лучшие часы для охоты.

Рано утром Петренко выехал из дома верхом на лошади, с Мушкетом. Охотник направился в верховья ущелья Бурунсай.

Грамотный глаз следопыта с каждым километром «перелистывал» всё новые и новые страницы Снежной книги.

Множеством следов-полукрестиков горные куропатки—кеклики—напетляли в кустах на дне ущелья. По следам было видно, что птицы рылись в снегу, подскакивали, склёвывая почки с кустиков дикой вишни. Но с каждым шагом коня следы кекликов сбегались вместе и обратились в глубокую тропинку, убегающую вверх по ущелью. Охотник улыбнулся и подумал: «Это они меня увидали и бегут гуськом где-то близко впереди. Сейчас я их догоню!» Он заставил коня перейти на рысь, и сразу из кустов с шумом и криком взлетел табунок кекликов, метнулся к каменистой россыпи и сел там.

«Кек-елик! Кек-елик!» — на всё ущелье закричал кеклик-самец, вскочив на камень. Мушкет бросился было к кекликам, но свист хозяина вернул его обратно.

На снегу часто встречались следы лисиц и зайцев. Но охотнику нужны были следы горных козлов — теков.

И он увидел их. На склоне последнего подъёма к Бурунсаю шесть свежих козлиных следов протянулись к верховью ущелья. Пускать по ним собаку не было смысла — вряд ли ей удастся завернуть обратно быстроногих животных. Петренко поехал дальше, но, оглянувшись, с досадой увидел, что Мушкет умчался по следам теков. Вернуть его было уже невозможно.

— Зря только устанет собака! — проворчал охотник и, немного расстроенный, поехал дальше по левому склону ущелья Бурунсай.

До вершины оставалось ещё с полкилометра, ко-

гда сзади раздался шорох — шесть козлов неслись мимо, а за ними гнался Мушкет. Животные так быстро промчались, что охотник не успел соскочить с лошади и снять ружьё.

Огорчённый неудачей, Петренко смотрел вслед убежавшим и мысленно ругал себя — ведь он же знал это место перебежки теков! Хотя и редко, но были случаи, что Мушкет заворачивал их сюда с верховьев Бурунсая!

Делать было нечего, и Петренко поехал вверх по щели.

Показался боковой отщёлок, впадающий в Бурунсая. Здесь тоже не раз пробегали козлы. Петренко задумал сесть здесь в засаду и ждать возвращения Мушкета. Но чтобы не мешал конь, охотник решил отвести его повыше и привязать там. Отстегнув от седла сумку с провизией и оставив её на месте засады, Мартын Павлович повёл коня по отщёлку выше. Едва он прошёл сотню метров, как послышался лай Мушкета. Петренко оглянулся и обомлел: три козла перебежали ущелье около оставленной сумки и за ними Мушкет — старательный пёс вернул животных и гнал на хозяина, опоздавшего укрыться в засаде.

Вторая неудача окончательно расстроила Петренко. Он лёг и стал ждать Мушкета. Через полчаса собака пришла шагом, с высунутым чуть ли не до земли языком. Видно было, что она поусердствовала из всех сил и утомилась.

— Ну, отдохни, Мушкет, ляг! Моя вина, а ты работал хорошо, — ласково обратился к собаке охотник.

Мушкет вильнул хвостом и не лёг, а упал на снег у ног хозяина.

Петренко всё не мог решить: возвращаться ли домой, раз день начался так неудачно и собака уже изрядно устала, или ещё поискать теков? Впрочем, надежда на успех ещё не пропала — ведь Мушкет пригнал трёх теков, а их было шесть. Значит, три остались, и их можно попытаться завернуть.

— Ищи, Мушкет, взять, взять! — крикнул Петренко, когда собака привела дыхание в норму.

Мушкет вскочил и сразу побежал в отщёлок — он сам знал, что там ещё остались теки.

Охотник залёг в камнях около своей сумки, где пробежали три тека, рассчитывая, что остальных трёх Мушкет прогонит здесь же.

Прошёл час напряжённого ожидания. Петренко так замёрз, лёжа на камнях, что никак не мог удерживать неприятную дрожь в теле.

Вдруг... шорох где-то рядом, снизу. Петренко схватил ружьё и оглянулся — это шагом брёл Мушкет: значит, он перегнал теков на полкилометра ниже, там, где был такой же отщёлок в сторону. Тот переход тоже был хорошо знаком Петренко. Но разве угадаешь, где засесть, раз так не везёт с самого утра?! Мушкет с виноватым видом, как мешок, рухнул на снег.

С надеждой на авось охотник стал спускаться в ущелье. Мушкет потащился сзади с опущенной головой и хвостом. Но как только Петренко повернул к скалам, Мушкет оживился и побежал вперёд. Это ещё больше ободрило охотника — собака указывала, где остались козлы.

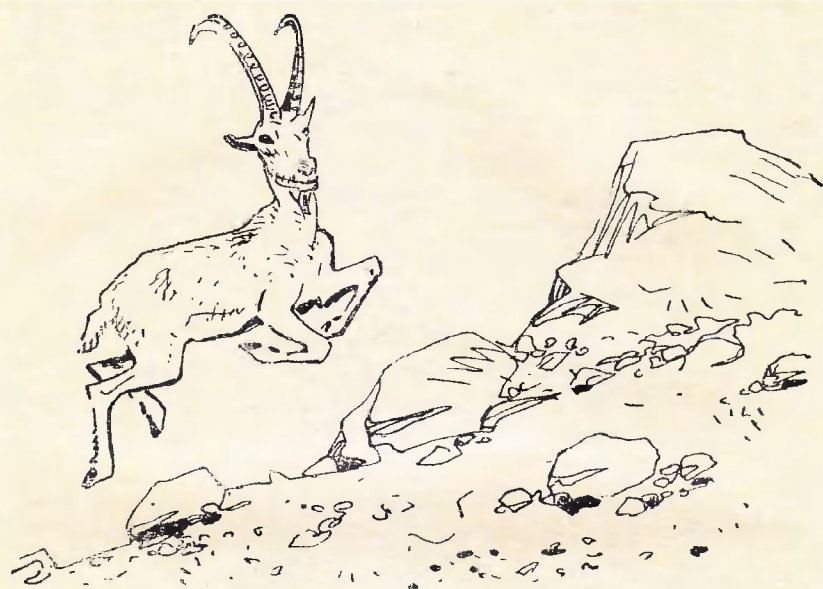
Петренко засел на стыке двух отщёлков, около гребня ущелья.

Прошло больше часа. Солнце перевалило далеко за полдень, когда показался Мушкет. Он шёл по следу хозяина к его засаде. По его виду было понятно, что он опять гонял козлов, но где? Ответить собака, конечно, не могла, и единственно, что нужно было сделать, — это ехать домой.

Петренко встал и пошёл к лошади.

За поворотом ущелья он увидел свежие следы трёх теков и собаки. Это Мушкет прогнал животных с отстойников на скалах мимо сумки с провизией, опять в ту щель, где они были утром.

Вот незадача-то сегодня! Но ведь их можно опять завернуть.

— Возьми, Мушкет! — крикнул Петренко.

Собака понеслась в отщёлок, нюхая следы. А сам охотник вернулся вверх к гребню и засел там.

Ждать пришлось долго. Солнце стало опускаться за горы, надвинулся вечер.

Наконец появился Мушкет. Он стоял метрах в трёхстах и через глубокую щель смотрел на отстойник. Значит, он опять загнал туда теков. Но спускаться далеко вниз у него уже не было сил.

Постояв, Мушкет повернулся и по гребню прибежал к хозяину, оживлённый и сильно уставший: язык висит, чуть не касаясь земли. Умный пёс не ложится, нетерпеливо повизгивает и смотрит на отстойник сверху.

Солнце начало скрываться за горы. Отдыхать было некогда, и Петренко скомандовал: «Возьми!» — показывая рукой ниже отстойников.

Мушкет бросился вниз по отщёлку. Петренко перебежал по гребню и залёг в камнях выше отстойников.

Прошло всего минут пятнадцать, и внизу раздался лай — это Мушкет спугивал теков с уступов скал. И сразу внизу появился козёл. Он прыгал со скалы на скалу, поднимаясь на гребень прямо к охотнику. Крупный козёл с каждой минутой приближался к засаде. Петренко замер в камнях. Вот животное уже рядом, но бежит по самому краешку пропасти — убитый или даже раненый козёл упадёт туда, и вытащить его будет невозможно. Петренко прицелился, но ждал, чтобы тек пробежал это место.

В это время козёл заметил охотника и резко крикнул. Огромными прыжками он бросился в боковой отщёлок. Ждать больше было нельзя, ещё секунда — и он скроется. Грянул выстрел! Животное споткнулось, но справилось и прыгнуло на уступ над пропастью, оглядываясь по сторонам. После второго выстрела козёл с грохотом и шумом сбитых камней полетел в пропасть.

Начинало темнеть. Петренко решил спуститься к своей добыче и сбросить её возможно дальше вниз, куда можно было бы подъехать утром на лошади.

След от упавшей туши протянулся вниз по заснеженному отвесному склону.

Цепляясь за кусты и выступы скал, Петренко начал опасный спуск: чем дальше, тем круче. Один неверный шаг — и можно полететь в пропасть. С большим трудом удавалось спускаться охотнику, и наконец он заметил козла, который застрял на выступе скалы.

Петренко взглянул вверх — выступ недалеко, метров сто. Но втащить туда тушу нечего было и думать. Удастся ли ему самому подняться обратно? Оставалось одно — сбросить тушу ещё ниже, чтобы она скатилась до дна, где к ней можно будет подъехать на лошади.

Так он и сделал. Туша с шумом полетела вниз. Вечерние сумерки скрыли её, и только было слышно, как она шуршала по снегу крутого склона, а потом

далеко внизу загрохотала камнями по осыпи. Шум стих внизу, на дне отщёлка.

С исцарапанными руками, мокрый, с трясущимися ногами, Петренко выбрался наверх в полной темноте. Он сел на камень отдохнуть, думая о том, что заставляло его идти на риск и такой труд. Какое безумие! Эти мысли раскаяния возникали не в первый раз в минуты упадка сил, но его неукротимый охотничий азарт был неиссякаем, как у Мушкетера: на следующей же охоте всё это может повториться снова.

Лошадь встретила хозяина радостным ржанием. Мушкет уже давно лежал здесь же, повернувшись спиной к ветру. Он вскочил и завил хвостом.

Предстояло спуститься по ущелью до конца, переехать до начала следующего ущелья и по нему далеко подниматься к самому верху, где в отщёлке лежало убитое животное. Это заняло бы не меньше двух часов днём, а ночью ещё больше. Но рядом с лошадью вниз в темноту ночи уходил отщёлок на дно ущелья, где лежал тек. Петренко решил попробовать спустить лошадь по дну ущелья.

Сначала спуск был пологий, но чем ниже, тем становился круче. Начались скалистые уступы, вокруг них с трудом приходилось обводить стороной лошадь. Больше половины спуска осталось позади, когда из темноты возникли и преградили дорогу глубокие уступы скал. Только один уступ показался небольшим. Если лошадь спрыгнет с него — дальше чернела осыпь, а там и конец спуска.

Петренко потянул за повод коня вниз с уступа. Но он заупрямился и не хотел соскакивать. Охотник повис на поводке и сдёрнул коня с уступа — он прыгнул, но едва удержался на площадке, присев на задние ноги. Охотник шагнул на осыпь — его нога так и поплыла вниз: осыпь была из слишком мелких камней, едва державшихся на крутом склоне. Нечего было и думать спускать по ней лошадь. Только теперь охотник понял свою ошибку: лошадь едва держалась

на площадке узкого карниза, прижавшись боком к уступу скалы. Повернуться назад она не могла, да и не запрыгнуть ей обратно на верх уступа. Единственный выход — это спускаться дальше.

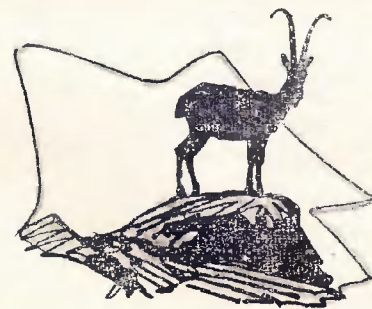
Охотник оставил лошадь, уложил перед ней Мушкетера, а сам заскользил по осыпи искать спуск. Метров через пятьдесят осыпь вошла в коридор между отвесных скал, а за ней чернел обрыв на десятки метров.

Петренко прислонился спиной к скале, снял шапку и обтёр мокрый лоб. Что он наделал? Один в горах, ночью. Помощи ждать неоткуда. Конь в ловушке. Долго он не удержится на узком карнизе и шагнёт на осыпь, а тогда его понесёт в обрыв. Ведь это будет уже третья лошадь, которая погибнет в горах на его глазах. Какой позор для старого охотника!

Сверху из темноты долетел стук камней и звон подков. Петренко прижался к скале — сейчас по осыпи мимо него скатится в обрыв лошадь... Но вверху было тихо. Что случилось? Охотник бросился вверх по осыпи. В темноте на фоне неба на верху уступа чернел силуэт коня. Каким-то образом он сумел повернуться и вспрыгнуть на уступ. Это было так невероятно, что охотник стоял и не верил собственным глазам.

После утомительного подъёма Петренко вывел коня наверх и поехал домой.

Утром он съездил и привёз козла. Эта охота надолго запомнилась Мартыну Павловичу.

В ДЕБРЯХ БАРТУГАЯ

Буйный Чилик с рёвом вырывается из узкого каменного коридора между громадами Алабайтала и Турайгыра. Река стремительно мчится по неширокой равнине, но горы опять преграждают ей путь. За миллионы лет Чилик пробил в них узкую щель и с бешенством стремится по ней навстречу всегда мутной реке Или, на которой эхо пароходных гудков будит вековую тишину пустыни.

Тугайным зарослям Бартугая нет равных по густоте. Не-пролазные колючие заросли облепихи, перевитые лианами, так густы, что по ним приходится ползти на четвереньках в кожаных перчатках и брезентовом костюме пожарного. Какие только дикие животные не водятся здесь!

Яркие красавцы фазаны выходят по утрам из зарослей на огороды и поля. Их так много, что кажется, будто находишься на птицеферме. Вместе с фазанами долго по утрам кормятся зайцы-песчаники. Иногда они устраивают даже забавные игры с фазанами — гоняются друг за другом, а потом мирно пасутся рядом.

Красавцы пятнистые олени и южные тугайные олени совсем не боятся людей. Дикie свиньи круглый год живут в зарослях. Только часть их уходит на лето в горы. На восходе солнца краснолапые кеклики с громкими криками бегут с гор на водопой к Чилику. Далеко слышен свист горных индеек —

уларов — на вершине Алабайтала. Они пасутся на южных склонах вместе с дикими горными козлами, тревожно озира-
ясь: в любой момент к ним может подкрасться неслышной се-
рой тенью снежный барс.

Невелика Бартугайская лесная дача — всего 550 гектаров, но множество разнообразных диких животных делает её похо-
жей на зоопарк без клеток и заборов. Два лучших егеря Ка-
захской ССР охраняют этот сказочный уголок. Для писателя-
натуралиста Бартугай — это ежедневная лесная газета, каби-
нет, лаборатория и зелёный театр природы.

ГИБЕЛЬ ФАЗАНКИ

Фазанка дремала в гнезде, полузакрыв жёлтые глаза. Девять тёплых яиц под ней скоро должны были превратиться в крошечных пушистых птенцов. И тогда она уведёт их в заросли, навсегда бросив пустое гнездо и яичные скорлупки. Последние дни фазанка сидела, не вставая, и грела, грела своих птен-
цов — ещё в скорлупках, но уже живых.

А кругом в тугаях птичье население щебетало и пело на все лады, пока не наступали жаркие часы дня. Только тогда пение смолкало, а фазанка на гнез-
де открывала рот.

Сухая, необычайно жаркая погода в это время года делала своё злое дело. Снега и льды на вершинах Кунгей-Алатау стали быстро таять. Чилик вздулся и заметался по протокам. Берега не сдержали воду, и она хлынула в тугай. С зловещим шуршанием расплывалась она по лесу, затопляя все низкие места и поднимая с земли сор, палки и прошлогодние листья.

Зайцы, шлёпая по мелкой воде, среди дня перебегали с места на место, вспугнутые с лёжек. Мокрая лисица вскочила на поваленный тополь, беспокойно озираясь. Она не обращала ни малейшего внимания на зайцев, а они на неё.

Вода со всех сторон окружила гнездо фазанки. Оно помещалось на крошечном бугорке, и на нём пока было сухо. Фазанка втянула голову и прижалась к земле, стараясь сделаться незаметной,— так она делала всегда в минуту опасности.

Наступила ночь. Таяние снега в горах прекратилось. С полуночи по тугаям зашумела вода, уходя обратно в реку. Утром всюду было мокро, а в низинках стояла вода, покрытая сором. Весенний хор птичьих голосов опять зазвенел, но заметно тише: овсянки, пеночки, соловьи и много других птичек с беспокойным пискom перепархивали с ветки на ветку около мокрых гнёздышек на земле. В них сиротливо лежали холодные яички. Много птичьих гнёзд смыло, унесло водой.

С полудня тугай опять начала бурно заливать вода. Она окружила со всех сторон гнездо фазанки. Ещё плотнее прижалась птица к яйцам, а вода всё прибывала и прибывала, топя последние островки.

Фазанка сделалась похожей на утку, сидящую в воде: гнездо скрылось под водой, и только виднелась спинка и головка птицы на вытянутой шейке среди широкого разлива. Ещё немного — и фазанка встала. Но какой у неё был жалкий вид! Мокрая, трясущаяся, она стояла над своим погибшим гнездом. Вода капала с неё, и только спинка да голова были ещё сухими.

Фазанка сделала несколько шагов от гнезда и сразу провалилась в какую-то ямку под водой. Забив мокрыми тяжёлыми крыльями, она выбралась на мелкое место, теперь уже вся мокрая и ещё более отяжелевшая.

А вода бешено прибывала и заливала тугай. Она смыла фазанку и унесла в Чилик беспомощный мокрый комок перьев.

НОЧНЫЕ ШОРОХИ

Хорошо в осеннюю ночь лежать на берегу бурного Чилика в тёплом спальном мешке, прислушиваться к ночным звукам и смотреть на звёзды. Как они ярки и красивы на чёрном небе! Лежишь, а где-то рядом шуршат опавшими листьями лесные мыши. Две из них злобно пискнули: значит, что-то не поделили и подрались. Откуда-то издали доносится собачий лай.

А вот и целая трагедия разыгралась неподалёку от меня, невидимая в темноте, но по шорохам понятная во всех деталях.

Началась она с осторожных лёгких шагов в кустах, правее меня. Конечно, это лисица крадучись шла по сухой осенней траве, прислушиваясь, не пискнет ли где мышь.

Левее раздался шорох заячьих прыжков по прибрежной гальке. Шаги лисы сразу стихли. Так и представилось, как она сейчас замерла на месте, приподняв переднюю лапку и немножко наклонив голову набок,— так лисицы всегда делают, когда слышат добычу.

Заяц, не торопясь, прыгал по берегу Чилика, и шуршание гальки выдавало его с головой. Чуть слышный шорох лисьих шагов временами стал долетать уже много правее меня. Значит, она быстро двинулась на сближение с зайцем, но осторожно: высоко поднимая ноги, обходя стороной кусты, ни разу не прошеле-

ств веточками с кое-где уцелевшими листочками. И опять представилось, как лиса, вся собранная, пружинистая, бросала лапки точно туда, откуда в ответ не раздастся шороха.

А заяц всё шлёпал и шлёпал по галькам, не подозревая опасности. Вдруг прыжки его стихли. Это он услышал наконец шорох под одной из лисьих лапок. Но и лиса замерла на месте. Заяц после этого сделал всего два прыжка и перешёл на барабанный бой по галькам — так быстро он рванулся вперёд, в десять раз энергичнее прежнего, шурша мелкими камешками. Было совершенно ясно, что лиса бросилась и погналась за зайцем: в ночной тишине долго были слышны прыжки зайца и лисицы. Постепенно они стихли вдали. Наступила тишина, опять пискнули мыши в траве и прошуршали сухими листьями. И снова я стал любоваться звёздами.

Но вот раздались заячьи поспешные прыжки всё ближе и ближе. Он промчался мимо дерева, черневшего в темноте. Я посмотрел на светящийся циферблат часов на руке: интересно, через сколько времени по следам зайца пробежит лисица? Ровно через полминуты прыжки лисицы раздались около дерева и стихли в том направлении, куда умчался заяц.

Я не смотрел больше на звёзды, а ждал. Преследуемый заяц обычно бежит по кругу. Значит, он опять где-то недалеко даст о себе знать. Так и оказалось. Прыжки зайца раздались снова около дерева, но ещё ближе ко мне. Ровно через четверть минуты за ним промчалась лисица. Значит, слабенький заяц-песчаник начал уставать. Лиса нагоняла свою жертву!

Третий раз шорохи от зайца и лисицы послышались одновременно. Лиса «висела» на хвосте, как говорят охотники. И сразу в кустах заверещал и стих заяц — лиса догнала его!

Так просто, оказывается, лисицы догоняют зайцев-песчаников. И ещё удалось услышать заключительный штрих из этой ночной драмы. Спустя некото-

рое время из кустов, откуда слышался предсмертный крик зайца, смело прошуршала травой лиса мимо меня. По шуршащей под её лапами гальке можно было понять, что она уже на берегу Чилика. Больше ничего не было слышно, но нетрудно было догадаться, что лиса сейчас лакает воду, запивая свой сытный ужин.

ВЬЮЧНЫЙ ВОЛК

Наша экспедиция расположилась в палатках на самом краю посёлка Бартугай. Летом на работах все встают с восходом солнца. И в это утро мы были на ногах, когда на вершину горы Алабайтал солнце только что брызнуло своими лучами, чуть высунув яркий краешек своего диска из-за горизонта. Оно осветило скучно-серые скалы и сразу раскрасило их в розоватые и желтоватые тона.

— Смотрите, волк! — крикнул кто-то, и мы увидели, как несколько ангорских белых коз вихрем неслись к посёлку, а в клубах поднятой пыли мелькала живая куча белого и серого — это волк давил одну из коз.

Весь состав нашей экспедиции с криком побежал отбирать козу. Но ружья у нас не было. С ним наш зоолог ушёл на экскурсию ещё на рассвете.

Волк поднял голову над мёртвой козой и вдруг скачками бросился прямо на нас. Невольно все остановились как вкопанные. Волк быстро приближался. Его топот показался нам громче лошадиного. Двое студентов не выдержали и побежали обратно. У нашего начальника затряслась нижняя челюсть.

— Хватайте камни! — крикнул кто-то из нас.

Как назло, около ног был только мелкий щебень и ни одного камня. Пока мы беспомощно озирались, волк круто повернул назад, взрыв облачко пыли. Обратно он помчался с удвоенной быстротой. На

наших глазах, не задерживаясь, волк схватил зубами козу за загривок и рванул — она взлетела ему на спину. Придерживая козу зубами, слегка наклонив голову, волк стал быстро удаляться.

Только теперь до нашего сознания дошло, что волк и не собирался нападать на нас, а брал разгон, чтобы с размаху забросить труп козы на спину.

С громкими криками мы бросились вдогонку за волком. Сразу нашлись камни и полетели ему вслед. Но зверь не бросил добычу, а быстро удалялся от нас, придерживая козу на спине.

Запыхавшись, мы остановились, явно потерпев неудачу.

— Один — ноль не в нашу пользу, — рассмеялся один из студентов.

Только в полдень вернулся зоолог с ружьём. Он побежал в ущелье, куда скрылся волк. В самом его начале лежали остатки полусъеденной козы. Их доедали сороки и вороны.

НЕОЖИДАННЫЙ ХИЩНИК

С утра в посёлке Бартугай начался переполох — ночью волк задавил ишака. Собаки с лаем сбежались со всех дворов, и зверь отступил в чащу тугаев. Собачья свора гнала его до опушки и затоптала следы хищника. Весь день только и разговоров было о волке. Егерь охотничьей инспекции, конечно, был ни при чём, но жители поглядывали на него укоризненно.

Две ночи егерь караулил волка около трупца ишака. Но зверь не приходил. Вторая ночь была особенно холодная. Осенний ветер дал себя почувствовать под утро. Егерь промёрз до костей и никак не мог унять дрожь.

Через неделю снова переполох — волк проник ночью в овечью кошару, покусал двух овец, но ни одной не задавил. В ужасе овцы бились об стены, и многие получили ушибы. Чабаны выстрелами отогнали зверя и с трудом успокоили овец.

Собаки из посёлка примчались на шум и опять преследовали зверя до тугаев. Но ни одна из них не посмела погнаться за волком в чащу. Там ей бы недобровольно!

Егерь внимательно осмотрел покусанных овец. Раны были неглубокие. Волк хватал овец за что попало, но ни одной не успел свалить и загрызть.

— Шибко старый каскыр! — покачивали головой чабаны.

Егерь целый день продирался по чаще за посёлком, но волка не нашёл. Измученный, он вернулся вечером на кордон и уснул как убитый.

В полночь он вскочил от испуганного крика жены:

— Вставай, Евгений, скорей! Что-то неладно во дворе!

В один миг сон сняло как рукой, — егерь выскочил на крыльцо. А во дворе кипела яростная собачья драка! При свете луны было видно, как его Тузик и соседский Полкан подмяли и грызут кого-то третьего.

«Волк!» — сообразил егерь и бросился в дом за ружьём.

Но когда он опять выбежал на крыльцо, во дворе никого не было. Собачий лай затих опять около опушки тугаев. Вскоре, прихрамывая, вернулся Тузик с высунутым языком. На ухе у него была кровь.

Егерь едва дождался утра и тщательно осмотрел место драки. Два серых клока шерсти были явным доказательством — волк был во дворе егеря. Это уже слишком!

— Не говори никому, а то просмеют! — наказал егерь жене и без завтрака бросился с Тузиком в тугай.

У самой опушки было видно, как ночью собаки затормозили лапами со всего разбега, а под первым же кустом сохранился незатоптанным хорошо заметный след огромной лапы волка. Только один. А дальше на опавших листьях следов не было заметно.

Егерь долго пробирался по чаще в направлении следа. Никаких признаков зверя не было. Тузик вёл себя спокойно. Его больше интересовали зайцы и фазаны.

Вдруг через небольшой родник в густой чаще егерь увидел чёткие провалы крупных волчьих следов. В два огромных прыжка зверь преодолел родник и третьим прыжком нырнул в чащу. На веточках остались свежие капли жидкой грязи. Волк только что промчался здесь.

— Тузик, сюда!

Собака послушно вынырнула из кустов и подбежала к хозяину.

— Возьми, Тузик, возьми! — подвёл он собаку к следу.

Тузик спокойно понюхал свежие следы, но не заворчал и не оцетинился, а завилял хвостом, поднял заднюю ногу и... оросил след мочой.

После этого волчьи следы больше его не интересовали.

Егерь ничего не мог понять.

— Возьми, Тузик, возьми! — посылал он собаку по следам, но Тузик удивлённо смотрел на хозяина, виновато поджав хвост, и не трогался с места.

Так ни с чем озадаченный егерь и вернулся на кордон.

На другой день был сильный ветер. Старик чабан пас отару недалеко от посёлка. Овцы медленно брели по ветру, опустив головы и пощипывая траву. Ветер пронизывал насквозь плохонькую одежду чабана, и он решил укрыться ненадолго в полуразвалившейся землянке. Но едва старик шагнул в дверь, как испуганно отпрянул: на полу землянки спал волк спиной к входу! Из-за шума ветра он не слышал шагов человека.

Старик подбежал к овцам. Ружья у него не было. Что делать? Бежать за егерем — но как оставить одних овец?

Осторожно чабан стал отгонять отару в сторону посёлка. Овцы неохотно покидали пастбище. Старик оглянулся на развалины и обомлел: на пороге сидел серый зверь с насторожёнными ушами, смотрел на человека и совершенно спокойно зевал.

У старика затряслись ноги в коленях, и он безжалостно застучал палкой по спинам овец. Отара двинулась к посёлку. Волк не преследовал овец.

Через полчаса к развалинам подбежал егерь с ружьём в руках. Но из дверей серой тенью мелькнула крупная серая собака овчарка с поджатым хвостом и метнулась в заросли. Два поспешных выстрела вдогонку не остановили её.

Так вот в чём дело! За волка «выдавала» себя одичавшая собака, и она, видно, боялась людей с ружьём. В развалинах избушки был целый склад из остатков зайцев и фазанов. Овчарка приспособилась ловить их по ночам. Напугали одичавшую собаку выстрелы или егерь слегка её ранил — осталось неизвестным, но в Бартугае воцарилось спокойствие.

ЧЁРНАЯ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Около речки начался невероятно крутой подъём, но азарт охотника упорно погнал меня к вершинам гор. Успешная охота за козлами зависит от того, кто кого увидит первый. Но попробуйте двигаться незаметно, когда маленькие птички чеканы тревожным чёканьем извещают всё ущелье об опасности. Они провожают вас за перевал до следующего ущелья и «с рук на руки» передают другим чеканам, которые провожают по своему ущелью дальше. Под такое чёканье нечего и думать незаметно подобраться к горным козлам.

Последняя пара чеканов осталась внизу. Но тут новый сигнал опасности раздался по склонам гор: это закричали сурки. Целый час под их крики взбираюсь вверх. У меня пока нет никакой надежды увидеть козлов: заранее знаю, что там, выше, тревожно зашвистят горные индейки — улары.

Трудно охотиться в открытых горах, когда за тобой всё время следит множество глаз.

Наконец тревожные сигналы остались внизу, и я пробираюсь в полной тишине. Облака то и дело окутывают вершины гор. Здесь, на высоте, держатся старые самцы горных козлов. Поднимаясь всё выше, я внимательно присматривался к обитателям подобных высот.

Пушистые звёздочки чудесных горных цветов эдельвейсов виднелись среди камней. Крупные белые бабочки — аполлоны, мелькая красными пятнами на крыльях, порхали на альпийских лугах. По-осеннему грустно цвели незабудки, синие генцианы, аквилегии и другие яркие альпийцы.

Из кустов арчи выпорхнула крошечная фиолетовая расписная синица. Она посмотрела на меня, наклонив головку, и опять юркнула в чащу арчовника.

Свежие следы крупного барса отпечатались на

сырой земле и заставили меня оглянуться по сторонам, хотя я и знал, что барсы не нападают на людей первыми.

Недалеко на камнях показались горные индейки — улары. Одна из птиц нарушила тишину громким свистом, и тотчас за крутым поворотом скалы покатались камешки.

«Козёл!» — догадался я, бросился к скале и осторожно выглянул. Но козла по ту сторону скалы не было. Я увидел только свежий след его и в нём — ещё живую раздавленную кобылку. Насекомое шевелило красными ножками и усиками.

С бьющимся сердцем я стал спускаться вниз, куда уходили следы. Они были хорошо заметны — щебень и камни здесь сменил типец, любимая трава горных козлов.

Но странное дело: козёл, спускаясь, всё время кружился, иногда оставляя на траве клочья шерсти. Значит, он, лёжа на земле, бился, сползая вниз. Я ничего не мог понять. Что могло случиться с козлом? Всё это с ним произошло только что — примятая трава ещё не выпрямилась. Козёл где-то рядом...

Я осторожно подполз к уступу склона и заглянул вниз.

Там, завалившись среди камней, лежал на спине горный козёл. Он дрыгал ногами, бился и не мог подняться.

Я подошёл к нему.

Козёл затих и вытаращил на меня испуганные светло-карие глаза, перечёркнутые полосками чёрных зрачков.

Мне ничего не стоило застрелить животное, но я увидел, в какое нелепое положение попал козёл: копыто его задней ноги было крепко засажено за рог. Очевидно, козёл так энергично почесал затылок копытом, что с размаху зацепил между рогами выемкой под бабками. Кружась и падая на трёх ногах, козёл сползал вниз, пока не застрял в камнях.

Конечно, это было исключительное событие в природе, хотя мне припомнился такой же случай с козлом в алма-тинском зоопарке и с сайгаком — в пустыне Бетпак-Дала. Я сбросил рюкзак и сфотографировал козла с разных мест. Но после этого мне стало жаль убивать беззащитное животное. Я подошёл к козлу и взял его заднюю ногу. Он вздрогнул и задышал порывисто и тяжело. Нога была горячая и дрожала. Козёл забился, ещё более заваливаясь меж камней.

Я снял рубашку и закутал голову козла. Не видя ничего, он сразу притих. Тогда я снова схватил заднюю ногу и, упираясь одной рукой в рог, с трудом высвободил копыто.

Козёл вскочил на ноги, замотал головой и далеко отбросил рубашку. Но он не кинулся бежать, а взвился на дыбы и бросился на меня. Не успел я опомниться, как получил страшный удар в грудь рогами и навзничь полетел вниз...

Очнулся я, лёжа на крутом склоне. В голове шумело. Грудь болела. В трёх шагах находился край пропасти.

«Проклятый козёл! — подумал я, поспешно отползая от обрыва. — Какая чёрная неблагодарность за спасение!»

СОБАЧИЙ КОНКУРЕНТ

Как это получилось, даже трудно было заметить. Само собой. Началось с того, что Мартыну Павловичу Петренко дали осла для охраны колхозного сена на лугах реки Или. Стогов было немного. Их все можно было видеть наперечёт, если взобраться на один из них. Осёл был совсем не нужен и только требовал лишней заботы — его надо было поить и время от времени перевязывать, когда он выщипывал траву около себя.

Осёл был мал ростом. Высокий, здоровенный Петренко, садясь на него верхом, сгибал ноги в коленях, чтобы они не волочились по земле. Но применение ослу всё же нашлось. Новый хозяин стал по утрам ездить на нём охотиться за фазанами.

Осень в Семиречье всегда тёплая, без жары. Роса по утрам была обильная, как после проливного дождя. Поджав ноги, Петренко ехал на мокром от росы осле. Если вылетал фазан, охотник поспешно опускал ноги и вставал на землю над ослем. Маленькое животное замирало и не мешало стрелять. Оно умещалось между ног стрелка. После промаха Петренко сгибал ноги в коленях и опять оказывался верхом.

Двух фазанов за утро было достаточно для семьи охотника, и он возвращался, покачиваясь на осле. Издалека в высокой траве осла почти не было видно.

В свободное от охоты время животное паслось на привязи и быстро поправлялось после трудовой жизни в колхозе.

Вскоре осёл сам стал останавливаться при каждом взлёте фазана. Животное усвоило, что вслед за криком и шумом взлетевшей птицы сейчас же наступало великое облегчение — это вставал на землю Петренко, в котором было не меньше восьмидесяти килограммов. Выстрелов осёл не боялся. Он начал останавливаться, даже если фазан вылетал далеко вне выстрела. Но пинок сапогом под брюхо заставлял его

послушно тащиться дальше. Так постепенно осёл выучился останавливаться, только когда фазан вылетал из-под ног.

Не прошло и двух недель, как осёл сделался незаменимым на охоте. Чутьём и своим замечательным слухом он безошибочно улавливал, когда вблизи находился фазан в густой траве. Осёл сейчас же останавливался как вкопанный. Два длинных уха устремлялись вверх и немного в сторону, словно показывая пальцами: «Вон там фазан, немного правее!» Восемьдесят килограммов приподнимались над спиной осла. Нервы фазана не выдерживали внезапной остановки в нескольких шагах, он с криком и хлопанием взрывался вверх, а после выстрела камнем падал в траву. Два выстрела и два фазана — это сделалось правилом у охотника. Редко случалось, чтобы дичь появлялась неожиданно. Стрелять было легко.

Помощник с каждым днём совершенствовал своё мастерство. Он становился всё резвее на охоте и торопливо семенял своими ножками. У него появился ещё один интерес — скорее найти двух фазанов и вернуться домой. Не хватало только, чтобы осёл ещё научился находить в траве убитых фазанов. Впрочем, если применить способ поощрительной дрессировки, вероятно, можно было бы достичь и этого!

Не следует ли охотникам-спортсменам на юге страны сменить собак на ослов? Вот было бы здорово!

ПОЛКАН

Зима в этом году была снежная. Бураны в горах Тянь-Шаня шумели целыми сутками, забивая ущелья снегом толщиной в несколько метров. В ельниках стояла тишина до звона в ушах.

Молодой охотник Евгений Адрианов и старик лесник поднимались по хребту с ружьями за плечами. В поводу они вели за собой осёдланных лошадей. Две

собаки на сворках тянули вперёд. С каждым шагом подъём становился круче, а склоны по обе стороны хребта всё отвесней.

Лошади начали упираться и ложиться. Дальше подниматься можно было только пешком. Охотники остановились. На снегу не было ни одного следа.

— Ты побудь здесь с лошадьми, паря, а я подымусь выше тех камней — нет ли там следьев? — сказал старик лесник, поправляя за плечами ружьё.

Адрианов молча кивнул и устало сел на камень. Его спутник стал медленно подниматься по хребту. Большие камни скрыли его.

Молодой охотник закурил. Лошади стояли, опустив головы, и тяжело поводили боками. Собаки улеглись у ног.

Внизу чернели ельники, занесённые снегом. Далеко вниз уходили холмы предгорий и степь, едва различимая в дымке морозного дня.

Вдруг гулкий выстрел вверх за камнями прокатился по горам, замирая вдали. Ещё выстрел, ещё — и они загрохотали один за другим. Адрианов торопливо привязал лошадей за камень и бросился вверх. Пятнадцать выстрелов насчитал он, пока взбирался вверх. Это был весь запас патронов у лесника. Выстрелы смолкли.

«Неужели что случилось?» — думал Адрианов, торопливо взбираясь по камням и задыхаясь, словно рыба, вытасченная из воды. Собаки рвались вперёд на сворках и тянули охотника, как на буксире, помогая преодолевать подъём.

Лесник сидел на камне и смотрел на дно ущелья. По склону виднелись свежие следы кабанов. Все они уходили вниз.

— Впервой довелось видеть такое! — взволнованно сказал старик, когда Адрианов поднялся к нему на камень. — Гляди, свиньи-то под снег схоронились. Земля там, знать, талая, они и роются. А поверху ни единого следа!

— Кого же вы, дедушка, стреляли? — спросил Адрианов.

— Вершинки-то кустов над снегом вздрагивали, когда их внизу задевали свиньи. Я и лупил прямо под снег. Все патроны извёл. А свиньи так и ушли куда-то.

— Вон, вон они! — закричал Адрианов, показывая вниз по ущелью.

Далеко внизу, против привязанных лошадей, выныривали из снега кабаны, быстро взбирались по склону и скрывались по ту сторону хребта.

— Эх, зря ты, паря, ушёл, ишь куда под снегом упорол! — сокрушался лесник. — Пушай кобелей-то, может, я и остановил хоть единого.

Собаки бросились вниз и сразу яростно залаяли перед тёмным лазом под снег. Туда вели следы кабанов со всего склона. По этому лазу дикие свиньи проникли на дно ущелья, занесённого снегом.

— Кто-то там есть, однако, дай-ка патрон, — торопливо сказал лесник. — Айда туда, да проворней! Охотники быстро спустились в ущелье.

Собаки лаяли, но близко к лазу не подходили. Когда же подбежали люди, они бросились вперёд. Вдруг

снег взметнулся, из-под него вырвался огромный чёрный секач, как медведь из берлоги. Ухая на всё ущелье, он с поразительным проворством бросился на собак. Одна из них с визгом взлетела на воздух и кубарем покатила по снегу, окрашивая его кровью. Сверкая белыми клыками, секач бросился обратно в лаз под снег, но Адрианов успел выстрелить. Кабан взвизгнул, молниеносно обернулся и стремительно кинулся прямо на охотников, громко стуча клыками и брызгая пеной. Адрианов испуганно бросил в снег разряженное ружьё и стал вытаскивать из-за пояса топор, но тот зацепился за ватник. А кабан был уже рядом. Выручил его старый охотник. Он широко расставил ноги, вскинул ружьё и прицелился. Выстрел грянул, когда кабан был на расстоянии прыжка от Адрианова. Пуля шлёпнула в голову зверя, точно между глаз. Кабан взвился на дыбы и рухнул на спину. Он был убит наповал. Лесник бросился к собаке. Она лежала с распоротым животом на снегу, ловя пастью воздух, и стекленеющими, невидящими глазами смотрела куда-то в сторону. Она доживала последние минуты. Десяток самых крупных кабанов не мог бы возместить старику потерю.

— Эх, Полкан, Полкан! Пошто так получилось? — не сказал, а простонал старый охотник.

Кончик хвоста собаки дрогнул — она хотела вильнуть им, но не могла. Лесник отвернулся: ему слишком тяжело было смотреть на умирающую собаку, с которой он столько лет вместе делил на охотах кусок хлеба и ночлег у костра...

Топором охотники разрубили тушу кабана вдоль на две части. Напрягая все силы, они стащили волоком половину кабаньей туши к месту, над которым вверху стояли привязанные лошади. Затем вернулись и притащили вторую половину кабана. Но «угговорить» лошадей спуститься по крутому склону оказалось невозможно. Они храпели, пятились, лягались, рвались в стороны, и охотники ничего не могли с ними поделать. Впрочем, бывалый старик всё же придумал, как спустить лошадей на дно ущелья. Каждой лошади он связал арканом все четыре ноги вместе и повалил на снег. Морды лошадей он притянул и привязал к передним ногам. Животные сделались совершенно беспомощными, испуганно моргали и храпели.

Одну за другой охотники спихнули лошадей с гребня перевала вниз. В вихрях снежной пыли лошади быстро скользнули по крутому склону. Лавина снега поплыла за ними и взметнулась белым облаком на дне ущелья, скрыв всё, что там происходило.

Охотники сели и, как в детстве с ледяной горы, заскользили вниз. На дне ущелья лошадей не было видно. Они с разлёту влетели под глубокий рыхлый снег и скрылись там. Где-то под ногами слышалось фырканье. Руками охотники отрыли и развязали сначала одну лошадь, потом другую. Доставка лошадей в ущелье прошла благополучно.

Близился вечер, когда охотники двинулись вниз по пояс в глубоком рыхлом снегу. Вывести лошадей вверх на хребет нечего было думать. Двигаться можно было только вниз. Кони с тяжёлым грузом на спи-

нах поднимались на дыбы и прыгали вперёд, почти исчезая в пухлом снегу. Снова прыжок, ещё прыжок, и так всё время. Вскоре лошади встали, тяжело дыша, мокрые от пота. От них поднимался пар. Так с остановками до темноты прошли не более двух километров. А всё ущелье тянулось на десять километров. Кругом одни камни и снег. Ни одного кустика. Ночевать в снегу на морозе без костра было опасно.

За поворотом ущелья показалось что-то тёмное. Это был десяток елей. Они, как разведчики, поднялись в гору значительно выше еловых лесов по северным склонам. В снегу под ёлками нашлось сколько угодно сухого хвороста — как раз то, что было нужно охотникам.

Около яркого костра лошадей развьючили. Они устало понурились. Им предстояло провести длинную ночь без корма.

Охотники поджарили на шомполе мясо, поужинали и улеглись около костра. Приятная истома разлилась по телу. Неудержимо захотелось спать.

После полуночи сердитое ворчание собаки разбудило охотников. Она злобно лаяла в темноту ночи, на заливке вздыбилась шерсть. Задними лапами собака нетерпеливо взрывала снег, и он отлетал в потухающий костёр, громко шипя. Броситься вперёд собака не решалась.

Охотники подбросили в костёр сухих сучьев. Огонь сразу охватил их, затрещал и поднялся. Совсем близко по снегу к людям подкрадывался какой-то зверь. Его глаза поблёскивали фосфорическим светом, отражая огонь костра.

Лесник прицелился в хищника. Но собака бросилась вперёд и заслонила цель — к костру подползал Полкан! Он виновато смотрел в глаза старого охотника, слабо виляя хвостом, словно извиняясь, что ещё не подох!

Лесник поднял собаку на руки и чуть не заплакал.

Он ласкал её, отогревал у костра и ругал себя последними словами.

Полкана отогрели. Но зашить рану было нечем. Разорванной нижней рубашкой туго перевязали рассечённый живот. Провозились почти до рассвета. Собака слабела на глазах и делалась всё безучастней к окружающему. На рассвете она лежала без движения.

Как только рассвело, охотники погрузили на лошадей кабана. Лесник протянул Адрианову ружьё:

— На, паря, пристрели, однако, Полкана, нам его на руках не донести по такому уброду. Да и жить-то ему, сердешному, остались минуты. Зря только мучается. Я поведу лошадей, а ты тут... Ну, бери ружьё, что ли...

— Не могу! — ответил Адрианов, отходя в сторону.

А Полкан, словно понимая, что его ожидает, с усилием просунул хвост между задних лап, прижал его к перевязанному животу и виновато смотрел прямо в глаза хозяина.

— Я и вовсе не смогу стрелять, — глухо сказал лесник.

Охотники растерянно стояли около собаки, не зная, что предпринять. Умиравший Полкан лежал на боку. Кончик хвоста его между ног едва заметно вздрагивал.

Около морды собаки положили большой кусок кабаньего мяса, навалили в костёр толстых сучков и решили, как только доберутся домой, оседлают свежих лошадей и приедут за собакой.

Весь короткий зимний день пробивались они к дороге. Прыжки в глубоком снегу голодных, измученных лошадей делались всё короче. После полудня они стали ложиться. Приходилось развьючивать их, поднимать и снова завьючивать. На это уходило очень много времени.

Только в темноте охотники добрались наконец к овечьей зимовке в начале ущелья. Последний километр лошади, зачуяв сено, прыгали в снегу, не останавливаясь.

В жарко натопленной избушке, за горячим чаем, охотники отогрелись и легли спать.

Глубокой ночью они проснулись.

Разбуженный собачьим лаем, чабан вскочил и бросился к двери.

— Приехал кто-то. Покусает, черти! — сказал он, хлопнув дверью.

— Уч, уч, кеть! — раздался его грозный окрик во дворе.

Собаки сразу смолкли. Чабан долго не возвращался. Потом дверь приоткрылась.

— Айда сюда, товарищ! — позвал чабан.

Старый охотник вышел. «Кто это мог приехать так поздно?» — думал Адрианов, оставаясь в избушке.

Но вот дверь порывисто распахнулась, и в избушку шагнул лесник, держа на руках Полкана. Раненая собака опять приползла за хозяином...

Всю ночь старый охотник провозился с Полканом. Отогрел его, промыл рану тёплой водой, а затем зашил её суровыми нитками. Утром на санях он увёз собаку к себе на кордон, за двенадцать километров.

Адрианов на другой день уехал в город. А когда весной проезжал мимо кордона лесника, Полкан встретил его у ворот, радостно визжа и махая хвостом как ни в чём не бывало!

РАЗГОВОР У КОСТРА

Вечером мы расседлали лошадей в верховьях ущелья Саректас, около небольшого родника. Самым первым моим делом было осмотреть горы в бинокль, пока не стемнело. Сразу же я заметил табунок диких свиней. Они рылись на склоне за километр от нас и не обращали внимания на людей, хотя, конечно, давно заметили. Я передал бинокль егерю. Он взглянул на свиней и долго осматривал небо.

— Дождь завтра будет! — сказал он и передал мне бинокль.

— Почему вы так думаете?

— Свиньи рано вышли на кормёжку. И грифы до сих пор летают, не надеются, значит, что завтра хорошая погода будет!

Петренко пошёл собирать сухие ветки жимолости и дикой вишни. Когда-то здесь был пожар, и в сушняке недостатка не было.

Солнце только что скрылось за горами, но было ещё совсем светло. Я направился к роднику с котелком в руках и кружкой стал черпать воду. С большой охапкой сушняка подошёл Петренко.

— Видали, камешек перевернут?

— Где?

— Да вот же, рядом с вами! Это теки здесь пили. Услышали, что мы едем, и убежали.

Теперь только я заметил, что небольшой камешек рядом со мной был мокрым. Рядом с ним чернела сырая ямка, оттуда и был выковырнут этот камешек.

Я невольно позавидовал наблюдательности старого охотника.

— Почему же вы думаете, что это теки перевернули камешек?

— На колючках клочок лнялой шерсти висит на том берегу. Едва, едва держится. Днём ветер вон какой рвал — сбросил бы его! Значит, только что пробежали, когда ветер стих на закате.

Мы развели яркий костёр, повесили над ним чайник и разлеглись около него. Лошади стояли у родника и зубами чесали друг другу шеи. Петренко взглянул на них:

— Только шеи чешут, а других мест не касаются!

Помолчав, он сказал:

— Вот век свой с лошадьми провёл, но только одну помню, ещё у отца. Привяжут её за кол, она ходит вокруг него, пасётся и закручивает верёвку, пока совсем короткой не станет. Тогда начинает кругом столба ходить в обратную сторону, пока не раскрутится, и тогда опять пасётся. После той лошади сколько у меня их перебивало — закрутятся и стоят голодными всю ночь. И собаки тоже. На что у меня Мушкет «профессор» своего дела, а раскрутиться не соображает. Сколько раз его за ухо водил, раскручивал, так и не научил. Из всех собак только одну помню, Чайкой звали: закрутится за столб, а потом в другую сторону, и сразу опять на длинной цепи оказывается!

— У животных тоже ведь, как и у нас, попадаются выдающиеся экземпляры, — сказал я, помешивая палочкой в костре.

Мы надолго замолчали.

Стая галок показалась на фоне алой зари сыпью чёрных точек и с галдением улетела ночевать в тугай.

Стемнело.

Где-то недалеко в темноте пофыркивали спутанные лошади. Уныло кричала совка-сплюшка в скалах, а из тугаев внизу на берегу Чилика слабо долетали звуки соловьиного хора, настолько их много было в тугаях.

— Вот всё спросить хочу какого-нибудь учёного человека, — заговорил опять Петренко, дуя на горячий чай, — способны собаки предчувствовать смертельную опасность или нет?

— Люди обладают предчувствием — интуицией, — сказал я. — Но это явление совсем ещё не изу-

чено. У животных тем более. А почему, Мартын Павлович, вы спрашиваете об этом?

— Да вот случай был такой. Собака у меня жила ещё до Мушкета. Хорошо шла на кабана. Схватилась раз она с барсом. Покусал он её и не сильно вроде, а собака после этого оглохла. Что с ней сделалось — кто её знает? Совсем не стала слышать. Ну зачем охотнику глухую собаку кормить? Предлагал чабанам — смеются, не берут. Застрели её, говорят. И в самом деле, думаю, надо так сделать. Взял ружьё и выхожу на крыльцо, а у самого всё в душе перевертывается — как это я свою собаку убивать буду? Увидела она меня с ружьём в руках и, как вы думаете, что сделала? Думаете, завиляла хвостом, как перед охотой? Ничуть не бывало. Как увидела меня с ружьём, упала на спину, затряслась и заднюю ногу подняла. Сама смотрит на меня виновато как-то. Верите, нет, мне даже показалось, слеза у неё из глаза покатилась. Ну человек, и только, всё поняла, сердешная: не на охоту поедет, а смерть ей я вырешил. Тут я сам чуть не прослезился и скорее домой. Пусть, думаю, живёт, не обеднею, её прокормлю, раз с ней такое дело приключилось. Что же это, интуиция, по-вашему?

Я пожал плечами и спросил:

— И долго вы её ещё держали?

— Да всего один день. Утром собрался я на охоту. Выхожу, как вчера, на крыльцо с ружьём, она бросилась ко мне, ласкается, как обычно. Ну и взял я её с собой в горы на её погибель. Вот тут уж она ничего не предчувствовала: бежит впереди, оглянется и дальше. Только к дороге подошли — грузовая машина с брёвнами несётся. Я кричу: «Назад, ко мне!», а собака не слышит — ну и под машину. Даже не визгнула...

Долго после этого мы вспоминали разные случаи из охотничьей жизни. Чай был давно выпит. Пора было укладываться спать. Петренко подбросил в костёр сушняк, и он ярко вспыхнул.

— А где же Мушкет? — удивился я.

— Пошёл коней сторожить. Он всю ночь с ними будет, а утром прибежит на свист и отведёт нас туда, где они пасутся. Хороший он помощник, на все руки.

Мы постелили потники от сёдел и легли. Звёздный мир над головой сверкал во всём величии.

— Вот вы сказали, учёные придумали это мудрёное слово — интуиция. А ведь не напрасно придумали, — начал опять разговор Петренко.

— Конечно.

— Вот я замечал и на козлах тоже, и они эту интуицию имеют. Расскажу вам два случая. Спрятался я раз на водопое у родника и жду теков. Свежие следы кругом: значит, пить часто сюда приходят. Густой тростник рядом рос, я в него и лёг. Укрылся полностью. Только рассвело, смотрю, на перевальчике над родником козлы показались. Стоят и смотрят вниз. Им меня, конечно, не видно. Стояли, стояли, потом задние давай передних рогами толкать, те спустятся на несколько шагов и встают. Задние опять их подталкивают. Метров двести до них, а спускались полчаса. И вижу — не в мою сторону смотрели, а по сторонам. Значит, не замечают. Что же им мешало сразу спуститься? Может, эта самая интуиция? Подошли всё же к роднику. Застрелил я тогда одного рогака. В другой раз, — продолжал Петренко, — в Бурансае караулил я тоже у родника. Затемно залёг. Солнце поднялось, а нет теков. Ну, я и заснул — всё равно теперь уже не придут, думаю. Слышу сквозь сон, грязь чавкает в роднике. Привстал — а теки бродят по роднику прямо рядышком! Я к ружью бросился да спросонья не в ту сторону — убежали теки без выстрела. Толик, сын, выше по роднику сидел метров за триста и потом рассказывал, что козлы сразу спустились к воде без всякой задержки. Вот какая разница получилась: ждёшь зверя, смотришь на него — тут тебе ваша интуиция, а не ждёшь, не смот-

ришь и не думаешь о нём, сам подходит вплотную безо всякой боязни. Почему это так?

— Может быть, просто случайность,— сказал я.— В первый раз козлы могли не особенно хотеть пить, а во второй — сильно.

Петренко промолчал, но видно было, что мой ответ его не удовлетворил.

Я уже засыпал, когда он приподнялся на локте и сказал:

— Вот вспомнил ещё случай. Свиней я караулил раз и задремал. Вплотную подошли и роются. Убил я тогда одну. А другой раз измучил меня секач—слышу, близко, трещит тростником, а не подходит, только и стучит клыками «чоп, чоп, чоп» — злится, значит. А ветер от него на меня так и бушует. Учутья ему невозможно или услышать. Укрыт я был надёжно. Так и не подошёл, до самого утра на моих нервах играл. Потом я следы смотрел, всю ночь он ничего не ел, только топтался на месте.

Мы замолчали. Вскоре он уснул. Я долго лежал с открытыми глазами, смотрел на звёзды и всё думал о том, что рассказал мне старый охотник.

«Сплю... сплю... сплю»,— неслись мелодичные крики сплюшек откуда-то недалеко со скал.

Они убаюкали меня.

Утром мы проснулись от мелкого морозящего дождя. Я сразу вспомнил про вчерашних свиней и грифов.

На кордон мы вернулись, промокнув до нитки. Дождь шёл, не переставая, до вечера.

КАБАНЫ ПОД ОКНОМ

Сезон охоты закончился, и в тугаях наступила тишина. Выстрелы прекратились, и всё чаще стали раздаваться голоса фазанов, смелее перекликались и бежали по россыпям к водопою кеклики, а зайцы по

утрам подолгу после восхода солнца задерживались на кормёжках по открытым полянам. Тугаи ожили от голосов перелётных птиц: многие из северных гостей остались здесь на всю зиму.

За километр от кордона егеря, над местом кормёжки кабанов, высоко на дереве был устроен помост для подкарауливания.

Однажды под вечер егерь Петренко взобрался на помост, чтобы починить его. Но едва он замахнулся обухом топора, чтобы ударить по гвоздю, как услышал треск и топот в зарослях. Егерь так и замер с поднятой рукой.

Кабаны?

Но солнце должно закатиться только через час. Кабанам выходить слишком рано. Кто же тогда так смело ломится через заросли?

Волк?

Ружьё осталось на кордоне. Егерь вытащил из кобуры револьвер и притаился на помосте.

Не прошло и минуты, как из зарослей на поляну вышло большое стадо диких свиней. Сезон охоты кончился, и поэтому звери, наверно, и не стали ждать своего времени — сумерек. Свиньи спокойно рылись под деревом с помостом. Они уткнули длинные рыла в землю и только иногда повизгивали. Свиньи не подозревали присутствия человека над головой. Токи воздуха поднимались от нагретой за день земли и уносили запах егеря. Он терпеливо выждал, когда стадо спокойно ушло дальше, и только тогда слез и пошёл домой. Так близко при дневном свете он видел кабанов впервые.

«Надо прикормить их, и они будут приходить ежедневно»,— решил Петренко.

На другой день полведра овса было высыпано под деревом с помостом. За ночь кабаны съели всё до зёрнышка.

Так началось первое знакомство.

А затем Петренко стал сыпать овёс с каждым

днём на сто метров ближе к своему кордону и за месяц «подвёл» стадо к окнам дома.

И не только диких свиней.

Под окнами кордона целый день роются фазаны. До них не более трёх метров, но птицы не боятся человека за стеклом окна. Чудесные фотоснимки остались на память об этих красивых птицах, как из арабских сказок.

Но вот прибежала косуля и разогнала длиннохвостых петухов.

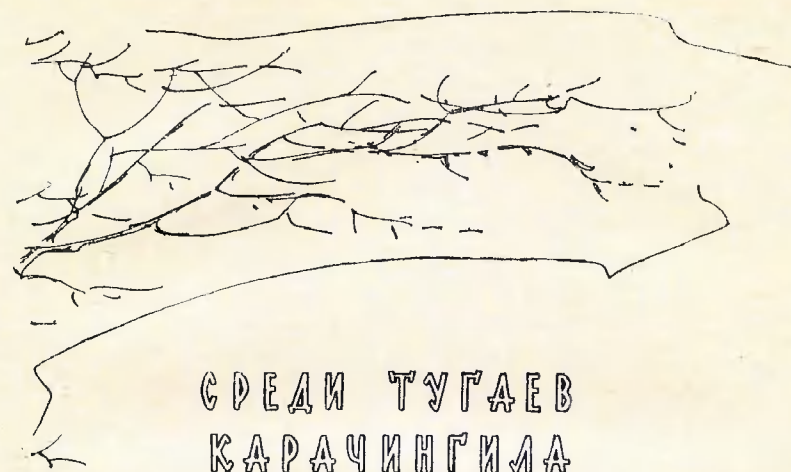
Солнце опускается за горы, и из леса появляются олени. Они долго стоят, слушают, нюхают, шагнут ближе и опять стоят.

Косуля покорно уступает место и «обиженно» отходит в сторону.

Но угощаются олени недолго. На опушке перед кордоном замелькали серые тени. Это подошло стадо кабанов. Прошлогодние подвинки торопливо бегут к овсу и жадно чавкают под окном. Старые секачи и взрослые свиньи бросаются за ними. В десяти шагах от окна они чавкают и басовито похрюкивают. Впрочем, сначала один из секачей поднял дыбом щетину и угнал косулю и оленей. Более двух десятков диких свиней разных размеров и возрастов до полной темноты хрюкали под окнами. Егерь с женой и дочерью выходили из дома, хлопотали во дворе по хозяйству, разговаривали, а рядом за низким штакетником хрюкали дикие свиньи, паслись олени и косули, перекликались фазаны.

А мы щёлкали затворами фотоаппаратов и убеждались, насколько интересна фотоохота!

СРЕДИ ТУГАЕВ КАРАЧИНГИЛА

Беден Казахстан лесами. И когда в жаркий полдень за песками и солончаками покажется синеватая полоска леса, проехать мимо невозможно. Но этот южный тугайный лес необычен. Он целиком состоит из корявых, колючих деревьев лоха. Здесь не увидишь привычной зелени листьев — они сизовато-серого цвета, словно покрыты вечной пылью солонцеватой пустыни. Она начинается сразу же за опушкой. Поздней весной чудесный аромат цветущего лоха уносится ветерком далеко над безбрежными солонцами. В тёмные ночи охотники не один раз находили дорогу из пустыни по этому запаху и соловьиному пению.

Лесной остров среди безбрежных равнин привлекает множество птиц. Сюда летят ночевать на деревьях соколы, орлы, сарычи и змееды. Дикие голуби выводят в лесу птенцов. Несколько тысяч фазанов роятся в опавших листьях или склёвывают сладковатые, как финики, плоды лоха. Косули подпускают человека очень близко и, как зайцы, вскакивают с лёжек в десяти шагах.

Нигде нет так много диких свиней, как в Карачингиле. Густые тростниковые заросли с севера соединяют лес с берегом реки Или. Эти заросли круглый год надёжно укрывают диких свиней, и только с вертолёта можно на миг увидеть их табунки в семейной обстановке.

Особенно много птиц зимует в Карачингиле. Первой появляется серая ворона. Ещё совсем тепло, на полях и в садах

идёт уборка урожая, а сибирская гостья уже тут! Поздней осенью подует северный ветер, полетит снег, и сразу появятся на всю зиму хохлатые свиристели, длиннохвостые сибирские снегири, чечётки, дрозды и много других птиц-зимовщиков. Летом не увидишь ни одну из них.

Сюда-то, в Карачингил, я часто приезжал, чтобы побродить в тростниковых зарослях вместе с Лукичом, старым егерем, вот уже двадцать пять лет охраняющим здешние места.

НА РАЗЛИВЕ

Ещё с вечера вода в реке Или прибыла и кое-где стала затоплять прибрежные низинки. Ночью вода хлынула через края берегов и к утру залила тугай. На низких покосных местах она ушла на несколько километров.

Домик бакенщика стоял на высоком месте и был недостижим для весенних разливов. Мимо него неслась мутная река, необычайно широкая и необузданная в своём весеннем величии. Она несла сор, ветки и целые деревья, смытые с берегов. Где-то далеко внизу шлёпал колёсами пароход, и его дымок едва виднелся за островами. На залитых лугах чернело несколько полосок земли, не покрытых водой. На них собрались перепела со всего луга, и странно было слушать, как они кричали все враз — хором.

Яркое солнце поднялось из-за гор, и алые лучи заиграли на водном просторе. Оно осветило картину бедствия птиц и зверьков в затопленных тугаях. Всюду были слышны тревожные голоса мелких птиц и цоканье фазанов.

Натуралисту в такое время можно повидать много интересного. И вот я уже бреду по тугаям с биноклем и фотоаппаратом, в высоких резиновых сапогах, привязанных к поясу. Палкой проверяю путь — возможны ямы, в которых теперь и дна не достанешь.

Всюду всплыл неподвижный древесный сор, палки и даже целые деревья. Влажный воздух насыщен запахом мокрой древесины. Разлив прекратился. Вода больше не прибывала. Река вылила свои излишки за берега и успокоилась.

Первым, кого я встретил, был заяц. Совершенно сухой, он сидел на поваленном дереве, которое возвышалось над водой. При виде меня зверёк сжался в комочек, замер. Только биение сердца маленькими толчками колыхало его шкурку на боку. По зайцу полз большой жук-навозник, но заяц терпел, боясь пошевелиться.

Я стоял в нескольких шагах и фотографировал зайца. Из этих снимков у меня потом получились прекрасные цветные фотографии зайца с чёрным блестящим жуком на спине.

Недалеко из воды поднимался длинный сухой бугор, покрытый кустами и деревьями. Но почему же заяц сидел на дереве, а не спасался от наводнения на этом бугре? Очевидно, бугор заняла лиса или дикий кот. Надо проверить эту догадку. Я шагнул в сторону бугра, но в этот момент нервы зайца не выдержали — он взлетел в воздух гигантским прыжком и неумело шлёпнулся в воду, окунувшись в неё с головой. Затем удивительно быстро и легко заяц поплыл к берегу, вскочил на бугор и притаился под первым же кустом. Было видно в бинокль, как он дрожал — весь мокрый и необычайно тонкий.

Конечно, где-то поблизости был хищник, иначе заяц не остался бы около самой воды. Обойдя стороной, чтобы не беспокоить зайца, я поднялся на бугор. Это был небольшой, удлинённый островок среди затопленного тугая. В самом конце его заметалась в разные стороны лисица. Вероятно, где-то поблизости затопило её нору с лисятами. Не допустив меня на «выстрел» фотоаппарата, лисица бросилась в воду и быстро уплыла, скрывшись за деревьями.

Я побрёл дальше по затопленному тугаю.

Над самой головой с джиды с шумом слетела фазанка и совсем недалеко уселась на другое дерево с криком и хлопаньем крыльев. Я двинулся к ней с фотоаппаратом наготове, прячась за деревьями. Но фазанка опять перелетела немного дальше.

«Ага! Она отводит от птенцов», — догадался я, вернулся обратно и стал внимательно осматриваться. Но всюду была вода и ни одного клочка сухой земли, где могли бы скрываться фазанята.

И вдруг я заметил их. Под деревом, с которого слетела фазанка, возвышался из воды небольшой пенёк. Он был покрыт пуховой шапочкой из крошечных фазанят. Они вывелись не более как три-четыре дня тому назад. Вся «жилплощадь» пенёка была так плотно занята ими, что невозможно было сосчитать, сколько их там сидит.

Пока я фотографировал фазанят, их испуг прошёл. То один из них, то другой стали вытягивать шейки и что-то склёвывать с пенёка. Тогда я заметил, что вверх по пенёку непрерывно поднимаются муравьи, которыми фазанята и питались. Под пенёком, вероятно, был затоплен муравейник, и его обитатели спасались от воды тоже на пенёке под корой.

Фазанка с шумом уселась на соседнее дерево, тревожно цыкнула и улетела. Фазанята сразу замерли, обратившись опять в неподвижную пуховую шапочку. Ни одна головка больше не двигалась, хотя муравьи ползали даже по фазанятам.

Я задумался. Что же делать с птенцами? Они погибли на этом пенёчке.

Пришлось переложить пуховые тёплые шарики в шапку. Их было шесть. Больше на пенёчке места не было. Слабых, очевидно, унесло водой. Недалеко за лесом вдоль берега тянулся песчаный бугор, заросший кустами. Я выпустил там трёх фазанят. Они бойко побежали по неску, словно плюшевые, на тоненьких ножках. За ними потянулись крошечные полукрестики следов. Вот один юркнул в сторону и затаился в траве. Двое ещё бегут. Вскоре свернул в траву второй. А третий фазанёнок, самый сильный, убежал дальше всех, но и он тоже скрылся в траве.

Ну, теперь всё в порядке. Если мать найдёт фазанят, они будут жить. Трёх я оставил в шапке и бережно понёс к бакенщику. Вчера я видел, что у него курица вывела цыплят.

Дедушка Сидорыч сидел на завалинке и курил. Седой, в сером ватнике и серых валенках, он был словно весь покрыт инеем. Несмотря на свои семьдесят лет, он считался одним из лучших бакенщиков.

— Зачем принёс фазанят? — спросил сурово Сидорыч, и его брови нахмурились. — Иди отнеси их обратно.

— Да вот, дедушка, затопило их в тугаях, я и принёс, под вашу курицу выпустим, пускай растут, а трёх я на бугор...

— Тебе говорю, иди сейчас же выпусти! — прервал меня ещё более сердито Сидорыч. — Неужели не знаешь, что фазанята не будут жить с курицей? Даже если она их высидит, всё равно разбегутся. Иди скорее, отнеси их обратно.

Сидорыч встал и ушёл в избушку, не сказав мне больше ни слова. Обескураженный такой встречей, я побрёл обратно с шапкой в руках. В ней тихо попискивали три беспомощные сиротки. Теперь я и сам припомнил, что фазанят очень трудно выращивать под курицей: где-то давно я читал об этом.

Крики фазанов в тугаях давно смолкли. Все они устроились на небольших островках.

Вот и песчаный бугор. Чёткий, крупный след фазанки поверх моих следов. Значит, она прилетела сюда вслед за мной. Следы шли по песку вдоль берега через большие интервалы — значит, фазанка быстро бежала. Но вот она перешла на шаг, и в этом месте из травы на песок выбежали крошечные полукрестики её цыплёнка. Фазанка пошла дальше, а поверх её следов были следы фазанёнка — он бежал за матерью. Вот ещё такие же полукрестики выбежали из травы на песок, и теперь три птицы двигаются дальше. Наконец по следам видно, как навстречу прибежал третий птенец, очевидно услышав зовущий голос матери. Фазанка всё бежит вперёд и вперёд: птенцов слишком мало, где-то должны быть ещё... Но трое из них у меня в шапке, а остальных унесла вода.

Наконец следы всего семейства исчезли в траве.

Мне долго пришлось бродить по кустам в поисках выводка. Но вот из-под самых ног ракетой взвилась фазанка. С неё уже в воздухе упал пуховый птенец в траву. Вероятно, она грела фазанят под собой и так неожиданно взлетела, что один из них не успел выбраться из перьев и был поднят на несколько метров в воздух. На этом месте я высыпал фазанят из шапки в прошлогоднюю траву и бросился обратно в кусты.

Возвращался я к бакенщику с таким чувством, будто у меня с плеч свалилась тяжесть. Всюду в воздухе звенели песни жаворонков, как бесконечное, звонкое журчанье невидимых ручейков.

ОПАСНЫЙ СОСЕД

Всё утро я провёл в лесу, то густом и тёмном, то с большими светлыми полянами. Наконец впереди замелькали в деревьях просветы, и я вышел на опушку.

На крайнем большом дереве чернело огромное орлиное гнездо. Из него раздавался писк. Взрослых орлов нигде не было заметно. Очевидно, они улетели за добычей.

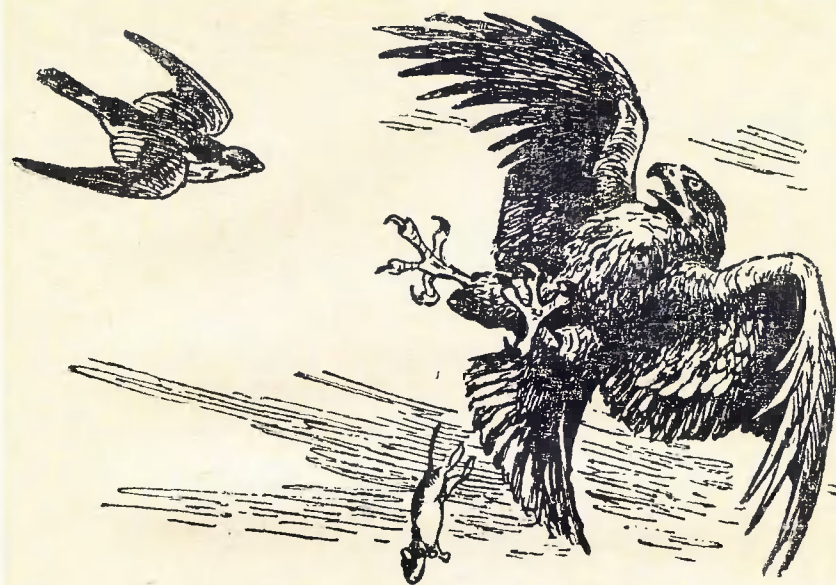
Недалеко от дерева с гнездом рос плотный куст шиповника. Я лёг за ним в траву, приготовил бинокль и записную книжку: мне хотелось выяснить, что это за орлы и чем они выкармливают птенцов.

От самой опушки вдаль уходило поле, а вправо, в километре, начинались заливные луга большой реки. Оттуда доносился скрипучий крик коростеля. Ему вторили перепела на лугу и на поле. Далеко над рекой кричали чайки и белыми точками носились над прибрежными песками. В траве трещали кузнечики.

Несмотря на летний жаркий день, у земли в густой, высокой траве было сыро и прохладно. Кое-где ещё не высохла роса, и в её капельках разноцветными огоньками сверкало солнце. Я долго лежал и присматривался к населению этих травянистых дебрей. Большая улитка медленно ползла по стеблю, оставляя после себя мокрый серебристый след. Зелёные травяные паучки куда-то торопливо пробирались вглубь, подальше от света, который хлынул сюда после того, как я лёг и смял траву. А два полосатых клопа встретились на одном листе, пощупали друг друга усиками и поползли своей дорогой.

Вдруг в гнезде громко закричал птенец. Я поднял над травой голову и увидел, что с лугов летит орёл с какой-то добычей в лапах. Хищник быстро приближался, и в бинокль я скоро разобрал, что это летит большой подорлик, а в лапах у него водяная крыса.

Подорлику оставалось долететь до гнезда не более двухсот метров, когда ему наперерез из леса с криком вылетел маленький сокол-чеглок. Подорлик часто замахал крыльями, но чеглок в несколько секунд догнал его, взвился вверх и вдруг кинулся на огромного хищника, намереваясь ударить его в спину.

Подорлик, отражая удар, заклекотал и на лету перевернулся вверх брюхом, выставил когтистые лапы и уронил водяную крысу в траву.

Подорлик улетел на луга за новой добычей. Чеглок сделал несколько кругов над полем и скрылся в лесу. Где-то недалеко от опушки раздался крик сразу двух чеглоков: конечно, там было его гнездо и чеглока-победителя встретила самка.

Через полчаса всё повторилось снова. На этот раз к своему гнезду пытался прорваться подорлик-самец. Чеглок и его перевернул вверх брюхом и заставил уронить добычу в траву. Пока подорлик не улетел на луга, чеглок бросался на него сверху — совсем как самолёт-истребитель на тяжёлый бомбардировщик.

Прошло более часа. Близился полдень. Голодный птенец в гнезде ныл скрипучим голосом. В бинокль было видно, как зелёные мясные мухи лезли ему в глаза и в открытый от жары клюв. Птенец щурил то один глаз, то другой и тряс головой.

Наконец с лугов показались сразу два подорлика. Они летели друг за другом и каждый из них нёс в лапках по водяной крысе.

Но за двести метров от их гнезда из лесу чёрной тенью мелькнул наперерез сокол. С боевым криком он кинулся на спину первого подорлика и заставил громадную птицу перевернуться вверх брюхом. Конечно, добыча при этом полетела в траву.

Второй подорлик, отчаянно махая крыльями, провалился далеко вперёд, но... в десяти метрах от гнезда чеглок и его перевернул на спину, а водяная крыса упала чуть не на меня.

Жалобный писк птенца, клёкот подорликов и крик сокола долго нарушали знойный летний полдень. Затем всё стихло. Подорлики один за другим улетели на луга, чеглок — к своему гнезду, а птенец опять принялся воевать с мухами.

Я взобрался на дерево к гнезду подорликов и был поражён видом птенца: это был скелет, обтянутый кожей! Очевидно, он уже давно голодал, и если за сутки ему перепала одна водяная крыса, то этого хватало только на то, чтобы не сдохнуть с голоду.

Я направился к своей палатке. До меня опять долетели уже знакомые крики. Повторилась старая история — чеглок перевернул подорлика на спину и тот улетел на луга за новой добычей.

Через две недели я проезжал мимо этого места. Издалека я увидел гнездо на дереве и решил посмотреть, что сделалось с птенцом.

Вот и куст, за которым я лежал в прошлый раз. В бинокль было хорошо видно, что птенец покрылся перьями и бодро сидел на краю гнезда.

Я прилёг за куст и вскоре увидел, как подорлик принёс с лугов водяную крысу и накормил птенца. На этот раз ему никто не мешал.

Я уже хотел встать и идти искать гнездо чеглоков, как вдруг увидел одного из них. Сокол летел с полей к лесу с птичкой в лапах. Тогда мне всё сделалось по-

нятно: у них вылупились птенцы и чеглок не сидел больше целыми днями недалеко от гнезда, сторожа самку на яйцах. Теперь было не до преследования мнимых врагов его гнезда — подорликов. Нужно было с утра до вечера добывать пищу для своих птенцов.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Рано утром на берегах реки Или повсюду из тростников раздаются крики фазанов-петухов. И вот, с ружьём в руках, стараясь не шуметь, идёшь на этот крик, поёживаясь от утренней прохлады. Время от времени фазан подаёт голос где-то совсем недалеко за кустами. Затаив дыхание вглядываешься вперёд, досадуя на похрустыванье травы, скованной серебристым инеем. Но фазана нигде не видно. Конечно, он услышал шаги и сейчас бежит уже далеко в кустах. Так можно проходить всё утро и ни разу не выстрелить. Нужно спешить туда, где фазаны кормятся по утрам. Там они затаиваются и подпускают близко.

Где-то вправо гулко раскатился первый выстрел. И, как бы отвечая ему, слева тоже раздался выстрел, и стало видно, как над кустами взметнулось пороховое облачко, а дымок повис в тихом, свежем утреннем воздухе. Оттуда замелькала над кустами фазанка и, планируя, пошла на посадку в далёкие тростники.

«Промазал!» — мелькнула мысль.

Вдруг из-за деревьев от речки наперерез фазанке понёсся ястреб-тетеревятник. Но фазанка успела долететь до тростников, и было видно, как она не села, а прямо упала в них. Ястреб сделал круг над этим местом и опять улетел к речке в лес.

Искать фазанку в густом тростнике было бесполезно. Напуганная, она убежит далеко и затаится где-нибудь в густых, непролазных дебрях.

Всё чаще раздаются выстрелы охотников. Появляется чувство лёгкой досады, и невольно ускоряешь

шаги. Но, как назло, фазаны не вылетают. Как жаль, что со мной нет собаки...

Колючие кусты чингиля, шиповника и молодая поросль джиды цепляются за одежду, царапают руки и производят такой шум, что фазаны, конечно, успевают убежать.

Вот и речка. Извилистая и узкая, она всё время делает неожиданные крутые повороты. Берега её заросли кое-где тростником. Сюда прибегают утрами на водопой фазаны.

Белая цапля внезапно взлетела из заливчика за мыском, вытянув шею и опустив ноги. Вот она тяжело поднялась выше деревьев, втянула шею и полетела к солёным озёрам. На речку цапли прилетают ловить мелкую рыбёшку.

Вдруг из-под самых ног с криком и хлопанием вырвался фазан-петух. Косые лучи низкого утреннего солнца заиграли на его ярком оперении, как на вычищенной меди. Всё это продолжалось одно мгновение. Фазан с криком свернул за ствол дерева и улетел к тростниковым зарослям, которые желтели за километр по ту сторону широкой поляны. Я не успел выстрелить и стоял, опустив ружьё, и разочарованно смотрел ему вслед.

Фазан не пролетел ещё и половины поляны, как вдруг вслед понёсся от речки ястреб. Расстояние между ним и фазаном стало быстро уменьшаться. Фазан заметил опасность и больше не планировал. Он отчаянно работал крыльями и по прямой летел к тростникам. Но ястреб был выше его в воздухе и, постепенно снижаясь, с каждым мгновением развивал всё большую скорость.

Развязка произошла, когда фазану осталось сделать всего несколько взмахов крыльями, чтобы нырнуть в спасительные заросли, — ястреб схватил фазана, и оба упали в тростник. Облачко пуха и перьев повисло в этом месте в воздухе и медленно поплыло в сторону по слабому утреннему ветерку.

Вскоре, борясь с одышкой, я уже подбегал к этому месту. Мне было ясно, что ястреб приспособился в охотничьем хозяйстве безнаказанно хватать фазанов, которых выгоняли охотники. Поэтому он и летел прямо на выстрел или на крик взлетевшего петуха. Этого пернатого волка надо было застрелить во что бы то ни стало. К месту его расправы с фазаном я подошёл осторожно, с ружьём наготове. Ястреб, конечно, сейчас увлечён едой и подпустит близко. Всё время я не спускал глаз с этого места, пока бежал по поляне, и не видел, чтобы ястреб улетел.

Наконец первое перо фазана на траве и ещё несколько пёрышек на тростнике. Осторожно делаю последние шаги — и вот он, фазан, лежит в тростнике. Его длинный хвост торчит вверх. Но ястреба нет. Значит, он всё-таки перехитрил меня и незаметно улетел! Я поднял фазана. Он был мёртв. На его голове кровь от ран, нанесённых клювом хищника. Но

смерть произошла, вероятно, от глубоких уколов в сердце когтями задних пальцев ястреба.

И вдруг я вижу второй неподвижный хвост в тростнике. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что это хвост ястреба! Это так неожиданно, что я роняю из рук фазана и поднимаю мёртвого хищника.

В чём дело? Как могла произойти гибель обеих птиц?

Но разгадка была в моих руках. Горло ястреба было пропорото. На моих глазах произошёл редчайший случай в природе: когда ястреб и фазан упали в тростник, сцепившись в комок, то хищник сразу нанёс смертельные раны своей жертве когтями и клювом. Но фазан случайно, защищаясь или даже в предсмертной агонии, ударил ястреба острой шпорой, угодив своему убийце в горло. Пока я пробежал километр от речки до тростников, оба успели издохнуть.

Я бережно уложил фазана и ястреба в рюкзак. Дома я сделал из них чучела, и они висят на стене над моим рабочим столом, напоминая о редком случае, который произошёл ранним осенним утром на берегу реки Или.

НЕПРОШЕННЫЙ КВАРТИРАНТ

Солнце в морозной дымке медленно опустилось за далёкими тростниками на берегу Балхаша. Резкий северный ветер шумел позёмкой, склоняя тростники.

Едва скрылось солнце, как в зарослях раздался тонкий писк, и крошечная тёмная птичка со вздёрнутым вверх хвостиком уселась на тростинку. Птичка была так мала, что тростинка даже не согнулась. Это был крапивник. Он поджимал под себя то одну лапку, то другую, чтобы согреть их.

Вот он уверенно юркнул в гнёздышко синиц ремезов, закрытое со всех сторон, с трубочкой-входом. Крапивник пискнул в гнезде несколько раз и затих.

Ремезы в тростниках не покидают своих гнёзд зимой, ночуя в них всем выводком. Вскоре раздались их голоса. Они спешили на ночлег.

Но их квартира оказалась занятой. С пронзительным писком крапивник клюнул в лоб первого ремеза, который полез в своё гнёздышко. Хозяин отпрянул.

Птички расселись кругом гнезда и некоторое время тревожно перекликались. Вторая попытка пробраться домой тоже кончилась неудачно. Маленькое пёрышко из лба ремеза, кружась, полетело по ветру. А забияка крапивник высунулся из гнезда и так громко заверещал, словно не он залез в чужое гнездо, а ремезы лезли в его дом.

Между тем короткие зимние сумерки быстро сгущались. Ярко-красная заря на горизонте начала гаснуть. Ветер сделался ещё злее. Наступала длинная морозная ночь, а ремезы остались без крова на ледящем ветру. Наконец один из ремезов закрыл глаза и насильно полез в гнездо. Но крапивник вытолкнул его и, разгорячась, сам выскочил наружу. Вереща и злясь, он начал преследовать ремеза на полянке.

Но другие птички не упустили момент. Одна за другой они юркнули в трубочку-вход и притихли в гнезде. С разлёту туда ворвался последний ремез, а следом за ним и крапивник.

И странное дело — в гнезде всё стихло. Чем там больше птичек, тем теплее.

Утром крапивник первый улетит из гнезда, а вечером опять первым заберётся в него. И так всю зиму. Каждый день вечерние сумерки будут омрачены для выводка ремезов потасовкой с непрошеным квартирантом.

ОПАСНАЯ БЛИЗОСТЬ

Ярким солнечным утром я шёл по старому лесу Карачингильского охотничьего хозяйства. Это был необычный лес для тех, кто вырос среди сосновых

боров или тайги. Узкие мелкие листья джиды, немного похожие на тальниковые, не давали и половины тени, обычной для других деревьев. Совсем не зелёный, а голубовато-серый цвет листьев, как лёгкой дымкой, окутывал деревья и придавал всему лесу сказочную окраску. А какой сильный пряный запах разносился от множества ярко-жёлтых соцветий на каждом дереве!

Джидовый серебристый лес всем своим видом напоминает о юге.

Настойчивый сорочий крик привлёк моё внимание. На большой поляне в лесу, с которой накануне была скошена и увезена трава, сидели три сороки на некотором расстоянии друг от друга. Они взмахивали хвостами, стрекотали и смотрели на какой-то шевелящийся комок. В бинокль я рассмотрел, что это лисица так заинтересовала сорок. Она лежала на спине, виляла хвостом и поворачивалась.

С обратной стороны, из густой нескошенной травы вышел фазан и, весь вытянувшись, тоже стал смотреть на лису и тревожно цокать. А лиса всё переваливалась с боку на бок, ложилась на спину, болтала ногами и непрерывно виляла хвостом, медленно приближаясь к одной из сорок. Но та не улетаала и даже боком подскакивала ближе к лисе. Не более трёх метров отделяло их друг от друга. Два метра! Ещё меньше! Лиса перевернулась на живот и бросилась на сороку.

Лиса точно опустилась на то место, где сидела сорока, но её уже не было: отчаянно застрекотав, она успела взлететь и... тут же опять села на поляну в десяти шагах от лисы. А та, не вставая, перевалилась на спину и опять завиляла хвостом, словно это не она чуть было не схватила сороку.

Остальные сороки подскакивали ближе. Фазан тоже сделал несколько шагов в сторону лисы. Его цоканье и сорочье стрекотание далеко разносились по лесу.

Лиса ещё раз подкатилась к той же сороке. Когда она вторично бросилась на неё, то сороку спасли какие-то доли секунды. Однако, всё же успев взлететь, сорока как замороженная опять уселась на поляну. Всё началось сначала, как будто ничего не произошло. Между тем фазан сделал ещё несколько осторожных шагов вперёд и оказался ближе к лисе, чем сороки. Лиса начала подкатываться к нему.

Фазан замер на месте, громко зацокав, вытянулся весь, как только мог, но не отступал, а лиса вертелась уже в двух метрах от него.

И вот рыжей лентой зверь мелькнул в воздухе. Фазан, как яркая ракета, взвился вверх, отчаянно крича, и... тут же опустился на поляну, зацокав.

Лиса повалилась на бок и снова стала подбираться к сороке. Конечно, она схватила бы одну из сорок или фазана, но всему помешала четвёртая сорока. Она прилетела на крик и заметила меня за кустом.

Новая сорока застрекотала по-особенному. Фазан и сороки на поляне замолчали, а лиса вскочила на ноги, подняла вверх нос и только теперь почувствовала моё присутствие. Круто повернувшись, лиса исчезла в кустах. Сороки улетели, фазан убежал, и на поляне всё стихло. Лесное представление не успело закончиться. Занавес опустился раньше времени.

В ПОЛОВОДЬЕ

Апрельское солнце к полудню грело по-летнему. Мне стало жарко бродить с ружьём в тяжёлых резиновых сапогах и в тёплой ватной тужурке. Я сел отдохнуть на берегу реки, разлившейся широко, по-весеннему.

Быстрое течение вертело воронки в мутной воде, несло клочья жёлтой пены и смытые с берегов брёвна. На одном из них плыли белые трясогузки с чёрными «салфеточками» на зобиках. Они быстро перебегали

с места на место, семена тонкими ножками и помехивая длинными чёрными хвостиками.

Табунки диких уток то и дело пролетали над рекой, придерживаясь середины. Стрелять было далеко. Я положил ружьё, взял в руки бинокль и любовался яркой окраской весеннего наряда селезней. Вот два красавца-крякши летят за скромно окрашенной уткой. В бинокль хорошо видны их бархатистые зеленовато-синие головки с белыми ошейниками и ярко-коричневыми грудками. Морковно-красные лапки чётко выделяются на белом брюшке. Цветистые селезни на фоне весеннего неба очень красивы — все цвета радуги сверкают на их атласном оперении!

Вслед за ними, медленно махая крыльями, словно подчёркивая, что они никуда не торопятся, пролетели белоснежные чайки. А вместе с ними увязался чёрно-белый чибис. Он то отставал, то забегал вперёд, но всё же старался держаться вместе с чайками.

Чайки пролетели. Я опустил бинокль и вдруг увидел, что против меня плывёт бревно и на нём мокрая лисица. Янтарно-жёлтые её глаза тоскливо озирались по сторонам, мокрое тело трясла сильная дрожь. Под тяжестью лисицы бревно постепенно тонет — сначала медленно, потом всё быстрее. Вот оно совсем скрывается под водой. Лиса всплывает, но рядом с ней выныривает бревно, и лиса опять взбирается на него, отряхивается и плывёт некоторое время, чтобы снова повторить то же. Но почему же она не переплывает на берег? Ведь до него всего сорок—пятьдесят метров? Вероятно, лисица плывёт издалека и привыкла к бревну... Мои догадки внезапно прервали новые события: на лису бросился беркут. Она заметила опасность и громко затрявкала, оскалившись и подняв мокрый, тяжёлый хвост. Беркут уже вытянул вперёд лапы, но необычность обстановки испугала его: кругами беркут стал ввинчиваться вверх. Добыча не убежала. Но пернатый разбойник привык хватать только убегающие жертвы, а не защищающиеся!

Бревно затонуло, лиса всплыла и опять взобралась на него, когда оно появилось из воды.

Беркут вторично бросился на лису. Но она залаяла ещё яростнее и даже прыгнула навстречу птице. И опять хищник взмыл вверх. Больше он не делал попыток броситься, но и не улетал, кругами поднимаясь всё выше.

Бревно с лисой отплыло далеко, и я взялся за бинокль. Тогда стало видно, что бревно несёт прямо на мель, на которой застряло уже немало брёвен.

Искушавшись ещё несколько раз, лисица подплыла на своём бревне к мелкому месту. Со всего хода бревно ткнулось в песок и остановилось. От толчка лиса упала с бревна, и тут оказалось, что воды ей всего только по брюхо. Лиса, подняв мокрый хвост, ошалело стояла на месте несколько мгновений, затем огромными прыжками бросилась к берегу. С каждым прыжком делалось всё мельче, и вот лиса мчится уже по песку.

Но в нескольких метрах от кустов беркут снова упал на лису. Раскрыв крылья и хвост, он сидел на ней несколько секунд, показавшихся мне вечностью. Огромные когти задних пальцев теперь глубоко вонзились в бока жертвы...

Вдруг с шумом стремительно упал второй беркут. Началась яростная драка двух громадных птиц. А лиса тем временем, сильно хромя, кинулась в кусты и скрылась там.

Я невольно улыбнулся, вспомнив народную сказку о том, как охотники делили шкуру неубитого медведя.

ПЕРНАТЫЕ ГРАБИТЕЛЬНИЦЫ

Мы оставили лодку на прибрежной песчаной косе и с удильщиками на плечах пошли в глубь лугов, оставляя на ещё невысокой траве мокрые, тёмные следы.

Пахло цветущей черёмухой. В кустах громко щёл-

кал соловей. Желтогрудые овсянки дубровники пели, сидя на вершинах тальников. Они прилетели самыми последними из перелётных птиц и «закрыли» весенний перелёт. А в начале августа их уже не увидишь на лугах: одними из первых они улетают на зимовки. Птенцы у дубровников растут так быстро, как ни у одной из птиц. Что поделаешь? Приходится поторапливаться — всего два месяца дома, короткий срок!

На берегу озера, ещё не заросшего кувшинками, мы стали разматывать удочки. Во время цветения черёмухи хорошо клюют караси. Но поплавки замерли на поверхности озера. Даже мелочь не шевелила червей. Мы решили переменить место и попробовать рыбачить в другом конце озера.

Но едва мы прошли несколько десятков шагов, как из-под ног с шумом взлетела дикая утка. Она тут же шлёпнулась в озеро и с беспокойством завертелась. У наших ног было её гнездо с яйцами.

Стараясь не мять траву около гнезда, мы поскорее пошли дальше, чтобы не мешать утке.

Вдруг утка бросилась к гнезду, не обращая больше внимания на нас, и торопливо села на него. Но было уже поздно: белые яйца в открытом на несколько минут гнезде заметила пара пролетающих ворон. Они нахально сели около гнезда по обе стороны. Утка шипела, поворачивала голову с приоткрытым клювом то к одной вороне, то к другой. Однако наглые грабительницы боком, воровски, подскакивали всё ближе. Как по команде, они вдруг схватили утку за крылья и потянули с гнезда в разные стороны. Только поэтому они не могли сразу сдёрнуть её с яиц. Утка отчаянно забилась и выдернула одно крыло. Другая ворона сейчас же стащила утку с гнезда. В нём на миг забелели яйца. Утка бросилась на ворону, но та увернулась, а вторая ворона только этого и ждала — она схватила в клюв яйцо и полетела в сторону. Мы бросились на помощь и прогнали грабительниц, бросая в них фуражками.

Но вредные птицы не улетели далеко. Они уселись на кусты черёмухи, нахохлились, плотоядно зевали, и весь их вид теперь говорил, что они приготовились к длительному ожиданию. К гнезду они боялись приблизиться, и утка спокойно сидела на яйцах.

Долго лежали мы в траве, смотря на неподвижные поплавки. Рыба сегодня совершенно не клевала, хотя три дня назад мы наловили здесь полведра крупных золотистых карасей.

Толстая ветла наклонилась с берега над водой, отражаясь в ней, как в зеркале. В дупле было гнездо скворцов. У них со дня на день должны были вылупиться птенцы, а пока что чёрный скворец, поблёскивая зеленоватым зобом, ещё распевал на ветке, склонённой над водой. Каким только голосам птиц не подражал он с удивительной точностью: бил перепелом, тонко попискивал пеночкой, кричал чиби́сом, по-свистывал куликом, иволгой — одиннадцать голосов разных птиц насчитал я в промежутках между его собственными трелями. Но что удивительно — скворец не подражал голосам ни одной из птиц далёких жарких стран, где он провёл полгода на зимовке. Оказывается, скворцы подражают голосам только наших птиц. Вот это настоящие патриоты!

Солнце поднялось высоко, и пора было возвращаться домой. Но как быть с уткой? Вороны по-прежнему сидели, нахохлившись, на черёмухе и явно ждали, когда уйдут люди, чтобы расправиться с утиными яйцами.

Мы безуспешно попытались прогнать их: вороны подпускали вплотную, а затем, лениво разгребая крыльями воздух, перелетали недалеко в сторону и опять садились на вершины цветущих черёмух, пуская вниз метель из осыпающихся белых цветочков. Они как бы заранее торжествовали, что переупрямят нас! Утку надо было избавить от ворон во что бы то ни стало. Ведь это мы были виноваты в её беде. Только ружьё могло освободить утку от вороньей осады.

И вот я зашагал к избушке знакомого бакенщика. Товарищ остался ждать около гнезда.

Савельича я застал дома. С очками на носу, привязанными к ушам верёвочками, старик сидел на табурете и чинил сеть. Он удивлённо сдвинул на лоб очки, услышав мою просьбу, и проворчал:

— Ружо тебе дать? Да ведь ты только с удочкой балуешь! Сроду не видал тебя с ружом. Ты и держать его, однако, не знаешь как.

Но всё же он, кряхтя, встал с табурета и снисходительно сказал:

— Бери, мне не жалко. Сколь гнёзд зорят эти твари — страсть! Проучи их, сынок. Только зря, однако, давно твои вороны улетели.

Савельич не спеша пошёл в избушку за ружьём.

Время близилось к полудню, когда я вернулся с ружьём за плечами. Пение птиц на лугах смолкло. Только ласточки с весёлым щебетанием носились над самой водой озера, освежаясь купанием. Желтогрудая овсянка дубровник вся мокрая после купанья в мелкой луже около озера, протирала клювом пёрышки, сидя на склонённой жёлтой лилии. Вороны всё ещё сидели на черёмухе. Товарищ спал около гнезда.

Я взвёл курок и направился к воронам. Но они сразу насторожились. От их спокойного вида не осталось и следа. Испуганно озираясь, вороны перебирали крыльями, как-то подтянулись и готовы были вот-вот взлететь. Но ведь совсем недавно мы подходили к ним вплотную! Неужели вороны поняли, что у меня в руках ружьё?

Не подпустив меня на выстрел, вороны перелетели дальше и уселись на самые вершинки, испуганно озираясь.

Только осторожно пробираясь по густым зарослям, я незаметно подкрался к воронам шагов на семьдесят. Заросли кончились. Дальше шла открытая поляна. Оказалось, вороны выбрали хорошее место для наблюдения за мной. Я просунул ствол

ружья через куст шиповника, прицелился немного выше ворон и выстрелил.

Обе вороны рванулись в стороны и, отчаянно махая крыльями, быстро скрылись из виду.

Когда через неделю мы приехали опять рыбачить на это озеро, утки в гнезде уже не было. Только скорлупки лежали около гнезда, и по ним было хорошо видно, что утята благополучно вывелись и мать увела их на озеро.

ЗА ЧУЖОЙ МАТЕРЬЮ

Рассвет застал егеря далеко от кордона. Он привык вставать до солнца и вместо утренней газеты читать по свежим следам на берегах ручьёв и лесных озёр последние ночные «известия» зверей и птиц.

Через небольшой ручей с илистыми берегами на рассвете прошла крупная дикая свинья. Её большие чёткие следы протянулись по прямой линии поперёк ручья — сытая свинья торопилась на дневную лёжку в тростниковые заросли. Маленькие копытца поросят наделали много зигзагов. По молодости поросята, конечно, шалили на ходу, толкали в бока друг друга и наделали «весёлых» петель на грязи.

Лукич наклонился и внимательно сосчитал: шесть поросят. Где же седьмой? Может быть, он наступал след в след?

Лукич прошёл до соседнего ручья и там опять сосчитал следы на грязи: поросят шло точно шесть.

Егерь достал записную книжку и вычеркнул седьмого поросёнка у свиноматки, которая числилась у него под номером три, около Камба-арала.

Через сотню метров он увидел под кустом труп растерзанной косули:

— Опять волк!

В записной книжке он отметил: «Не иначе как волк и поросят убавляет у свиней».

Вечером он спрятался в куст около трупа косули

с ружьём, заряженным картечью в обоих стволах. Справа и слева от куста тянулась канава от одного озера к другому.

Солнце низко висело над лесом. Дневной жар спадал. В кустах пели соловьи и славки — они всё ещё не могли остановиться после хмельных весенних ночей, хотя и выкармливали птенцов. На дне канавы было немного воды, и там загорланили лягушки.

Чем ниже спускалось солнце, тем больше поднималось комаров. Они могут отравить ночь кому угодно. Но Лукич всегда говорил, что привык к комарам. Этой привычке можно было бы позавидовать!

Едва солнце коснулось вершин леса, как далеко по канаве раздалось какое-то побулькивание.

Лукич взвёл курки и затаил дыхание. Бульканье становилось ближе. Кваканье лягушек смолкло, и только около самого куста они орали что есть сил. По дну канавы шёл зверь. Конечно, это был волк. Он шёл доедать косулю...

Канаву было видно метров на пятьдесят, а даль-

ше она делала поворот. Где-то за ним булькали шаги.

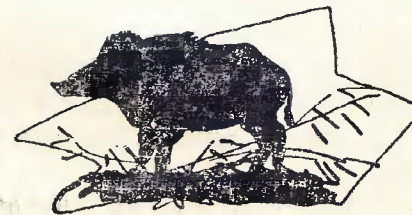
Егерь прицелился на угол канавы и готов был выстрелить, как только волк покажется из-за поворота.

Всё ближе булькающие шаги, и вот наконец большое бурое пятно показалось из-за поворота, но егерь опустил ружьё — это была косуля! Она спокойно шагала по дну канавы и скусывала на ходу какие-то травинки на дне. За ней, как за матерью, весело бежали три полосатых поросёнка дикой свиньи. Они то и дело останавливались, совали мордочки в мелкую воду по самые уши, чавкали и вскачь догоняли косулю.

Егерь с удивлением наблюдал за этим «семейством». Косуля не обращала никакого внимания на поросят и могла увести их далеко от матери. Наконец косуля учуяла человека. Она остановилась, высоко подняла изящную головку с чёрными глазами и близоруко уставилась на неподвижную фигуру человека. Поросята как ни в чём не бывало рылись около её задних ног.

Едва заметное движение Лукича сразу дало понять косуле, что человек рядом. Лёгкий прыжок из канавы — в кустах только мелькнул белый задок. Поросята на миг застыли в неподвижных позах и разом, вперегонки бросились обратно по канаве, задрав хвосты. Где-то за поворотом канавы тревожно ухнула свинья, и всё стихло. После паузы опять громко зазвучал концерт лягушек по всему дну канавы.

Волк пришёл только под утро и, как сноп, свалился на труп косули от меткого выстрела егеря.

ВСТРЕЧИ В ПУСТЫНЕ

Бетпак-Дала... Издавна эта земля называлась Голодной степью. Безжизненными кажутся её просторы, долог и труден путь по ней от колодца к колодцу за десятки, а то и сотни километров. Тропа старой караванной дороги то хорошо видна на твёрдом грунте, то исчезает, засыпанная переносными песками. Только лишь кое-где она тогда заметна по белым костям скота, погибшего на дороге во время перегона.

Безотраднa и неприветлива глинисто-щебнистая пустыня. Гробовое молчание царит в угрюмых песках. Но в предрасветных сумерках видно, что ночью в пустыне всюду кипела бурная жизнь! Тысячи следов исписали пески во всех направлениях, совсем как в Снежной книге леса зимой. Вот всюду по пескам напетляли похожие на сусликов песчанки. Там куда-то торопился ёж. Пустынные ящерицы избегали барханы во всех направлениях. Здесь увидишь и следы змей, каких-то больших жуков, и множество других крупных и мелких ямок, чёрточек и полосок! С захода и до восхода солнца, когда спадает жара, пустыня живёт полнокровной жизнью!

Но едва поднимется солнце и барханы закурятся песком, позёмка быстро разметёт всё, что было написано на песках

ночью. В дневные часы раскалённая пустыня кажется без признаков жизни. Всё живое попряталось в норки, зарылось в песок, и только иногда из-под ног промелькнёт пустынная ящерица, пролетят пустынные рябки-бульдурки к далёкому роднику, и в трепетном мареве на горизонте пробежит табунок антилоп-сайгаков, опустив вниз головы.

ЗАГАДОЧНАЯ ПТИЦА

Лавируя между песчаными барханами, грузовая машина энтомологического отряда пробиралась по пустыне к реке Чу. Удушливый день кончался. Солнце красным шаром низко опустилось над горизонтом. Длинная чёрная тень бежала рядом с машиной.

Пора было остановиться на ночлег. В кузове машины была бочка с водой, и ночевать можно было где угодно.

Впереди показались кустарники. Небольшая низина в несколько гектаров густо заросла чингилем, тамариском, кое-где виднелись одиночные деревья туранги. Тут же был родник с хорошей холодной водой. Ручеёк бойко бежал несколько десятков метров

и терялся в песке. Он давал жизнь этому островку кустарников среди пустыни.

Через полчаса две палатки белели в наступающих сумерках. Ярко горел костёр, стучал топор, и раздавались голоса людей. Энтомологи заканчивали записи в дневниках, а радист уже поймал Алма-Ату и слушал последние известия. Проводники торопились заготовить дров на ночь, а зоолог Селевин с ружьём в руках пошёл побродить среди кустов.

Первое, что ему бросилось в глаза,— это множество следов фазанов около родника. Целые тропинки следов вели от воды в кусты.

«Каким же образом фазаны могли оказаться в этом клочке кустарников среди безжизненной пустыни?» — недоумевал зоолог.

Взведя курки у ружья, он быстро пошёл по кустам, рассчитывая выгнать и застрелить фазана. Но всюду были только свежие следы, а самих птиц не было видно.

В одной из ямок чернело перо. Селевин поднял его. Оно было совершенно чёрного цвета. Только самец тетерева мог иметь такое перо. Но если фазаны жили в тростниках по берегам реки Чу, километров за двести отсюда, то до тетеревиных мест было не менее тысячи километров.

Зоолог продирался по кустам, но из них никто не вылетел. Пришлось повернуть к лагерю.

Вдруг из-под самых ног выскочила крупная птица. Вытянув шею, она быстро пробежала через небольшую прогалину в кустах и исчезла в них, как камень, брошенный в воду.

Селевин не успел выстрелить. Но он хорошо видел, что это не фазан, а какая-то новая, ещё не известная ему птица. Низко наклонившись, он долго рассматривал в вечерних сумерках след, оставленный на песке птицей. Он был точно такой же, фазаний, как тысячи других следов у родника.

За ужином у костра Селевин долго расспрашивал

проводников. Но они не встречали ни фазанов, ни вообще каких-либо крупных птиц в этих местах.

Всем давно уже хотелось спать, а Селевин всё доказывал, что фазан не может пролететь над пустыней двести километров от реки Чу до этих кустарников.

Ему никто не возражал.

— Самое главное, птица, которую я видел, совсем не похожа на фазана,— горячился учёный.

— Ну, это вам в темноте могло показаться. Утром встаньте пораньше и поищите ещё... а сейчас давайте спать,— сказал начальник энтомологического отряда.

Селевин долго ещё сидел над картой, освещая её карманным электрическим фонариком. Костёр давно погас, и чёрная ночь обступила лагерь со всех сторон. На небе высыпали звёзды, яркие, синеватые, какие бывают на юге. Где-то далеко за барханами несколько раз тявкнула лисица. В кустах яростно трещали цикады и кузнечики. Журчанье родника, казалось, стало громче. Совсем близко от палаток кто-то тяжело прошёл по воде, сопя и шлёпая.

«Барсук...» — подумал про себя Селевин, взглянул на часы и стал укладываться спать. Но он долго ещё не мог уснуть, теряясь в догадках и предположениях. Наконец усталость взяла своё, и он задремал.

Утром Селевин проснулся раньше всех. Солнце ещё не поднималось, но сумерки таяли с каждой минутой. Темнота ещё держалась только под машиной, в палатке и под кустами.

Быстро умывшись в роднике, учёный взял ружьё и пошёл в кусты. Но и на этот раз таинственные птицы не взлетали. Он опять слышал их шорох в кустах, но находил там только свежие следы. Вдруг Селевин увидел, как большая тёмная птица промелькнула и сейчас же исчезла в зарослях. Учёный выстрелил в эту чашу, но безрезультатно.

Он подолгу неслышно крался между кустами, думая захватить врасплох загадочных птиц, или бро-

сался бежать что есть сил, продираясь через колючки, но ничего не помогало: всюду были только одни следы.

Энтомологи между тем давно позавтракали, собрались, уложили вещи в машину и с нетерпением посматривали по сторонам. Наконец затрещали кусты, и показался Селевин. Он подошёл к начальнику отряда и решительно сказал:

— Я не могу уехать отсюда, не добыв этих птиц. Оставьте мне продукты, я дойду до реки пешком.

— До пресной воды отсюда не меньше ста километров, а следы нашей машины может занести ветер. Я не могу оставить вас здесь, — возразил начальник.

— Тогда задержитесь с отъездом: повторяю, я не могу ехать, не добыв этой птицы, — упорствовал Селевин.

— Семеро одного не ждут! — сказал начальник отряда, повышая голос.

Один из молодых энтомологов подошёл к начальнику и сказал:

— Шофёр просил вас вчера задержаться где-нибудь часа на два для ремонта двигателя. Давайте поохотимся все вместе на этих птиц-невидимок — у нас ведь есть ещё два ружья, — а шофёр в это время сделает ремонт.

Шофёр подтвердил, что ремонт необходим и всё равно сегодня нужно где-то делать остановку.

— Ну что с вами поделаешь? — сказал начальник. — Вот на беду себе мы вас взяли с собой! Однако уж если так, то давайте убьём этого нелетающего фазана.

К величайшему изумлению энтомологов, они долго густой цепью прочёсывали кустарники, но ни одна птица не вылетела, хотя каждый слышал шорох в кустах и несколько раз видели в зарослях каких-то крупных птиц.

— В самом деле, это удивительно! — воскликнул начальник отряда, когда все собрались около него.

— Я хорошо изучил всех птиц Казахстана, — сказал Селевин, — но я уверяю вас, товарищи, что это какие-то новые птицы. Возможно, они залетели сюда из Китая. Я опять видел, как они два раза промелькнули в кустах. Таких птиц я вижу впервые в жизни, уверяю вас!

— Да, действительно, — подтвердил один из энтомологов, — я тоже видел, как одна птица промелькнула в зарослях. В Казахстане я охочусь с детства, но таких птиц не встречал. Между прочим, птица не показалась мне чёрной...

— Пойдёмте к лагерю, возьмём шофёра, проводников и поищем ещё раз, — сказал решительно начальник отряда. — Поведение этих птиц действительно загадочное.

Треща кустарниками, все направились к машине, возбуждённо переговариваясь.

Шофёр закончил ремонт двигателя и вместе с проводниками сидел на подножке машины.

— Товарищи! Помогите нам искать этих таинственных птиц, — сказал начальник отряда, подходя к машине.

— А мы уже убили эту птицу, — отвечал шофёр вставая. — Вот она лежит в кузове.

Селевин в один миг «впорхнул» в кузов машины. Там лежала только что убитая, окровавленная... самая обыкновенная курица! Он поднял её и смущённо рассматривал со всех сторон.

Дружный хохот всего отряда сразу привёл его в себя.

— Где вы убили... курицу?! — вялым, упавшим голосом спросил учёный шофёра.

— Мы сидели на подножке и курили после ремонта, а куры вышли из кустов к ручью и стали пить. Я бросил в них заводной ручкой и случайно угодил одной в голову. Другие вспорхнули, как голуби, и улетели в кусты.

— Три года назад здесь жили казахи в трёх юр-

тах,— сказал проводник.— Осенью, когда они начали кочевать на зимовку, не могли поймать нескольких кур и петуха: они одичали за лето. Зимы здесь бес-
снежные, куры могли перезимовать, размножились и окончательно одичали.

— Вот вам и загадочная птица! — засмеялся начальник отряда, хлопая по плечу учёного.— Едемте, товарищи!

— А всё-таки я очень доволен: удалось установить интересный пример одичания домашних птиц,— сказал Селевин.— К ним быстро вернулись привычки диких предков. А ведь куры одомашнены человеком более пяти тысяч лет назад.

КОТ В ПЕСКЕ

Экспедиция зоолога Селевина всё лето провела в пустыне. Наступила холодная осень — стояли первые дни октября. Поблекла даже солончаковая выносливая растительность. Над пустыней неслись перелётные стаи птиц. Ласточки, завидя караван, подлетали совсем близко, кружились некоторое время, а иногда даже садились на вьюки. По ночам в тёмном небе не смолкали голоса птиц.

На рассвете Селевин сильно замёрз в своём спальном мешке и накрылся сверху полушубком. Спать больше не хотелось. Осенние ночи длинные, есть когда выспаться. Он лежал на спине и смотрел, как последние звёзды становились всё бледнее, а утренние сумерки всё ярче. Где-то далеко ухал филин, и было странно слышать здесь, в пустыне, эту лесную птицу. Заря разгоралась на горизонте всё сильнее, освещая безоблачное небо.

«День будет опять ясный»,— подумал Селевин, вылезая из спального мешка и поёживаясь от лёгкого утреннего морозца. На земле серебрился иней. Остальные участники экспедиции ещё крепко спали.

Стакан горячего чая из термоса со вчерашними лепёшками — и утренний завтрак окончен. Надо торопиться. Сегодня у него намечена дальняя экскурсия на солёное озеро, затерянное на краю света среди барханов.

Только когда он отошёл от лагеря на несколько километров, из-за горизонта блеснули первые лучи солнца, сразу слепящего и горячего, как всегда на юге. Утренний морозец поторапливал, и шаг невольно делался шире. Первые холода всегда переносятся труднее. Вскоре солнышко стало приятно согревать лицо и руки.

На песке не видно было обычных в пустыне следов ящериц, жуков и тушканчиков — все они находились уже в зимней спячке, а некоторые погибли. Только норки пустынных зверьков — песчанок имели жилой вид, хотя самих грызунов ещё не было видно. Они похожи на сусликов, но зиму не спят.

Вскоре Селевин подошёл к большому такыру, влажному после недавних осенних дождей. Дикая кот оттиснул чёткие следы своих лап на его гладкой поверхности, пересекая такыр по направлению к песчаному островку барханов на его середине.

«Кот, конечно, там!» — подумал Селевин, печатая свои следы на грязи рядом со следами дикого кота. Осторожно он подошёл к бархану, ожидая, что кот может выскочить в любую минуту совсем рядом.

Недалеко несколько песчанок наперебой рыли песок. Селевин подошёл ближе. Семь зверьков с большой неохотой скрылись в норки при его приближении. Оказалось, что зверьки зарывали большую дыру среди выходных норок из своего подземного «общежития». Следы на песке ясно говорили, что дикий кот ночью увеличил один из ходов, забрался внутрь и, вероятно, плотно поужинав сонными песчанками, сейчас спит где-то там, в глубине их подземного многоэтажного «дома». Селевин нигде не нашёл выходных следов кота. Едва он отошёл, как песчанки выскочили из норок и опять энергично начали засыпать песком вход, сделанный котом. Эти пустынные зверьки не выносят сквозняков, и большое отверстие в центре их жилища, направленное навстречу обычным здесь ветрам, должно быть немедленно заделано.

Наконец Селевин у цели своего сегодняшнего похода — солёного озера среди барханов. Оно, как яркий бирюзовый камень в белой оправе из соли на берегах, было очень эффектно на жёлтом фоне песков. На озере никого не было. Только стайка куличков вспорхнула с берега и закружилась над водой, то и дело резко меняя направление. Селевин залюбовался слаженностью движений куличков: они летали плотной кучкой в нескольких сантиметрах друг от друга, и ни одна птичка не задевала крылом соседа. Все повороты стайки были как одно целое — ни одного отстающего! Словно по команде, в один миг все кулички резко поворачивали, опускались, взмывали

вверх, играя в воздухе. Вдруг стайку как ветром сдуло — кулички стремительно унеслись вдаль, к югу, сразу растаяв в воздухе.

Солнце хорошо нагрело воздух. Но за барханами лежал иней. Ночью было минус десять градусов, песок промёрз и в тени не оттаял. Селевин положил в тени бархана градусник. Он показывал два градуса ниже нуля. А через метр, на солнце, двадцать пять градусов тепла! Это был прекрасный пример одного из контрастов пустыни.

Знакомый с детства крик птички привлёк внимание Селевина. На вершине песчаного бархана и на кустиках молодого саксаула рассыпалась стайка обыкновенных выюров. Видеть этих северных птичек в пустыне было так же странно, как верблюда в тундре или белого медведя в Сахаре. Впрочем, удивительного тут ничего не было: стайка, очевидно, опустилась отдохнуть при перелёте над пустыней. Птички прыгали по песку, а некоторые объедали почки саксаула.

Несколько часов Селевин провёл на берегах озера, собирая осенних насекомых и семена солянок. Рядом, около подножия бархана, бегали песчанки. Селевин пошёл взглянуть на их норы. Зверьки усиленно занимались заготовкой саксаула, но, конечно, не как топлива, а как продукта питания. Около входа в норки всюду было насорено мельчайшими кончиками свежих ветвей. А саксаульник около нор на несколько десятков метров был сильно повреждён зверьками — словно кто-то тщательно обстриг ножницами все свежие кончики ветвей с целью погубить молодые деревца. Некоторые песчанки сидели у входов в норы «столбиками», то приседая, то выпрямляясь, как на пружинке. У одной из норок были ясные отпечатки лап пустынного сыча — два пальца вперёд и два назад. Эти следы были Селевину хорошо знакомы: в капканы, поставленные у нор песчанок, уже два раза попадались пустынные сычи. Ночные пернатые хищники по ночам смело забираются в норы песчанок

и там, под толщей песка, расправляются с сонными зверьками. Попадали сычи в капканы всегда перепачканные кровью песчанок и с набитым зобом. Учёные долго не могли понять, почему у пустынных сычей всегда так сильно вытерто и обтрёпано оперение. Оказалось, это происходит от частых ночных подземных путешествий сычей по узким норам.

Селевин расположился за барханом, на солнышке, позавтракать.

Свист утиных крыльев заставил его быстро взглянуть из-за бархана. Совсем близко на воду опустилась стайка уток чирков. Они не замечали его. Едва сев, утки сразу же засунули головы под крыло и заснули. Только три чирка, очевидно старых и более осторожных, несколько раз оглянулись по сторонам, но и они через минуту крепко спали. Ни одна голова больше не поднималась. Стайка спящих уток была теперь похожа на какие-то бурые лепёшки, неподвижно лежащие на воде. Уток так утомил перелёт над пустыней, что сейчас им нужен был любой ценой только сон.

Селевину стало жаль будить уток. Он осторожно спрятался за барханом и тихонько пошёл обратно к лагерю. Издалека он посмотрел в бинокль на озеро — утки спали...

Через два дня экспедиция снялась с лагеря и проезжала мимо места, где песчанки закапывали ход, проделанный котом. Селевин пошёл посмотреть, ушёл кот или нет.

К его изумлению, вход, проделанный котом, оставался забитым, а самые тщательные поиски не обнаружили других следов, кроме входных, уже едва заметных, почти сравнявшихся. На сыром такыре кругом островка были только старые входные следы кота и отпечатки ботинок. Значит, кот погиб, не в силах выкопаться наружу из сыпучего песка — песчанки похоронили его!

Получилось как в сказке, в которой мыши кота хоронили!

СОВМЕСТНАЯ ОХОТА

Лиса неторопливо бежала к небольшим буграм. Там находилось поселение пустынных зверьков — песчанок.

Вскоре лиса перешла на шаг, несколько раз оглянулась и села. То и дело она поглядывала назад, словно поджидая кого-то.

Песчанки давно заметили лису, подбежали к норкам и замерли у входов: одно движение лисы в их сторону — и зверьки скроются в своих подземельях. Поймать лисе песчанку не так-то просто.

Между тем лиса всё сидела и по временам чесала задней лапой бок. Но вот она насторожилась и вся подобралась — кто-то приближался сзади. За кустиком селитрянки раздался шорох, и мимо лисы прямо к песчанкам проскакал хорёк-перевязка, неуклюже сгорбившись. Лиса вскочила и потрусила за ним. Песчанки нырнули в норки.

Хорёк прямо с ходу бросился в одну из норок, и его длинное пёстрое тело исчезло под землёй.

В несколько энергичных прыжков лиса оказалась среди норок песчанок. От ленивого, безразличного вида хищницы не осталось и следа. Навострив уши и приподняв хвост, она изящно подняла чёрную переднюю лапку, наклонила голову немного набок и смотрела на норки. Под землёй раздался писк. Лиса слегка присела на задних лапах. Как заведённая пружина, хищница была готова в любой момент сделать прыжок. А под ней в земле орудовал хорёк-перевязка, пробираясь по лабиринтам нор песчанок. Они в ужасе метались там, и одна небольшая песчанка выскочила на поверхность. Лиса не упустила момент. Энергичный прыжок — и вытянутыми вперёд лапами она придавила зверька. Лиса проглотила песчанку, не жуя, как галушку!

Снова лиса насторожилась, поглядывая на выходы из норок.

Ещё одна песчанка выскочила на поверхность и сразу погибла в зубах лисицы, а за ней и третья.

Затем всё успокоилось. Больше песчанки не выскакивали. Вероятно, хорёк поймал одну из них и занялся едой. Остальные попрятались в дальних ходах.

Лиса уселась и продолжала поглядывать на норы, но без прежнего интереса. Поискав блох зубами на боку, лиса вскочила и побежала неторопливой рысью к соседнему поселению песчанок.

Немного спустя из норы показался хорёк-перевязка. Он отряхнулся, лизнул подошву передней лапки и несколько раз провёл ею по мордочке, умываясь совсем как кошка. Сгорбившись, хорёк поскакал вслед за лисой. А она уже поджидала своего «загонщика».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

От города Джамбула мы поехали пустыней, покрытой редкой сухой полынькой. Несколько часов пейзаж оставался одним и тем же. Но вот, вильнув меж-

ду двух солонцов, дорога упёрлась в такыр и сразу исчезла. Никаких признаков её дальше не было заметно на твёрдом грунте. Машина, не сворачивая, понеслась по гладкому, как паркет, такыру с удвоенной скоростью. Позади не оставалось даже намёка от следов нашего «газика».

Несколько километров мы пронеслись «с ветерком», пока такыр не кончился, но дороги за ним не было. Пришлось остановиться. Два студента-практиканта побежали по краю такыра искать дорогу — один вправо, другой влево. Но скоро удушливый летний зной заставил их перейти на шаг.

Едва заметная дорога оказалась на полкилометра правее. Впрочем, она скоро кончилась около сухого колодца. Дальше поехали по компасу, словно по морю на пароходе. На спидометре появлялись всё новые цифры пройденных километров, но никаких признаков человеческого жилья не встречалось. Делалось жутко при мысли, что мы в пустыне за сотни километров от людей: вдруг случится авария?

Вечером на горизонте показались постройки, но только через час мы подъехали к цели нашего путешествия: это был заброшенный рудник. Три года прошло с тех пор, как он опустел. Два ряда низких саманных домиков с плоскими глинобитными крышами зияли чёрными провалами бывших дверей и окон. Крыши поросли полынью. Посёлок чем-то напоминал кладбище. В конце его стояло несколько юрт и дымились костры, сновали женщины с вёдрами. Там летом жили чабаны с отарами овец.

Мы осмотрели домики и решили расположиться в них. Шофёр и лаборант заняли двухкомнатный «особняк», а я одну комнату в соседнем домике. Остальные члены нашей экспедиции решили жить в палатке.

Быстро стало смеркаться. Ярко загорелась первая вечерняя звезда. Наскоро поужинав, я нырнул в спальный мешок и почти сразу уснул, измученный тряской и жарой.

Среди ночи меня разбудили дикие крики на крыше. Кто-то там перемещался с одного конца крыши на другой и орал. Голос не походил ни на звериный, ни на птичий. «Что это может быть?» — думал я, стараясь уснуть, но громкие вопли отгоняли сон.

Вдруг под самым окном грянул выстрел, и мгновенная огненная вспышка лизнула потолок. Я вздрогнул, но не успел ещё сесть, как за окном чертыхнулся наш шофёр и раздались его удаляющиеся шаги. Очевидно, его тоже разбудили отвратительные крики и он решил избавиться от них.

Утром выяснилось, что он стрелял по огромному коту. Шофёр даже утверждал, что это была рысь, хотя в пустыне лесному зверю, конечно, нечего было делать. Вокруг посёлка была совершенно открытая равнина, укрыться там было негде. Нарушитель ночной тишины скрывался где-то в брошенных домиках.

С ружьём в руках шофёр обследовал все постройки, но никого в них не обнаружил. А ночью, едва мы улеглись спать, дикие вопли опять понеслись с крыши одного из домиков. Два поспешных выстрела, один за другим, оборвали концерт. Но и на этот раз в темноте шофёр промахнулся.

Утром к нам подъехал старик чабан, и мы рассказали ему о ночной охоте на «рысь».

— Зачим рись? Ета кошака, большой, пёстрый! — пояснил чабан. — Люди кочевал город, а он забылся. Шибобо плохой кошок: ворует усё. Сколько раз его убивать начинал, а он слово знает! Вот и ти не попал! Даём ему мала-мала мяса, а то всю ночь мычить. Вчера забили бросить.

— Чем же, дедушка, кот зимой питается, когда здесь нет людей? — спросил я.

— Кто его знает? Мышей, верно, жрёт.

И в самом деле, вокруг построек всюду виднелись норы песчанок, целыми поселениями. Зверьки вставали на задние лапки и смело бегали недалеко от нас, взмахивая длинными хвостиками с чёрными кисточками. Но почему-то брошенный кот летом их не ловил, предпочитая с риском для жизни вымогать у чабанов ужасным мявом скудные подачки.

Вечером я поставил перед входом в комнату тарелку с молоком. Едва начало смеркаться, как за углом промелькнула тень. Я сидел на ящике не шевелясь. Тень промелькнула ещё раз. Наконец я увидел его. Огромный чёрно-белый кот полз из-за угла совершенно беззвучно прямо к тарелке с молоком, не спуская с меня глаз.

— Кис-кис-кис! — позвал я и всё испортил: как футбольный мяч, кот высоко подпрыгнул и исчез.

Больше он не появился. Но утром тарелка оказалась пустой, а ночных воплей никто не слышал.

Несколько вечеров ушло на то, чтобы приучить кота не бросаться в сторону при звуке голоса и съедать молоко при мне.

Однажды вечером я придвинул тарелку с молоком ближе к себе. Кот появился в сумерках и долго неподвижно сидел на том месте, где обычно раньше стояла тарелка. Его глаза горели, и он, поводя усами, смотрел то на меня, то на молоко. Кончик хвоста у него нервно вилял.

— Кис-кис-кис! — тихонько позвал я.

Но кот не двигался. Стало быстро темнеть. Наконец он не выдержал и, весь распластавшись, пополз к молоку с рёвом, совсем не похожим на кошачье мяуканье.

Ещё несколько вечеров я приучал кота, всё ближе подвигая к себе тарелку с молоком. На «кис-кис» он больше не обращал внимания, но стоило мне пошевелиться — и кот мгновенно исчезал.

Прошла ещё неделя, и кот вечерами лакал молоко около моих ног, но всё время не спускал с меня огромных глаз. Он вспомнил значение слов «кис-кис» и сразу появлялся из-за угла, как только вечером я начинал звать его.

Настало время, когда я медленно протянул руку и коснулся кота. Он дико закричал, сжался, но остался на месте, а затем вскочил и неожиданно начал тереться о мои ноги. В страстном порыве к человеку он в каком-то экстазе извивался, тёрся, опрокидывался на спину и так дико орал, что мой сосед по домику испуганно закричал:

— Что это у вас там происходит?

Конечно, своим криком он испугнул кота. Но перелом произошёл. Доверие кота было завоёвано.

Прошла ещё неделя, и кота удалось совсем приручить. Он смело входил в комнату на зов с высоко поднятым хвостом, лакал молоко, ласкался, но всё время был подтянут и напряжён, держась на чеку. Порог в мою комнату был разрушен, и кот свободно проходил между полом и низом двери, не касаясь её спиной. Сила кота и его собранность были так велики, что поднятым вверх хвостом он легко открывал дверь, проходя под ней.

Осенью мы переехали в Улумбель, и я увёз туда кота, возвращённого к жизни среди людей. Перед отъездом в город я подарил его местному ветеринарному врачу. И он живёт у него сейчас, большой, толстый и обленившийся, забыв свою дику жизнь.

ЗА СОЙКОЙ

Расставить капканчики на грызунов заняло не так уж много времени. Но редчайшая саксаульная сойка, перебегая с одного бархана на другой, завела зоолога в глубь песков. В конце концов она скрылась в чьей-то норе. Научная коллекция учёного так и не обогатилась ценным экземпляром.

Кругом возвышались песчаные барханы. Они уходили во все стороны, как волны заколдованного моря, скованные неподвижностью.

Берегов Или не было видно — саксаульная сойка завела зоолога слишком далеко.

Более часа он брёл по песку, время от времени взбираясь на вершины барханов. Но один час сменял другой, а берегов реки не было. Сознание, что он заблудился, заставляло ускорять шаги. Заблудиться среди песчаных барханов так же легко, как в дремучем лесу.

Долго бродил учёный по пескам. Шаги его сдела-

лись короче. Нестерпимо хотелось пить. Отчаяние всё больше сковывало движения.

Справа на склоне бархана забелел череп верблюда. Ветры, солнце и время выбелили его, а песчаные бури так отшлифовали, что череп мог быть украшением любого краеведческого музея. Следы человека уходили в сторону мимо черепа.

«Да ведь это мои следы! — догадался зоолог. — Я уже второй раз прохожу мимо этого черепа, делая круги по пустыне!»

Только теперь он вспомнил, что где-то около черепа он поставил утром последний капканчик, и сразу увидел злополучную сойку. И в самом деле, капканчик стоял около норки на склоне бархана. Значит, берег должен быть там, по ту сторону бархана! Усталость сняло как рукой, и он легко взбежал на его вершину. Но ничего, кроме барханов, не было видно. Сомнения змеёй поползли в сознание...

Вдруг чуть заметная белая точка замелькала над барханами у самого горизонта. Ещё две белые точки мелькнули и исчезли там же.

«Чайки над рекой!» — догадался зоолог и через час уже умывался и жадно пил.

В ОСАДЕ

Над пустыней надвигался вечер. Солнце скрылось за горизонт в далёкой розовой дымке, но было ещё светло. Разогретая за день земля начала быстро остывать. Запахло пустынной полынькой и тамариском. Исчезли жаворонки. Пролетел одинокий пустынный воробей, торопясь на ночлег. Скрылись в норках песчанки.

Машина нашей бетпак-далинской экспедиции выбралась на бескрайний такыр, гладкий, как стол, и понеслась со скоростью семьдесят километров в час. Если бы по всей пустыне можно было так ездить!

Через несколько минут быстрой езды шофёр Вася резко тормознул:

— Слева змея по борту!

Огромная полутораметровая змея медленно струилась на такыре. Мы выскочили из машины и осторожно окружили змею. Она собрала в кольца своё тусклое тело, подняла голову с чёрным пятном на шее и предостерегающе зашипела. Невольно все попятились. С нами ехал зоолог из Противочумного института. Он-то умел обращаться со змеями! Специальной палкой с расщеплённым концом голова змеи была прижата к земле. Через минуту мы с интересом рассматривали её. Зоолог держал змею за шею, а другие подхватили холодные змеиные кольца.

Ядовитых зубов не было, но приговор гигантской змее был единогласен:

— Убить!

Только один ботаник нашей экспедиции «проголосовал» против:

— Как вам не стыдно, товарищи! Ведь змея-то не ядовитая; это, вероятно, безобидный полоз. Он уничтожает сусликов и песчанок, с которыми вы проводите борьбу. Немедленно выпустите!

«Один в поле не воин», — говорит пословица. Но если этот воин прав, а другие нет, то пословица может оказаться бессильной: змею выпустили! Но она и не подумала убраться восвояси, а, извиваясь, заползла под машину, высоко приподнимая переднюю часть тела. Все присели на корточки и следили за змеёй. А она спокойно проползла под всей машиной, развернулась обратно и вползла в узкую щель над бензиновым баком.

Как ни старались выкинуть её оттуда — это оказалось невозможным: «калибр» щели был подходящим только для змеи, но не для руки человека. Между тем стало быстро темнеть.

Что делать?

— Нас уговорил на этот акт милосердия бота-

ник! — сердито сказал начальник экспедиции. — Пускай он её и выгоняет.

— Товарищи, она не ядовитая, садитесь и поедem. Змея сама выпадет дорогой, — сказал ботаник.

— Я ни за что не сяду в машину! — воскликнула молоденькая женщина-врач. — Я смертельно боюсь змей!

— Сейчас я её вытряхну! — решил Вася.

Он сел за руль, завёл двигатель, и машина понеслась вперёд, виляя по такыру. На всём ходу она круто поворачивалась, останавливалась и снова бросалась вперёд. Но вытряхнуть змею не удалось.

Наступила ночь. Уговорить докторшу ехать дальше оказалось не под силу всему коллективу нашей экспедиции.

— Хватит уговоров! Сейчас же садитесь в машину! — решительно приказал начальник экспедиции.

— Поезжайте, а я пойду пешком! — воскликнула докторша и быстро пошла по такыру, исчезнув в темноте.

— Это глупо с вашей стороны, пустыня не улица! — крикнул ей вслед начальник. — Сейчас же догони её, Василий! Ещё потеряем в темноте!

Машина догнала докторшу, осветив её фарами. Все хором начали уговаривать упрямыцу. Но она села на корточки, закрыла лицо ладонями и заплакала...

— Посадить её силой! — закричал вне себя начальник.

— Не смейте, не подходите! — запротестовала докторша.

Но в эту минуту раздался из-под машины голос шофёра:

— Змея на баке нету!

Электрическим фонариком он освещал дно машины. Осада была снята! Виногато улыбаясь, докторша смущённо заняла своё место, и машина помчалась, рассекая темноту ночи светом фар.

ТРЕВОГА

В бирюзовых просторах Аральского моря далеко от берегов затерян небольшой остров. Это Барса-Кельмес. Пароходы редко заходят к его берегам.

Здесь на безлюдном острове старейший заповедник Казахстана. Научные работники изучают в природных условиях антилопу-сайгу, разводят диких ослов-куланов, предполагают завести диких лошадей Пржевальского.

На шесть месяцев в году остров отрезается от всего мира. Только самолёты и радио не дают отрываться от жизни и следить за тем, что делается на Большой земле. В зимние вечера всё население острова собирается около радиоприёмника. Голос диктора из Алма-Аты знакомит зимовщиков с новостями Казахстана. Поворот регулятора, и музыка наполняет комнату: идёт передача из Большого театра Москвы.

Однажды в первых числах февраля, когда на острове уже появились первые признаки весны, вдруг с полудня похолодало и разразился сильнейший снежный буран. От помещений опасно было отходить — в нескольких шагах ничего не было видно. В пригоны для скота и между домами были протянуты арканы, и, только держась за них, можно было пройти по широкому двору без риска уйти в пустыню.

И всё же вечером, как обычно, научные работники закрыли свои книги, записи и вместе с рабочими оделись и отправились, придерживаясь за арканы, в лабораторию к приёмнику. В домах остались одни дети.

Все увлеклись радиопередачей, и никто не заметил, как доярка Маруся вышла из помещения. Она решила сходить и уложить детей спать.

Вдруг резким рывком открылась дверь, и Маруся, без платка, с перепутанными волосами, вся в снегу, ворвалась в лабораторию.

— Василки и Кати нет дома!

Все вскочили. Приёмник смолк.

— Они без меня оделись и вышли из дому! — вся в слезах, кричала Маруся. — Теперь они замерзают где-то в пустыне...

Несчастливая мать упала на лавку. На мгновение воцарилась тишина, и все, точно впервые, услышали, как свирепо завывает буря за окном.

— Немедленно седлать лошадей, верблюдов, всех, кто ходит под седлом! Мужчины, на поиски, быстро! — раздался уверенный голос директора.

Все заговорили разом, задвигались, затопали, дверь непрерывно хлопала вслед выбегавшим на улицу.

Бригадир осторожно тронул за плечо директора:

— Заблудиться люди могут, Иван Сидорович. Замерзнут в такой буре...

Директор заповедника был опытный зоолог и спокойно ответил:

— Люди, конечно, сразу же заблудятся, но ведь они поедут верхами. Идите и скажите каждому, чтобы при возвращении не трогали поводьев — животные сами вернутся к дому и привезут всех.

Вскоре всадники на лошадях, верблюдах ослах и даже быках исчезли в снежном вихре, с громкими криками направляясь в разные стороны, по ветру, против бурана и поперёк. Те, кто поехал на ослах, сразу же вернулись. Маленьким животным оказалось не под силу брести по глубокому снегу.

Немного наклонясь и как бы опираясь на бешеные струи бурана, брели лошади поперёк ветра, то и дело стараясь повернуть обратно. С рёвом шагали верблюды, как танки, прямо против ветра, спокойно и ровно, словно по асфальту. Всадники на них сидели молча — за них ревели верблюды. Труднее всех оказалось управлять быками. Они поминутно упрямо поворачивали обратно.

Долго продолжались поиски. Люди чувствовали себя не совсем уверенно. Каждый уже давно потерял направление, по которому нужно возвращаться на

усадебу. Но своему директору верили и с криками ехали вперёд. Наконец один за другим всадники начали опускать поводья. Почувствовав свободу, животные круто поворачивали и ускоряли шаги. А буря всё свирепела, усиливалась и едва не валила с ног. В нескольких шагах ничего не было видно за сплошными снежными вихрями. Следы заносило мгновенно.

Глубокой ночью все отправленные на поиски вернулись. Директор оказался прав — животные пришли обратно к дому.

Но тревога кончилась благополучно.

Едва всадники разъехались на поиски, как подросток, которого директор заставил бить по рельсу, сразу услышал среди реющего бурана слабый детский крик. Через несколько минут дети были найдены. Оказалось, семилетний Вася сразу сообразил никуда больше не ходить, как только понял, что они заблудились. Дети сели, и их стало быстро заносить снегом. Сестрёнка уснула, и ей не пришлось бы проснуться, если бы Вася не услышал удары по рельсу.

БЕЗ ВОДЫ

Прибалхашские пустыни поражают своим безлюдием. Машина пробегает сотни километров без дорог — и ни одного человека! Так же безжизненны здесь и берега Балхаша. Безграничная гладь воды уходит вправо и влево, сливаясь с небом на горизонте, и нигде ни паруса, ни дымка парохода. Только шумят волны прибоя пустынного огромного озера о пустынные берега.

Редкие дикие животные здесь не боятся человека. Суслики и песчанки с интересом рассматривают вас и подпускают совсем близко. Крупные толстые сурки лениво уходят в норы, только когда машина чуть ли не наезжает на них.

Но вот Балхаш позади, и мы третьи сутки мчимся

по пустыне к югу. Воду приходится везти с собой за сотни километров. И вдруг впереди блеснуло озерко. Вернее, это небольшая мелкая лужа с отстоявшейся водой, кристально чистой и пресной. Такой находке в пустыне можно обрадоваться, как праздничному подарку. Конечно, сейчас же у холма разбит лагерь.

Воду вечером не жалели. Зачем скупиться, если она рядом? Бочка быстро делается пустой — ведь никто не умывался уже три дня.

Чай казался особенно вкусным из свежей воды, без запаха железа от бочки. Её осторожно начерпали кружкой, чтобы не поднять мути в крошечном водоёме.

Впервые за последние дни все легли спать без затаённой тревоги: что, если не удастся найти воду, а в бочке она кончится? Утром начальник экспедиции проснулся первым. Солнце ещё не взошло, но было совсем светло. Он взял кружку и направился к озерку умываться. Приятный утренний холодок бодрил. Безоблачное серое небо ещё не посинело: с него только что исчезли звёзды. Всюду в воздухе пели жаворонки. Эти птички умудряются совсем обходиться без водопоя, как и многие другие пустынные птицы, сурки, суслики, песчанки и все мелкие грызуны.

Посматривая по сторонам, начальник экспедиции подошёл к озерку. Вдруг прямо из-под ног взлетели два чирка. Они быстро набрали скорость и исчезли вдали. Начальник долго смотрел им вслед, недоумевая: как могли оказаться в безводной пустыне дикие утки? Наконец он наклонился к воде с кружкой в руке и... вздрогнул от неожиданности: кристально чистой, отстойной воды больше не было! Бойкие чирята за ночь так взмутили небольшой водоём, что вместо воды теперь был жидкий кисель. Лёсовая взмученная грязь не оседет несколько дней, — это было хорошо известно из опыта работы в пустыне...

Пришлось быстро, как по тревоге, собираться и несолоно хлебавши скорей мчаться дальше.

ЗМЕЙНЫЙ КОЛОДЕЦ

Где-то на середине между Карагандой и Джезказганом наш поезд свернул на недавно построенную железнодорожную ветку. Сто километров старинный крохотный маневровый паровоз тащил нас бесконечно долго. Изводили длинные остановки на разъездах, хотя никто не обгонял и не ехал нам навстречу. Видимо, никто не торопился на этой беспризорной ветке. Убийственно медленно слабенький паровоз затягивал состав на подъёмы, едва заметные для глаза.

Но всему бывает конец. И вот под вечер мы несёмся на грузовой машине «с ветерком» по бескрайней мелкосопочной равнине. Воздух, нагретый за длинный июльский день, бьёт в лицо.

Как приятно чувствуешь себя в открытой солнечной степи после города и душного вагона! Спидометр быстро накручивает десятки километров, а солнце опускается всё ниже и скрывается за горизонтом. Прощальные лучи его окрашивают в малиновый цвет редкие облачка на западе. Длинные, вечерние тени исчезают, и всё кругом покрывается серым однотонным цветом.

В сумерках остановились на ночлег. Как всегда в первый день экспедиции, ещё не сработавшись, мы все брались за одно и то же дело, мешая друг другу: вместе натягивали палатку, потом кидались разводить костёр. И только когда небо покрылось звёздной иллюминацией, уселись ужинать.

Первым стал укладываться спать проводник экспедиции. Он растянул вокруг себя на траве волосяной аркан и в этом кругу постелил кошму, сложенную вчетверо.

— Зачем это вы себя арканом окружили? — спросил самый любопытный из нас.

— Змей много, укусят ночью!

Впрочем, ночь прошла спокойно.

Проснулись мы под удивлённые возгласы двух

студентов-практикантов. Они склонились над какой-то ямой. Это был сухой старый колодец, совсем мелкий. На дне его кишели змеи! Они переплетались, шипели, поднимали головы и дразнились высунутыми язычками, раздвоенными на конце. Как ни странно, змеи были хорошо упитанны, блестящие и бойкие. Но выбраться из колодца они не могли: дно его было шире входа, косые стенки нависали над дном. Почему змеи не передохли в этой яме от голода — было непонятно.

Подошёл проводник экспедиции, взглянул в колодец и плюнул.

— Ишь сытые какие — друг друга жрут! — проворчал он.

Это была правда.

Мы тут же около колодца поймали небольшую степную гадюку, прижав её голову палочкой, и бросили в колодец. Что там началось! На нового узника бросились все змеи. Две из наиболее проворных схватили добычу — одна за голову, другая за хвост — и, судорожно изгибаясь, стали заглатывать змейку с обоих концов. Остальные беспокойно ползали кругом и громко шипели хором, словно грузовая машина, у которой разом прокололись камеры у всех колёс. Кончилось всё это неожиданно. Более крупная змея опередила другую и, заглотав больше половины добычи, схватила за голову змею, которая заглатывала наш подарок с хвоста. Неторопливо крупная змея стала втягивать в себя меньшую, уже начинённую добычей. «Пирог с начинкой» медленно начал вползать внутрь невероятно раздувшейся змеи, словно она была сделана из резины. Мы не дождались конца этой омерзительной сцены и ушли. Ясно было одно — змеи съедали всех, кто падал в яму: змей, ящериц, грызунов и насекомых.

Как могут, оказывается, эти пресмыкающиеся приспособляться к самым невероятным условиям жизни!

БУРАН

Буран на пустынный остров Аральского моря Барса-Кельмес может налететь совершенно неожиданно. Не велик заповедный остров, но он оправданно носит мрачное название: «Пойдёшь — не воротись». Однажды научный сотрудник заповедника с двумя егерями возвращался в санях на центральную усадьбу. Небо заволокли тучи. Ветер стих. Несмотря на полдень, нигде не было видно ни одной птицы. Табунок сайгаков пробежал в стороне, направляясь к песчаным барханам на побережье. Всё стихло.

— Буран сейчас начнётся! — заметил старик егерь, тревожно озираясь и понукая лошадь. Он прожил на острове более десяти лет.

Усадьба заповедника была уже близко, до неё оставалось не больше двух километров. Домики было хорошо видно. Поэтому никто не придавал значения тревоге егеря.

Вдруг с моря дохнул ветерок. Порыв за порывом делались сильнее. Полетели сначала редкие снежинки, и неожиданно снежный ураган неистово засвистел на острове. Всё скрылось в снежных вихрях. В нескольких шагах ничего не стало видно. Это произошло невероятно быстро.

С полчаса ехали без особой тревоги, направляя лошадь туда, где скрылись в снежной завесе постройки. Но время шло, а усадьбы заповедника не было. Страх заблудиться и замёрзнуть около дома всё увереннее заползал в душу каждого. Растерявшиеся люди направляли лошадь то в одну сторону, то в другую. Лица заиндевели. Руки и ноги стали коченеть. Ружьё где-то выпало из саней, и теперь нечем было время от времени тыкать в снег: если бы под нами оказался лёд, значит, надо скорей поворачивать назад: иначе мы незаметно могли бы оказаться на льду моря и уехать от берега.

Лошадь остановилась, тяжело дыша. Она начала

выбиваться из сил, таская сани по рыхлому снегу в разные стороны.

— Замёрзнем так, однако. Давайте отпрягать коня и пустим его: он сам лучше нас найдёт дорогу, а за ним пойдём и мы! — сказал старик егерь.

Так и сделали. К хомуту привязали вожжи, взяли за них и отпустили коня. Он сразу повернул обратно и пошёл, наострив уши, совсем не туда, куда, казалось, всем надо было идти.

Вскоре из снежных вихрей проглянуло тёмное пятно. Это была конюшня — лошадь уверенно привела не только к усадьбе, но даже к дверям своей конюшни.

К утру буран утих. Кузнец отправился откапывать вход в кузницу. Она была в сторонке от домов усадьбы. Неожиданно он вернулся с ружьём в руках. Оно торчало из сугроба. Значит, вчера проехали между кузницей и усадьбой, не заметив их!

ТРУДНЫЙ РЕЙД

Утомительный недельный рейд по пустыне на грузовой машине заканчивался. До лагеря экспедиции оставалось менее ста километров. Скоро мы будем на берегу родника, среди палаточного городка, и можно будет умываться и пить сколько угодно!

Несколько километров мы пронеслись «с ветерком» по ровному, как асфальт, такыру, но сразу за ним машину резко стало подбрасывать на старых малозаметных норках песчанок. Вдруг на всём ходу машина остановилась, сильно накренилась. Вместе с вещами нас в кузове силой инерции придвинуло к кабине. Всё замерло на какой-то миг, и только заднее колесо одно катилось вперёд, подпрыгивая на норках.

— Полуось полетела! — мрачно объявил шофёр Кузьма, встав на подножке.

В заднем мосту от сильного толчка переломилась

полуось — машина сразу обратилась в неподвижную кучу металлолома. Заменить полуось было нечем.

В тени под машиной начались предложения.

— Надо идти пешком! Через два дня будем в лагере! — заключил энергичный Кузьма.

Я и двое студентов не разделяли его оптимизма. Но другого выхода не было. Предложение Кузьмы было принято.

Воды в бочке было ещё много. Но в чём её взять с собой? Из посуды в кузове были только небольшой солдатский котелок и чайник. Для четверых на два дня это было мало при такой жаре. Выручил Кузьма: он достал из-под своего сиденья запасную камеру и вырвал из неё вентиль. В камере образовалось отверстие. Чайником мы наполнили камеру водой. Отверстие заткнули деревянной затычкой.

Взяв с собой консервы и воду, мы бодро, даже с шутками, ринулись в путь к лагерю. Кузьма считал, что пройти оставалось километров восемьдесят. Впрочем, расстояния в пустыне обманчивы. Могло оказаться и шестьдесят и сто.

С отдыхами через каждые сорок минут мы до-

вольно быстро двигались по пустыне, поглядывая на компас.

На третьем привале мы отдыхали около старого русла какой-то безымянной речки, живущей всего один месяц весной. Русло образовало длинный обрыв в рост человека. Множество норок-гнезд береговых ласточек обратило отвесную глинистую стенку в огромные соты. Из некоторых норок торчали перья. Студента-биолога Васю интересовало решительно всё, и он не поленился встать во время десятиминутного отдыха. Его удивлённый возглас заставил нас поднять голову.

— В норках всюду только трупы ласточек!

Он был прав.

Это были жертвы персидского клеща, тысячи их мне приходилось находить в северной Бетпак-Дале в норках розовых скворцов и в гнездах орлов. Колонии береговых ласточек нацело вымирают из-за них...

После отдыха у кладбища береговых ласточек началось то, что называется борьбой за жизнь.

— Вставай, Кешка! — крикнул Вася второму студенту, когда мы встали. — Смотрите, он уже изволил уснуть!

Вася энергично затряс товарища и помог ему встать. Кеша щурился от солнца, виновато улыбался и потащился за нами, всё время отставая. Худой, длинный и вялый, он был противоположностью коренастому, энергичному Васе. Мы не прошли и половины срока до очередного отдыха, как Кеша в изнеможении повалился на песок.

— Что с вами, Кеша?

— Не могу больше идти, — едва внятно ответил он.

Это было похоже на правду. Бледный, с опущенной головой, Кеша полулежал на песке, безвольно уронив руки.

— Как тебе не стыдно, Кешка?! — напустился на него Вася. — Вставай сейчас же! Идём, слышишь?

— Не могу... — чуть слышно ответил Кеша.

— Врёшь! Вставай сейчас же! — Вася схватил товарища под мышки и стал поднимать, но тут же опустил обратно на песок — всё тело Кешы было расслаблено и вяло.

— Вот видишь, до чего довела твоя жизнь, размазня?

Кеша молчал. Едва его оставил в покое Вася, как он сразу уснул.

Мы стояли над ним, не зная, что предпринять.

— А что у него за жизнь, Вася? — спросил Кузьма. — Он чем-нибудь болен?

— Ничем он не болен! Просто изнеженный любимый сынок. В институт и то редко пешком приходит — шофёр папаша его привозит и увозит. Я в экспедиции не хотел участвовать, когда узнал, что он едет. Ребята уговорили.

— Надо ждать вечера, — сказал я, — в такую жару кто угодно раскиснет.

Но стремительный Кузьма запротестовал. Мы заспорили. Вася держал нейтралитет, хотя видно было, что он на моей стороне. В самом деле, когда спадёт жара, идти будет легче. Но уговорить Кузьму было невозможно. Он рвался вперёд.

— Вы оставайтесь, а я всю ночь напролёт пойду и днём буду в лагере. Приедем за вами на «газике». На фронте и не такие переходы приходилось делать. Я ведь в матушке-пехоте служил!

Пришлось его отпустить. Он взял с собой котелок с водой, второй компас и энергично зашагал вперёд, словно двадцать километров не были уже пройдены сегодня по адской жаре. Через несколько минут он помахал нам рукой с вершины бархана, и больше мы его не видели.

— Силён! — проговорил Вася, укладываясь поудобнее на песок.

Мы уснули сразу, измученные жарой и ходьбой по песку.

Под вечер Кеша пришёл в себя. Он даже пробовал шутить и уверял, что может теперь догонять Кузьму всю ночь до утра.

Небо наконец освободилось от раскалённого солнечного шара. На него теперь можно было смотреть через дымку испарений: красным шаром оно покоилось около самого горизонта.

Мы прошли всего половину положенного срока до остановки, а Кеша уже потребовал отдыха. Он лежал двадцать минут. С помощью Васи поднялся, протаскился ещё минут десять и опять повалился на песок.

Так до полуночи, ведя Кешу под руки с обеих сторон, мы прошли не более десяти километров. Взошла луна. Идти можно было бы всю ночь, но Кеша связал нас по рукам и ногам. Городской юноша предпочитал по городу-то не ходить, а ездить. Было ясно, что он в самом деле выбился из сил, измученный к тому же недельным путешествием по пустыне на тряской грузовой машине.

Мы с Васей долго обсуждали, что делать.

— До лагеря теперь столько же, как и назад к машине. Надо идти вперёд! — говорил Вася.

С ним нельзя было не согласиться. Решили соснуть до рассвета и в прохладные утренние часы сделать бросок вперёд.

При яркой луне звёзды на небе были едва заметны. На севере начались холода, и стаи перелётных птиц летели над пустыней, невидимые в темноте. Судя по голосам, они летели в несколько этажей — над самой землёй, повыше и совсем высоко. Где-то за барханами лаяла лисица, вероятно, на луну. Значит, недалеко есть родник — лиса без воды не может обходиться. Но где? Впрочем, это было не так уж важно — воды с нами было много.

Пробуждение на рассвете было не из весёлых, если не сказать больше. Кеша безмятежно спал, а в руке у него была зажата деревянная затычка от камеры. Воды в ней не было ни капли. Очевидно, он

ночью захотел пить, выдернул затычку, попил и ментально уснул, не заткнув отверстия.

— Что ты наделал, негодяй! — заорал Вася, будя товарища.

Он сел и взглянул на затычку в руке.

— Честное слово, не нарочно, со сна как-то получилось... — промямлил этот маменькин сынок.

— Не хватало ещё, чтобы сделал нарочно! Как мы теперь пойдём без воды? В чайнике осталось на самом дне. Что теперь делать, я тебя спрашиваю? — кричал Вася.

Он швырнул пустую камеру в сторону. Кеша молчал, виновато моргая и испуганно поглядывая на меня. Но чёрное, непоправимое дело было уже сделано. О чём теперь говорить?

Перепуганный и возбуждённый, Кеша покорно прошагал по утреннему холодку сорок минут. Между тем показалось солнце. Жара стала быстро нарастать. И опять мы потащили долговязого юношу под руки, а он всё время просил пить, пока в чайнике не осталось ни капли. Вася пнул ногой пустой чайник, и он с грохотом отлетел в сторону.

До полудня мы прошли самые пустяки, часами отлёживаясь и ожидая, пока Кеша сможет идти дальше. Вася то и дело взбирался на вершины барханов и смотрел в сторону лагеря. Но машины не было видно.

После полудня нам попалась тропинка со следами верблюдов. Она шла в направлении к лагерю, и мы прошли по ней целый километр. Идти по тропе было значительно легче. Вскоре сбоку подошла ещё одна тропа и слилась с нашей. Но вот тропа, обогнув большой бархан, свернула в сторону. С вершины бархана было видно, что тропа направилась к большому понижению на горизонте. За сотню метров от бархана ещё одна тропа сливалась с нашей.

— Вот что, Вася, — сказал я решительно, — свернём в сторону и пойдём по тропе. Она обязательно приведёт к колодцу!

— И скоро?

— Этого сказать нельзя, но по опыту знаю, что если ряд троп сходятся в одном направлении, — это значит, где-то есть колодец.

Вася молча повиновался, и мы поволокли Кешу по тропе дальше. А жара всё нарастала. Нестерпимо хотелось пить. Я с завистью посматривал на жаворонков — они могут обходиться совсем без воды, как и многие другие животные пустыни.

Половину расстояния до ложбины мы прошли по тропе, из последних сил таща Кешу, и в изнеможении повалились на песок, уронив Кешу около себя. Почти сразу я уснул.

Вернул меня к действительности возглас Васи:

— Смотрите, что это за знакомая птица?

— Это воробей, Вася, кричите ура! — воскликнул я, вскакивая.

— Ну и что же из того, что воробей?

— В пустыне воробьи гнездятся в стенах колодцев. Значит, мы правильно сделали, что свернули сюда! Видите, воробей полетел к котловине.

Мы подхватили Кешу и потащили по тропе, сами удивляясь откуда-то появившимся силам.

Колодец мы увидели издалека. От него веером расходились тропы. Ещё немного усилий, и мы сбросили Кешу на утопанную землю. Колодец был тщательно прикрыт саксаулом. Воробьи испуганно вылетели из него, едва мы сбросили первую саксаулину. Пахнуло сыростью. Брошенная палочка булькнула недалеко. На всю жизнь запомнился этот звук!

Солёная вода или пресная? Это сейчас самое главное...

— Чем же мы зачерпнём воду? Как жаль, что я бросил чайник! — волновался Вася.

Мы быстро придумали, как добраться до воды. У нас оставались ещё две консервные банки с тушёным мясом и бобами. Содержимое одной из них мы переложили в носовой платок, а три поясных ремня

связали вместе. «Ведро» было готово. Вася свесился в колодец насколько смог, схватившись одной рукой за край, а я держал его за ноги. Банка булькнула внизу, наполняясь водой.

Счастье улыбнулось нам — вода оказалась сносной, хотя и сильно пахла затхлостью.

Мы напились, и Кеша сразу повеселел:

— Если бы была с нами вода, я шёл бы... — Но тут Кеша вспомнил про камеру и замолчал на полуслове.

Двое суток мы пролежали около колодца. Машины не было. Видимо, с Кузьмой что-то случилось и он не дошёл до лагеря. На самом высоком бархане Вася прикрепил белую нижнюю рубашку, и её, как флаг, было видно за несколько километров кругом. Консервы давно кончились, и мы уже сутки ничего не ели. Затхлая вода была немного солоноватой, и мы сильно расстроили желудки, хотя и сидели на диете.

Наступило утро третьего дня. Мы сильно ослабели, а Кеша скорее походил на мертвеца, чем на живого человека. Дело начинало принимать трагический оборот. Всё сделалось как-то безразлично. В голову лезли, путаясь и перемешиваясь, разные мысли, как в бреду. Единственным нашим занятием было черпать воду из колодца, но и это проделывалось каждый раз всё с большим трудом. Было ясно, что вскоре мы не в силах будем доставать воду.

Ночью впервые сильно похолодало. Осень заглянула одним глазом и в пустыню. Мы прижимались друг к другу, ворочали с боку на бок Кешу, но уснуть не могли, всю ночь трясясь от холода. Зато есть и пить не хотелось. Уснули мы, только когда солнце стало обогревать пустыню. Это был не сон, а какое-то забытье.

Шум мотора и голоса вернули нас к действительности.

— Вот они где! — радостно воскликнул начальник нашей экспедиции, подбегая к нам.

Оказалось, Кузьма в лагерь не приходил. Три дня назад приехал на верблюде чабан и сказал, что видел в песках брошенную машину без людей. Он побоялся подъехать к ней близко и скорей погнал верблюда в лагерь. Ехал всю ночь и день. Начальник экспедиции два раза проехал от лагеря до машины и обратно. Наконец догадался свернуть к колодцу.

Только в лагере мы постепенно пришли в себя. А «газик» день и ночь кружил по пустыне, забираясь всё дальше. Кузьму нашли в песках чуть живого, почерневшего, с провалившимися глазами, без капли воды в котелке. Ночью он не заметил палаток и прошёл мимо лагеря дальше километров за сорок, пока не свалился. Его пришлось срочно отвезти в больницу, и только через два месяца он опять сел за руль. Кешу тоже отвезли в больницу, он быстро поправился и уехал домой. В городе он стал заниматься гимнастикой, ходил пешком, в корне пытался переменить свой образ жизни, но энтузиазма, говорят, у него хватило ненадолго.

Много лет спустя я встретился с бывшим Васей, теперь уже Василием Ивановичем, молодым учёным. Конечно, мы вспомнили наш рейд по пустыне, и я спросил:

— А где сейчас Кеша?

— Сидит где-то в канцелярии секретарём при ком-то. Такой же, как был. Перевоспитываться на четвёртом курсе, видимо, слишком трудно. А он всегда боялся трудностей.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе. Н. Сладков	3
---------------------------------	---

По звериному следу

Золотой сайгак	9
Хорька	38
Соболь № 43	53
Волчок из Бетпак-Далы	59
Белый марал	117

В ущелье Кокпек

Охотник за змеями	137
Обидчивая собака	141
Морозным вечером	145
Коварство барса	147
Хромая лиса	149
Непобедимый	152
Три встречи с секачом	157
Неожиданный трофей	164
За теками	166

В дёбрах Бартугая

Гибель фазанки	177
Ночные шорохи	179
Вьючный волк	181
Неожиданный хищник	183
Чёрная неблагодарность	186
Собачий конкурент	189
Полкан	191
Разговор у костра	198
Кабаны под окном	202

Среди тугаев Карачингила

На разливе	209
Опасный сосед	213
Редкий случай	217
Непрошенный квартирант	220
Опасная близость	221
В половодье	223
Пернатые грабительницы	225
За чужой матерью	229

Встречи в пустыне

Загадочная птица	235
Кот в песке	240
Совместная охота	245
Возвращение	246
За сойкой	251
В осаде	252
Тревога	255
Без воды	257
Змеиный колодец	259
Буря	261
Трудный рейд	262

Для младшего школьного возраста

Зверев Максим Дмитриевич

ЗОЛОТОЙ САЙГАК

Повести и рассказы

Ответственные редакторы *С. Е. Миримский* и *Л. Г. Тихомирова*. Художественный редактор *Н. И. Комарова*. Технический редактор *Е. М. Захарова*. Корректоры *В. К. Мирингоф* и *Э. Н. Сизова*.

Подписано к печати с матриц 1/XI 1968 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 17. (Уч. изд. л. 12.96). Тираж 100 000 экз. Цена 61 коп. на бум. № 2.

Издательство «Детская литература», Москва, М. Черкасский пер., 1. Орден Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3377.

61 коп.

М. Зверев • Золотой сайгак